

АЛЕКСАНДР ДЮМА

ТРИ

МУШКЕТЕРА

Annotation

Перед вами знаменитейшая история всех времен – приключенческий роман Александра Дюма-отца «Три мушкетера» об эпохе правления Людовика XIII. Это бессмертное произведение настолько полюбилось читателям всего мира, что было экранизировано более ста раз!

Юный пылкий гасконец д'Артаньян и его верные друзья-мушкетеры Атос, Портос и Арамис стали символом смелости, верности и дружбы, а их девиз «Один за всех, и все за одного» – стал крылатым выражением.

Перед Вами абсолютно уникальное издание, содержащее один из первых переводов романа, сделанных еще до революции. Книга содержит сокращенный вариант произведения – I часть приключений четверых друзей. Благодаря именно этому редкому дореволюционному переводу, книга стремительно завоевала популярность у русскоязычного читателя. Автор перевода неизвестен, но художественные достоинства его текста бесспорны: стиль автора, юмор и краткость, присущие перу А. Дюма, превосходно переданы переводчиком.

- [Александр Дюма](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [I. Три подарка д'Артаньяна отца](#)
 - [II. Передняя де-Тревиля](#)
 - [III. Аудиенция](#)
 - [IV. Плечо Атоса, перевязь Портоса и платок Арамиса](#)
 - [V. Королевские мушкетеры и гвардейцы кардинала](#)
 - [VI. Король Людовик XIII](#)
 - [VII. Домашняя жизнь мушкетеров](#)
 - [VIII. Придворная интрига](#)
 - [IX. Д'Артаньян](#)
 - [X. Мышеловка в 17-м веке](#)
 - [XI. Интрига завязывается](#)
 - [XII. Георг Вилие. Герцог Бокингем](#)
 - [XIII. Бонасиё](#)
 - [XIV. Менгский знакомец](#)
 - [XV. Приказные и военные](#)
 - [XVI. Канцлер Сегие](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)

- [I. Семейство Бонасиё](#)
 - [II. Любовник и муж](#)
 - [III. План путешествия](#)
 - [IV. Путешествие](#)
 - [V. Графиня Винтер](#)
 - [VI. Балет Мерзелон](#)
 - [VII. Свидание](#)
 - [VIII. Павильон](#)
 - [IX. Портос](#)
 - [X. Диссертация Арамиса](#)
 - [XI. Жена Атоса](#)
 - [XII. Возвращение](#)
 - [XIII. Охота за экипировкой](#)
 - [XIV. Миледи](#)
-

Александр Дюма
Три мушкетера

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. Три подарка д'Артаньяна отца

В первый понедельник апреля месяца 1625 года местечко Мёнг было в таком смятении как Рошель во время осады его гугенотами. Многие граждане, при виде женщин, бегущих к Большой улице, и ребят, кричащих у порогов дверей, спешили надеть латы и, вооружась ружьями и бердышами, направлялись к гостинице Франк-Мёнье, перед которой теснилась шумная и любопытная толпа, возраставшая ежеминутно.

В те времена подобные панические испуги были часты, и редкий день проходил без того, чтобы тот или другой город не внес в свой архив какого-нибудь происшествия в этом роде: вельможи воевали между собой, король вел войну с кардиналом, Испанцы вели войну с королем. Кроме этих войн, производимых тайно или открыто, воры, нищие, гугеноты, волки и лакеи вели войну со всеми. Граждане вооружались всегда против воров, волков, лакеев, часто против вельмож и гугенотов, иногда против короля, но никогда против Испанцев.

При таком положении дел естественно, что в упомянутый понедельник апреля месяца 1625 года граждане, услышав шум и не видя ни красного ни желтого знамени, ни ливреи герцога Ришельё, бросились в ту сторону, где находилась гостиница Франк-Мёнье.

Прибыв туда, каждый мог узнать причину этого волнения.

За четверть часа перед тем, через заставу Божанси, въехал в Мёнг молодой человек на буланой лошадке. Опишем наружность его лошадки. Представьте себе дон-Кихота, 18-ти лет от роду, не вооруженного, без кольчуги и без лат, в шерстяном камзоле, которого синий цвет принял неопределенный оттенок зеленоватого с голубым. Лицо длинное и смуглое, с выдавшимися скулами, – признак коварства; челюстные мускулы, чрезвычайно развитые, – несомненная примета Гасконца даже без берета, а на нашем молодом человеке был берет, украшенный пером; глаза большие и умные; нос кривой, по тонкий и красивый; рост слишком большой для юноши и слишком малый для взрослого человека; непривычный глаз принял бы его за путешествующего сына Фермера, если бы не длинная шпага, привешенная на кожаной перевязи, ударявшая своего владельца по икрам, когда он шел пешком, и по щетинистой шерсти его лошади, когда он ехал.

Лошадь этого молодого человека была так замечательна, что обратила на себя общее внимание: это была беарнская лошадка, 12 или 14 лет от

роду, желтой шерсти, без хвоста и с подсединами на ногах; на ходу она опускала голову ниже колен, отчего употребление подбрюшного ремня оказывалось бесполезным; но она все-таки делала по восьми миль в день.

К несчастью странный цвет шерсти ее и не красивая походка до того скрывали хорошие ее качества, что в те времена, когда все были знатоками в лошадях, появление ее в Мёнге произвело неприятное впечатление, отразившееся и на всаднике.

Это впечатление было тем тягостнее для д'Артаньяна (так звали нового дон-Кихота), что он и сам понимал это, хотя и был хорошим ездоком; но подобная лошадь делала его смешным, о чем он глубоко вздохнул, принимая этот подарок от отца. Он знал, что подобное животное стоило не менее 20 ливров; при том слова, сопровождавшие подарок, были неоценимы: «Сын мой», сказал гасконский дворянин тем чистым простонародным беарнским наречием, от которого никогда не мог отвыкнуть Генрих IV, – «сын мой, эта лошадь родилась в доме отца твоего, тринадцать лет тому назад, и находилась в нем в продолжение всего этого времени, – это одно должно заставить тебя полюбить её. Не продавай её никогда, дай ей умереть спокойно в старости; и если ты будешь с нею в походе, то береги её как старого слугу. При дворе, продолжал д'Артаньян-отец, – если ты когда-нибудь удостоишься быть там, – честь, на которую, впрочем, дает тебе право твое древнее дворянство, – поддерживай с достоинством свое дворянское имя, так как оно поддерживалось предками нашими в продолжение более пяти сот лет. Не переноси ничего ни от кого кроме кардинала и короля. Помни, что в настоящее время дворянин прокладывает себе дорогу только храбростью. Трусливый часто сам от себя теряет случай, который представляет ему счастье. Ты молод и должен быть храбр по двум причинам: во-первых, потому что ты Гасконец, во-вторых, потому что ты мой сын. Не бойся опасностей и ищи приключений. Я научил тебя владеть шпагой; нога твоя крепка как железо, рука как сталь, дерись при каждом случае; дерись тем больше, потому что дуэли запрещены, из чего следует, что нужна двойная храбрость для драки. Я могу дать тебе, сын мой, только 15 экю, лошадь мою и советы, которые ты выслушал. Мать прибавит к этому рецепт полученного ею от одной цыганки бальзама, заключающего в себе чудное свойство исцелять всякую рану кроме сердечных. Извлекай пользу из всего и живи счастливо и долго. Мне остается прибавить еще одно: представить тебе в пример не меня, – потому что я никогда не был при Дворе и участвовал только в войне за религию волонтером, – но де-Тревиля, бывшего некогда моим соседом: он, будучи еще ребенком, имел честь играть с королем Людовиком XIII, да

хранит его Бог! Иногда их игры принимали вид сражений, и в этих сражениях король не всегда брал верх. Поражения, которые он претерпевал, пробудили в нем уважение и дружбу к де-Тревилю. В последствии де-Тревиль сражался с другими во время первого своего путешествия в Париж пять раз, со смерти покойного короля до совершеннолетия молодого, не считая войн и осад, семь раз, и со времени этого совершеннолетия донныне, может быть, сто раз, несмотря на указы, предписания и аресты, он, капитан мушкетеров, то есть начальник легиона цезарей, которым очень дорожит король и которого страшится кардинал, а как известно не много таких вещей, которых он боится. Кроме того, де-Тревиль получает десять тысяч экю в год; следовательно, живет как вельможа. Он начал так же, как и ты; явись к нему с этим письмом и подражай ему во всем, чтобы достигнуть того чего он достиг.»

После чего д'Артаньян-отец надел на сына собственную шпагу, нежно поцеловал его в обе щеки и дал ему свое благословение.

Выйдя из отцовской комнаты, молодой человек пошел к матери, ожидавшей его с знаменитым рецептом, которому, судя по полученным от отца советам, предстояло довольно частое употребление. Здесь прощанья были продолжительнее и нежнее нежели с отцом, не потому чтобы д'Артаньян не любил сына, единственного потомка своего, но д'Артаньян был мужчина и считал недостойным мужчины предаваться движению сердца, между тем как г-жа д'Артаньян была женщина и притом мать.

Она плакала обильными слезами, и скажем в похвалу д'Артаньяна сына, что при всех его усилиях оставаться твердым, как следовало бы будущему мушкетеру, натура одержала верх, — он не мог удержаться от слез.

В тот же самый день молодой человек пустился в путь, снабженный тремя отцовскими подарками, которые состояли, как мы сказали уже, из пятнадцати экю, лошади и письма к де-Тревилю; разумеется, советы были даны не в счет.

С таким напутствием д'Артаньян стал морально и физически верным снимком с героя Сервантеса, с которым мы так удачно его сравнили, когда по обязанности историка должны были начертить его портрет. Дон-Кихот принимал ветряные мельницы за великанов, и баранов за войска; д'Артаньян принимал каждую улыбку за оскорбление и каждый взгляд за вызов. От этого произошло, что кулаки его были постоянно сжаты от Тарб до Мёнга, и что в том и другом местечке он по десяти раз в день клал руку на эфес шпаги; впрочем ни кулак, ни шпага ни разу не были употреблены в дело. Не потому чтобы вид несчастной желтой лошадки не возбуждал

улыбок на лицах проходящих; но как над лошадкой брэнчала длинная шпага, а над этою шпагой сверкала пара свирепых глаз, то проходящие сдерживали свою веселость, или, если веселость брала верх над благоразумием, то старались смеяться, по крайней мере, только одною стороною лица как античные маски. Итак, д'Артаньян оставался величественным, и раздражительность его не была задета до несчастного города Мёнга.

Но там, когда он слезал с лошади у ворот Франк-Мёнье и никто не вышел принять от него лошадь, д'Артаньян заметил у полуоткрытого окна нижнего этажа дворянина, большого роста и надменного вида, хотя с лицом слегка нахмуренным, разговаривающего с двумя особами, которые, казалось, слушали его с уважением. Д'Артаньян, по привычке, полагал, что предметом разговора был он и начал прислушиваться. На этот раз он ошибся только вполовину: речь шла не о нем, а о его лошади. Казалось, что дворянин вычислял своим слушателям все ее качества и, как рассказчик, внушал слушателям уважение; они смеялись ежеминутно. Но достаточно было полуулыбки, что бы пробудить раздражительность молодого человека; понятно, какое впечатление произвела на него эта шумная веселость.

Д'Артаньян гордым взглядом начал рассматривать наружность дерзкого насмешника. Это был человек лет 40 или 45, с черными, пронизательными глазами, бледный, с резко обрисованным носом и красиво подстриженными черными усами; на нем был камзол и панталоны фиолетового цвета, которые хотя были новы, но казались измятыми, как будто находились долгое время в чемодане.

Д'Артаньян сделал все эти замечания с быстротою самого сметливого наблюдателя, и, вероятно, с инстинктивным предчувствием, что этот незнакомец будет иметь большое влияние на его будущность.

Но как в то самое время, когда д'Артаньян рассматривал дворянина в фиолетовом камзоле, этот последний сделал одно из самых ученых и глубокомысленных замечаний о достоинстве его беарнской лошади, то оба слушателя его разразились смехом, и даже он сам, против обыкновения, слегка улыбнулся. При этом д'Артаньян не сомневался уже, что он был оскорблен. Убежденный в обиде, он надвинул берет на глаза и, подражая придворным манерам, которые он подметил в Гасконии у путешествующих вельмож, подошел, положив одну руку на эфес шпаги, другую на бедро. К несчастью, по мере того как он приближался, гнев все больше и больше ослеплял его, и вместо полной достоинства и надменной речи, приготовленной им для вызова, он сказал только грубую личность,

сопровождая её бешеным движением.

– Эй, что вы прячетесь за ставнем, воскликнул он. – Скажите-ка мне, чему вы смеетесь, и будем смеяться вместе.

Дворянин медленно перевел глаза с лошади на всадника, как будто сразу не понял, что эти странные упреки относились к нему; когда же не оставалось в том никакого сомнения, то брови его слегка нахмурились, и, после довольно долгого молчания, он с неописанною иронией и наглостью отвечал д'Артаньяну.

– Я не с вами говорю, милостивый государь.

– Но я говорю с вами, воскликнул молодой человек, раздраженный до крайности этою смесью наглости и хорошего тона, приличия и презрения.

Незнакомец еще раз взглянул на него с легкою улыбкой, отошел от окна, медленно вышел из гостиницы и встал в двух шагах от д'Артаньяна, против его лошади.

Его спокойная осанка и насмешливый вид удвоили веселость оставшихся у окна его собеседников. Д'Артаньян, увидев его подле себя, вынул свою шпагу на один фут из ножен.

– Эта лошадь буланая, или, лучше сказать, она была такою в молодости, продолжал незнакомец, обращаясь к слушателям своим, бывшим у окна, и не замечая, по-видимому, раздражения д'Артаньяна, – этот цвет известен в ботанике, но до сих пор редко встречается между лошадьми.

– Кто не смеет смеяться над всадником, тот смеется над лошадыю, сказал неистово подражатель де-Тревия.

– Я смеюсь не часто, возразил незнакомец, – вы можете судить о том по выражению моего лица; но я желаю удержать за собою право смеяться когда мне угодно.

– А я, сказал д'Артаньян, – не хочу, чтобы смеялись, когда мне это не нравится.

– В самом деле? продолжал незнакомец очень спокойно. – Это совершенно справедливо. И повернувшись на пятках, он намеревался возвратиться в гостиницу, через большие ворота, у которых д'Артаньян видел оседланную лошадь.

Но характер д'Артаньяна был не таков, чтоб он мог отпустить человека, дерзко осмеявшего его. Он совсем вынул шпагу из ножен и пустился вслед за ним с криком:

– Воротитесь, воротись же господин насмешник, а то я убью вас сзади.

– Меня убить! сказал незнакомец, поворачиваясь на пятках и смотря на молодого человека с удивлением и презрением. – Что с вами, любезный, вы

с ума сошли!

Потом вполголоса, как будто говоря с самим собой, он прибавил: – это жаль! какая находка для его величества, который везде ждет храбрых для своего мушкетерского полка.

Едва успел он договорить, как д'Артаньян направил в него такой удар острием шпаги, что вероятно его шутка была бы последнею, если б он не успел быстро отскочить назад. Незнакомец, видя тогда, что дело идет не на шутку, вынул шпагу, поклонился своему противнику и важно встал в оборонительное положение. Но в то же время двое его служителей, в сопровождении хозяина гостиницы, напали на д'Артаньяна с палками, лопатами и щипцами. Это произвело быстрый и совершенный переворот в борьбе.

Между тем как д'Артаньян обернулся назад, чтоб отразить град ударов, противник его спокойно вложил свою шпагу и с обыкновенным своим бесстрашием из действующего лица стал зрителем, ворча однако ж про себя.

– Черт возьми Гасконцев! Посадите его на его оранжевую лошадь, и пусть убирается!

– Но прежде убью тебя, трус! кричал д'Артаньян, отражая, сколько мог, сыпавшиеся на него удары, и не отступая ни на шаг от трех своих неприятелей.

– Еще хвастается! бормотал дворянин. – Эти Гасконцы неисправимы. Продолжайте же, если он того непременно хочет. Когда устанет, скажет – довольно.

Но незнакомец не знал, с какого рода упрямцем имел дело: д'Артаньян был не такой человек, чтобы стал просить пощады. Бой продолжался еще несколько секунд; наконец д'Артаньян, изнуренный, выпустил из руки шпагу, переломленную на двое ударом палки. В то же время другим ударом в лоб сбило его с ног окровавленного и почти без чувств.

В эту самую минуту со всех сторон сбежались на место зрелища. Хозяин, опасаясь неприятностей, унес раненого, с помощью своих служителей, в кухню, где ему подана была помощь.

Что же касается до дворянина, то он возвратился на свое прежнее место у окна и смотрел с нетерпением на толпу, присутствие которой, казалось, было ему неприятно.

– Ну, каково здоровье этого бешеного? сказал он, оборачиваясь при шуме отворившейся двери, и обращаясь к хозяину, который пришел осведомиться о его здоровье.

– Ваше превосходительство не ранены? спросил хозяин.

– Нет, совершенно невредим, любезный хозяин. Я вас спрашиваю, в каком состоянии молодой человек?

– Ему лучше, отвечал хозяин, – он в обмороке.

– В самом деле? сказал дворянин.

– Но до обморока, он, собрав последние силы, звал вас и вызывал на бой.

– Этот забавник должен быть сам черт, сказал незнакомец.

– О нет, ваше превосходительство, он не похож на черта, сказал хозяин с презрительною гримасой: – во время обморока мы обыскали его; у него в свертке только одна рубашка, а в кошелке только 12 экю, и, несмотря на то, лишаясь чувств, он сказал, что если б это случилось в Париже, то вам пришлось бы раскаяться сейчас же, между тем как здесь раскаетесь, но только позже.

– В таком случае, это должно быть какой-нибудь переодетый принц крови, хладнокровно сказал незнакомец.

– Я вам говорю это, сударь, для того чтобы вы были осторожны, сказал хозяин.

– Он не назвал никого по имени в гневе своем?

– О да, он ударял по карману и говорил: увидим, что скажет об этом оскорбленный покровитель мой де-Тревиль.

– Де-Тревиль? сказал незнакомец, делаясь внимательнее. – Он ударял по карману, говоря о де-Тревиле? Послушайте, хозяин, пока этот молодой человек был в обмороке, вы наверно осмотрели и карман его. Что в нем было?

– Письмо, адресованное на имя де-Тревилья, капитана мушкетеров.

– В самом деле?

– Точно так, ваше превосходительство.

Хозяин, не одаренный большою прозорливостью, не заметил какое выражение слова его придало лицу незнакомца, который отошел от окна и нахмурил брови с беспокойством.

– Черт возьми, бормотал он сквозь зубы, – неужели де-Тревиль прислал мне этого Гасконца. Он очень молод. Но удар шпаги, от кого бы он ни был, все-таки удар, а ребенка меньше опасаются нежели кого-нибудь другого; иногда достаточно самого слабого препятствия чтобы помешать важному предприятию.

И незнакомец углубился на несколько минут в размышления.

– Послушайте, хозяин, избавьте меня от этого сумасшедшего: по совести, я не могу убить его, а между тем, прибавил он с выражением холодной угрозы, – он мне мешает. Где он?

В комнате жены моей, в первом этаже, его перевязывают.

– Одежда его и мешок при нем? Он не снимал камзола?

– Напротив, все эти вещи в кухне. Но так как этот сумасшедший вас беспокоит...

– Без сомнения. Он делает в вашей гостинице скандал, а это не может нравиться порядочным людям. Ступайте наверх, сведите счет мой и предупредите моего человека.

– Как! господин уже уезжает?

– Разумеется, когда я уже приказал оседлать мою лошадь. Разве мое приказание не исполнено?

– О да, ваше превосходительство, может быть вы видели, лошадь ваша у больших ворот приготовлена к отъезду.

– Хорошо, так сделайте то, что я вам сказал.

– «Гм... подумал хозяин, неужели он боится этого мальчика».

Но повелительный взгляд незнакомца остановил его. Он низко поклонился и вышел.

– Не надо чтобы этот забавник увидел миледи, продолжал незнакомец: – она скоро должна приехать, и то она уже опоздала. Лучше поехать ей на встречу. Если б я мог узнать содержание этого письма к де-Тревилью!

И незнакомец, бормоча про себя, отправился на кухню. Между тем хозяин, не сомневаясь, что присутствие молодого человека мешало незнакомцу оставаться в гостинице, возвратился в комнату жены и нашел д'Артаньяна уже пришедшим в чувство.

Стараясь внушить ему, что может наделать ему неприятностей за ссору с вельможей, – по мнению хозяина, незнакомец был непременно вельможа, – он уговорил его, несмотря на слабость, встать и продолжать путь. Д'Артаньян, едва пришедший в чувство, без камзола, с перевязанною головой, встал и, понуждаемый хозяином, начал спускаться вниз. Но, придя в кухню, он прежде всего увидел своего противника, спокойно разговаривавшего у подножки тяжелой кареты, запряженной двумя большими нормандскими лошадьми.

Его собеседница, голова которой видна была через рамку дверец кареты, была женщина лет двадцати или двадцати двух.

Мы уже говорили о способности д'Артаньяна быстро схватывать наружность: он с первого взгляда заметил, что женщина была молода и красива. Красота ее поразила его тем более, что это была красота такого рода, который неизвестен в южных странах, где до тех пор жил д'Артаньян. Женщина эта была бледная блондинка, с длинными вьющимися волосами,

падавшими на плечи, с большими голубыми, томными глазами, розовыми губами и белыми, как мрамор, руками. Она вела с незнакомцем очень оживленный разговор.

– Следовательно, кардинал приказывает мне... говорила дама.

– Возвратиться немедленно в Англию и предупредить его, если бы герцог выехал из Лондона.

– А какие же еще другие поручения? спросила прекрасная путешественница.

– Они заключаются в этой коробке, которую вы откроете не прежде как на другом берегу Ла-Манша.

– Очень хорошо. А вы что будете делать?

– Я возвращаюсь в Париж.

– И оставите без наказания этого наглого мальчика? спросила дама.

Незнакомец хотел отвечать, но в ту минуту, когда он открыл рот, д'Артаньян, слышавший их разговор, появился в дверях.

– Этот наглый мальчик наказывает других, вскричал он, – и в этот раз надеюсь, что тот, которого ему следует наказать, не ускользнет от него.

– Не ускользнет? возразил незнакомец, нахмутив брови.

– Нет, я полагаю, что вы не осмелитесь бежать в присутствии женщины.

– Подумайте, сказала миледи, видя что дворянин заносил руку на шпагу, – подумайте, что малейшее промедление может все испортить.

– Вы правы, сказал дворянин: – поезжайте же и я еду.

И, поклонившись даме, он вскочил на лошадь; между тем как кучер кареты изо всей силы хлестал лошадей. Оба собеседника поехали в галоп, в противоположные стороны.

– А деньги? кричал хозяин, которого уважение к путешественнику превратилось в глубокое презрение, когда он увидел, что тот уезжает, не расплатившись.

– Заплати, закричал путешественник на скаку своему лакею, который, бросив к ногам хозяина две или три серебряные монеты, поехал вслед за господином.

– Трус! негодяй! ложный дворянин! кричал д'Артаньян, бросаясь за лакеем.

Но раненый был еще слишком слаб, чтобы вынести подобное потрясение. Едва он сделал десять шагов, как почувствовал звон в ушах; в глазах его потемнело, и он упал среди улицы, все еще крича:

– Трус! трус! трус!

– Он в самом деле трус, бормотал хозяин, подойдя к д'Артаньяну и

пробуя этою лестью помириться с бедным мальчиком.

– Да, большой трус, сказал д'Артаньян. – Но она, как она прекрасна!

– Кто она? спросил хозяин.

– Миледи, шептал д'Артаньян, и вторично лишился чувств.

– Все равно, сказал хозяин: – я теряю двух, но мне остается этот, которого наверно удастся задержать, по крайней мере, на несколько дней. Все-таки я выиграю одиннадцать экю.

Нам известно уже, что сумма, бывшая в кошельке д'Артаньяна, состояла ровно из одиннадцати экю.

Хозяин рассчитывал на одиннадцать дней болезни, по одному экю в день; но он рассчитывал, не зная своего путешественника. На другой день д'Артаньян встал в пять часов утра, сам спустился в кухню, спросил, кроме некоторых других снадобий, список которых до нас не дошел; вина, масла, розмарину, и по рецепту матери составил бальзам, намазал им многочисленные раны свои, сам возобновлял перевязи и не хотел никакого доктора.

Благодаря, без сомнения, силе цыганского бальзама и, может быть, недопущению доктора, д'Артаньян был к вечеру на ногах и на другой день почти здоров.

Но когда он хотел расплатиться за розмарин, масло и вино, – единственный расход его, потому что он соблюдал самую строгую диету, – и за корм своей желтой лошадки, которая, напротив, по словам содержателя гостиницы, съела втрое больше нежели можно было предполагать по росту ее, д'Артаньян нашел в кармане только измятый бархатный кошелек и в нем 11 экю, письмо же к де-Тревилью исчезло.

Молодой человек очень терпеливо начал искать письма, выворачивая по двадцати раз карманы, роясь в своем мешке и в кошельке; когда же убедился, что письма не было, то он в третий раз впал в припадок бешенства, который едва не заставил его снова прибегнуть к употреблению ароматического масла и вина, потому что когда он начал горячиться и угрожал переломать все в заведении, если не найдут его письма, то хозяин вооружился охотничьим ножом, жена его метлой, а служители теми же самыми палками, которые служили накануне.

– Мое рекомендательное письмо, кричал д'Артаньян, – мое рекомендательное письмо, или я вас всех воткну на вертел как овсянок!

К несчастью, одно обстоятельство помешало приведению в исполнение угроз молодого человека, именно то что шпага его была переломлена надвое, во время первой борьбы, о чем он совершенно забыл. Поэтому, когда д'Артаньян хотел обнажить шпагу, то оказалось, что он был

вооружен одним обломком ее, в восемь или десять дюймов длиною, который был заботливо вложен в ножны хозяином гостиницы. Остальную же часть клинка он искусно свернул, чтобы сделать из нее шпиговальную иглу.

Это, вероятно, не остановило бы запальчивого молодого человека, если бы хозяин не рассудил, что требование путешественника было совершенно справедливо.

– В самом деле, сказал он, опуская нож, – где же это письмо?

– Да, где письмо? Кричал д'Артаньян. – Я вас предупреждаю, что это письмо к де-Тревилю, оно должно быть найдено; если же оно не найдется, он заставит найти его.

Эта угроза окончательно испугала хозяина. После короля и кардинала имя де-Тревиля было чаще всех повторяемо военными и даже гражданами. Правда, был еще друг кардинала, отец Иосиф, но ужас, внушаемый седым монахом, как называли его, был так велик, что о нем никогда не говорили вслух. Поэтому, бросив нож, хозяин велел положить оружие жене и с испугом и начал отыскивать потерянное письмо.

– Разве в этом письме было что-нибудь драгоценное? спросил хозяин после бесполезных поисков.

– Разумеется, сказал Гасконец, рассчитывавший этим письмом проложить себе дорогу ко двору: – в нем заключалось мое счастье.

– Испанские фонды? спросил тревожно хозяин.

– Фонды собственного казначейства его величества, отвечал д'Артаньян.

Предполагая посредством этого рекомендательного письма поступить на службу к королю, он считал справедливым свой, несколько отважный, ответ.

– Черт возьми! сказал хозяин в отчаянии.

– Но все равно, продолжал д'Артаньян с национальной самоуверенностью: – деньги ничего не значат, это письмо составляло для меня все. Я охотнее согласился бы потерять тысячу пистолей чем это письмо.

Он не больше рисковал бы, если бы сказал двадцать тысяч; но какая-то юношеская скромность удержала его.

Луч света озарил вдруг разум хозяина, который посылал себя к черту, не находя ничего.

– Письмо не потеряно, сказал он.

– А! сказал д'Артаньян.

– Нет, его у вас взяли.

– Его взяли, а кто?

– Вчерашний дворянин. Он ходил в кухню, где лежал ваш камзол, и был там один. Я держу пари что он украл письмо.

– Вы так думаете? отвечал д'Артаньян, не совсем веря этому; он знал, что письмо было важно только лично для него, и не находил причины, которая могла побудить к похищению его, никто из слуг и присутствовавших путешественников ничего не выиграл бы приобретением его.

– Так вы говорите, сказал д'Артаньян, – что вы подозреваете этого дерзкого дворянина?

– Я уверен в этом, продолжал хозяин: – когда я сказал ему, что вам покровительствует де-Тревилю, и что у вас есть даже письмо к этому знаменитому дворянину, это, казалось, очень, обеспокоило его; он спросил меня, где это письмо, и немедленно спустился в кухню, где был ваш камзол.

– В таком случае, он вор, отвечал д'Артаньян: – я пожалуйсь де-Тревилю, а де-Тревилю королю. Потом он важно вынул из кармана три экю, отдал их хозяину, провожавшему его со шляпою в руке до ворот, сел на свою желтую лошадь, и, без всяких приключений, доехал до ворот Св. Антония в Париже, где продал лошадь за три экю. Эта цена была еще довольно значительна, судя по тому как д'Артаньян насадил свою лошадь при последнем переходе. Барышник, купивший ее за вышеупомянутые девять ливров, сказал молодому человеку, что только оригинальный цвет лошади побудил его дать эту непомерную цену.

Итак, д'Артаньян вошел в Париж пешком, с узлом под мышкой, и ходил до тех пор, пока нашел комнату, сообразную по цене с его скудными средствами. Эта комната была на чердаке, в улице Могильщиков, недалеко от Люксембурга.

Д'Артаньян немедленно отдал задаток и поселился в новой своей квартире; остаток дня он употребил на обшивку камзола и панталон позументом, споротым его матерью с почти нового камзола д'Артаньянова отца и данным ему тайком. Потом он пошел в железный ряд, чтобы заказать клинок к шпаге; оттуда отправился в Лувр, спросил там у первого встретившегося мушкетера, где находился отель де-Тревиля и, узнав что он был по соседству нанимаемой им комнаты, в улице Старой Голубятни, счел это обстоятельство хорошим предвестием.

После всего этого, довольный своим поведением в Мёнге, без упреков совести в прошедшем, доверчивый в настоящем и с надеждою на будущее, он лег и уснул богатырским сном.

Спокойным сном провинциала проспал он до девяти часов, встал и отправился к знаменитому де-Тревилью, третьему лицу в королевстве, по мнению отца его.

II. Передняя де-Тревиля

Де-Труаниль, как звали его еще в Гасконии, или де-Тревилль, как назвал он себя в Париже, действительно начал, как д'Артаньян, т. е. без гроша наличных денег, но с запасом отваги, ума и смысла, а это такой капитал, что, получив его в наследство, самый бедный гасконский дворянин имеет в надеждах больше нежели самый богатый дворянин других провинций получает от отца в действительности.

Его храбрость и счастье, в те времена, когда дуэли были в таком ходу, подняли его на ту высоту, которая называется милостью двора и которой он достиг чрезвычайно быстро.

Он был другом короля, который, как известно, очень уважал память отца своего Генриха IV. Отец де-Тревиля верно служил Генриху во время войн против лиги, но, как Беарнец, всю жизнь свою терпевший недостаток в деньгах, вознаграждал этот недостаток умом, которым был щедро наделен, то после сдачи Парижа он разрешил де-Тревиллю принять герб золотого льва, с надписью на пасти *fidelis et fortis*. Это много значило для чести, но мало для благосостояния. Поэтому, когда знаменитый товарищ великого Генриха умер, единственное наследство, оставшееся сыну его, состояло из шпаги и девиза. Благодаря такому наследству и незапятнанному имени, де-Тревилль был допущен ко двору молодого принца, где он так хорошо служил своею шпагой и так верен был своему девизу, что Людовик XIII, отлично владевший шпагой, обыкновенно говорил, что если б у него был друг, который вздумал бы драться, то он дал бы ему совет взять в секунданты сперва себя, а после де-Тревиля, а может быть де-Тревиля и прежде.

Людовик XIII имел действительную привязанность к де-Тревиллю, привязанность королевскую, эгоистическую; тем не менее это была всё-таки привязанность, потому что в эти несчастные времена все старались окружать себя людьми в роде де-Тревиля.

Многие могли избрать себе девизом название «сильный», составлявшее вторую часть надписи на его гербе, но немногие имели право требовать эпитета «верный», бывшего первою частью той надписи. Де-Тревилль принадлежал к последним: он был одарен редкою организацией, послушанием собаки, слепую храбростью, быстротою в соображении и исполнении; глаза служили ему только для того, чтобы видеть, не был ли король кем-нибудь недоволен, а рука, чтобы поражать того, кто ему не

нравился. Де-Тревилю не доставало только случая, но он его подстерегал и намеревался крепко ухватиться за него, когда он представится. Людовик XIII сделал де-Тревиля капитаном мушкетеров, которые были для него, по преданности, или, лучше сказать, по фанатизму, тем же чем были – ординарная стража для Генриха III и шотландская гвардия для Людовика XI.

Кардинал, власть которого не уступала королевской, с своей стороны, не остался в этом отношении в долгу у короля. Когда он увидел, каким страшным и отборным войском окружил себя Людовик XIII, он захотел также иметь свою стражу. Он учредил своих собственных мушкетеров, и эти две боровшиеся власти набирали в свою службу людей самых известных по искусству владеть шпагой, не только из всех провинций Франции, но и из чужих стран. И потому Ришельё и Людовик XIII часто, по вечерам, играя в шахматы, спорили о достоинстве своих слуг. Каждый превозносил наружный вид и храбрость своих и, вслух восставая против дуэли и драк, они подстрекали к ним тайно своих мушкетеров и ощущали истинную печаль или неумеренную радость при поражении или победе своих. Так, по крайней мере, говорится в записках одного современника, бывшего при некоторых из этих поражений и побед.

Де-Тревиль понял слабую сторону своего господина, и этой ловкости был обязан продолжительною и постоянною благосклонностью короля, который не славился большою верностью своим друзьям.

Он с лукавым видом щеголял своими мушкетерами перед кардиналом, которого седые усы при этом щетинились от гнева. Де-Тревиль в совершенстве понял характер войны того времени, когда, при невозможности жить на счет неприятелей, войска жили насчет своих соотечественников; солдаты его составляли легион чертей, не повиновавшихся никому кроме него.

Растрепанные, полупьяные, с боевыми знаками на лицах, королевские мушкетеры, или, лучше сказать, мушкетеры де-Тревиля, шатались по кабакам, гуляньям и на публичных играх, крича и закручивая усы, звеня шпагами, толкая при встрече стражей кардинала; иногда при этом обнажали шпаги среди улицы, с уверенностью что если их убьют, то они будут оплаканы и отомщены, если же они убьют, то не заплеснеют в тюрьме, потому что де-Тревиль всегда выручал их. Потому де-Тревиль был превозносим этими людьми, которые обожали его, и, несмотря на то, что в отношении к другим это были воры и разбойники, перед ним они дрожали, как школьники перед учителем, послушные малейшему слову его и готовые идти на смерть, чтобы смыть малейший упрек.

Де-Треви́ль пользовался этим могущественным рычагом, прежде всего, для короля и друзей его, потом для себя и собственных друзей. Впрочем, ни в каких записках того времени, оставившего по себе так много записок, не видно, чтоб этот достойный дворянин был обвиняем даже врагами своими в том, что он брал плату за содействие солдат своих. Обладая редкою способностью к интригам, ставившею его наряду с сильнейшими интриганам, он был в то же время честным человеком. Кроме того, несмотря на утомительные битвы на шпагах и трудные упражнения, он был одним из самых изящных поклонников прекрасного пола, одним из тончайших щеголей своего времени; об удачах де-Треви́ля говорили как двадцать лет тому назад говорили о Бассомпиере; а это значило не мало. Капитаном мушкетеров восхищались, его боялись и любили, следовательно, он был в апогее человеческого счастья.

Людовик XIV лучами своей славы затмевал все маленькие звезды своего двора, но отец его, солнце *pluribus impar*, не мешал личному сиянию каждого из своих фаворитов, достоинству каждого из своих придворных. Кроме короля и кардинала в Париже считалось тогда до двух сот лиц, к которым собирались во время их утреннего туалета. Между ними туалет де-Треви́ля был одним из самых модных. Двор дома его, находившегося в улице Старой Голубятни, летом, с 6 часов утра, зимою с 8, походил на лагерь. Там постоянно прохаживались от 50 до 60 вооруженных мушкетеров, которые сменялись, наблюдая чтобы число их всегда было достаточно на случай какой-нибудь надобности. На одной из больших лестниц, на пространстве которой в наше время выстроили бы целый дом, поднимались и опускались парижские просители, искавшие какой-нибудь милости, – провинциальные дворяне, жадно стремившиеся записаться в солдаты, и лакеи, и галунах всех цветов, с разными поручениями от своих господ к Де-Треви́лю. В передней, на длинных полукруглых скамьях сидели избранные, то есть те, которые были приглашены. Говор продолжался тут с утра до вечера, между тем как де-Треви́ль в кабинете, смежном с передней, принимал визиты, выслушивал, жалобы, отдавал приказания и мог из своего окна, как король из луврского балкона, делать, когда вздумается, смотр своим людям.

Общество, собравшееся в день представления д'Артаньяна, могло бы внушить уважение всякому, в особенности провинциалу; но д'Артаньян был гасконец, а в то время, в особенности соотечественники его, славились тем, что они были не робки. Действительно, войдя чрез тяжелые ворота с железными засовами, каждый должен был проходить чрез толпу людей, вооруженных шпагами, которые фехтовали на дворе, вызывая друг друга,

споря и играя между собою. Только офицеры, вельможи и хорошенькие женщины могли пройти свободно среди этой буйной толпы.

Сердце молодого человека сильно билось, когда он пробирался через эту шумную и беспорядочную толпу, придерживая длинную шпагу к тонким ногам и держа руку у шляпы с полуулыбкой смущенного провинциала, желающего держать себя прилично. Пройдя чрез толпу, он вздохнул свободнее; но он чувствовал, что на него оглядывались и, в первый раз в жизни, д'Артаньян, имевший довольно хорошее мнение о самом себе, нашел себя смешным. При входе на лестницу встретилось новое затруднение; на первых ступенях четыре мушкетера забавлялись упражнением следующего рода: один из них, стоя на верхней ступеньке, с обнаженною шпагой, мешал или старался помешать трем остальным взойти на верх. Эти трое фехтовали очень проворно шпагами. Д'Артаньян сначала принял шпаги за фехтовальные рапиры; он думал, что они были тупые, но скоро, по некоторым царапинам, он убедился, что каждая из них была отпущена и заострена и, между тем, при каждой царапине не только зрители, но и действующие лица смеялись как сумасшедшие.

Занимавший в эту минуту верхнюю ступень, с удивительной ловкостью отражал своих противников. Их окружала толпа товарищей, дожидавшихся своей очереди занять их места. Условие было такого рода, что при каждом ударе раненый лишался своей очереди в пользу нанесшего удар. В пять минут трое были оцарапаны – один в руку, другой в подбородок, третий в ухо, защищавшим верхнюю ступень, который остался неприкосновенным, что по условию доставляло ему три лишние очереди.

Это препровождение времени удивило молодого человека, как он ни старался ничему не удивляться; в провинции своей, где люди так легко разгораются, он видал много дуэлей, но хвастовство этих четырех игроков превосходило все, что он слышал до сих пор даже в Гасконии. Он вообразил себя в той славной стране великанов, где Гулливер был в таком страхе; но он еще не дошел до конца: оставались сени и передняя.

В сенях не дрались, а рассказывали истории о женщинах, а в передней истории из придворной жизни. В сенях д'Артаньян покраснел, в передней задрожал. Его живому воображению, делавшему его в Гасконии опасным для молодых горничных, а иногда даже и для молодых госпож их, никогда даже и не снилось столько любовных чудес, храбрых подвигов, любезности, украшенных самыми известными именами и нескромными подробностями. Но сколько нравственность его потерпела в сенях, столько же в передней было оскорблено уважение его к кардиналу. Там, к великому удивлению, д'Артаньян услышал громкое порицание политики,

заставлявшей дрожать Европу, и домашней жизни кардинала, в которую не смели проникнуть безнаказанно самые высокие и могущественные вельможи; этот великий человек, уважаемый отцом д'Артаньяна, служил посмешищем для мушкетеров де-Тревиля, издевавшихся над его кривыми ногами и сгорбленною спиной; некоторые пели песни, составленные на госпожу д'Егильон, его любовницу, и госпожу Камбаль, его племянницу, между тем как другие составили партии против пажей и гвардейцев кардинала-герцога; все это казалось д'Артаньяну чудовищным и невозможным.

Между тем, когда неожиданно среди этих глупых шуток на счет кардинала произносилось имя короля, то все насмешливые рты закрывались, все осматривались с недоверчивостью, опасаясь близкого соседства кабинета де-Тревиля; но вскоре разговор снова возвращался к кардиналу, насмешки возобновлялись и ни одно из его действий не оставалось без критики.

«Наверное, все эти люди будут в Бастилии и на виселице, подумал д'Артаньян с ужасом, и я, без всякого сомнения, с ними, потому что так как я слушал их речи, то буду принят за их сообщника. Что сказал бы отец мой, приказывавший мне уважать кардинала, если бы знал, что я нахожусь в обществе подобных вольнодумцев.

Бесполезно говорить, что д'Артаньян не смел вмешиваться в разговор; он только смотрел во все глаза, слушал обоими ушами, напрягая все свои чувства, чтобы ничего не пропустить, и, несмотря на веру в отеческие наставления, он, по своему собственному вкусу и инстинкту, больше чувствовал расположение хвалить чем порицать все происходившее около него.

Между тем, так как он был совершенно неизвестен толпе придворных де-Тревиля, видевших его в первый раз, то его спросили, чего ему надо. При этом вопросе д'Артаньян, почтительно сказал свое имя, сделав особенное ударение на названии соотечественника, и просил камердинера доставить ему аудиенцию де-Тревилю; камердинер покровительственным тоном обещал передать просьбу его в свое время.

Д'Артаньян, придя немного в себя от первого удивления, начал, от нечего делать, изучать костюмы и физиономии.

В середине самой оживленной группы был мушкетер, большого роста, с надменным лицом и в странном костюме, обращавшем на него общее внимание. На нем не было форменного казакина, который, впрочем, в эту эпоху личной свободы не был обязательным костюмом. На нем был кафтан, небесно-голубого цвета, немного полинялый и измятый, и сверх этого

кафтана великолепно вышитая золотом перевязь шпаги, блестящая, как чешуя, на солнечном свете. Длинная, малинового бархата, мантия грациозно падала на плечи, открывая только спереди блестящую перевязь, на которой висела гигантская рапира.

Этот мушкетер только смеялся с караула, жаловался на простуду и, по временам, притворно кашлял. Поэтому он завернулся в мантию и говорил свысока, покручивая усы, между тем как все любовались его вышитой перевязью, а д'Артаньян больше всех.

– Что делать, говорил мушкетер: – это в моде; я знаю, что это глупо, но в моде. Впрочем, надо же на что-нибудь употреблять свое наследство.

– Э, Портос, сказал один из присутствовавших, – не уверяй нас, что эта перевязь досталась тебе от отца; она подарена тебе тою дамой под вуалью, с которой я встретил тебя в воскресенье, у ворот Сент-Оноре.

– Нет, клянусь честью дворянина, что я купил её сам и на собственные деньги, отвечал тот, которого называли Портосом.

– Да, сказал другой мушкетер, – так же как купил вот этот новый кошелек на те деньги, которые положила моя любовница в старый.

– Уверяю вас, говорил Портос, – и в доказательство скажу вам, что я заплатил за него 12 пистолей.

Удивление возрастало, хотя все еще продолжали сомневаться.

– Не так ли, Арамис? сказал Портос, обращаясь к другому мушкетеру.

Этот мушкетер составлял резкую противоположность с тем, который спрашивал его: это был молодой человек, не более 22 или 23 лет, с лицом простодушным и приятным, с черными глазами, розовыми и пушистыми щеками как осенний персик; его тонкие усы обрисовывали самую правильную линию над верхнею губой; он как будто боялся опустить руки, чтобы жилы их не налились кровью, и, по временам, щипал себя за уши, чтобы поддержать их нежный и прозрачный алый цвет.

Обыкновенно он говорил мало и медленно, часто кланялся, смеялся тихо, показывая прекрасные зубы, о которых он, по-видимому, очень заботился как и о всей своей особе. Он отвечал на вопрос друга утвердительным знаком головы. Этот знак, казалось, уничтожил все сомнения насчет перевязи; продолжали любоваться ею, но ничего больше не говорили, и разговор вдруг перешел к другим предметам.

– Что вы думаете о рассказе конюха Шале? спросил другой мушкетер, не обращаясь ни к кому в особенности, но ко всем вместе.

– А что он рассказывает? спросил Портос.

– Он рассказывает, что видел в Брюсселе Рошфора, кардинальского шпиона, переодетого в платье капуцина; этот проклятый Рошфор, с

помощью переодевания, поддел г. Лега как сущего глупца.

– Как совершенного глупца, сказал Портос.

– Но верно ли это?

– Мне сказал Арамис, отвечал мушкетер.

– В самом деле?

– Вы это знаете, Портос, сказал Арамис: – я вам рассказывал это вчера, не будем же больше говорить об этом.

– Вы думаете, что об этом больше не следует говорить? сказал Портос. – Не говорить об этом! Как вы скоро решились! Как! кардинал окружает дворянина шпионами, похищает его переписку посредством изменника, разбойника, мошенника и, с помощью этого шпиона, и вследствие этой переписки рубит голову Шале, под глупым предлогом, будто он хотел убить короля и женить брата его на королеве. Никто не мог разрешить этой загадки, вы, к удовольствию всех, вчера нам об этом сказали, и когда мы все еще поражены этою новостью, вы говорите сегодня: не будем больше говорить об этом!

– Будем же говорить, если вы этого желаете, сказал терпеливо Арамис.

– Этот Рошфор, сказал Портос, – провел бы со мной неприятную минуту, если б я был конюхом Шале.

– А вы провели бы не совсем приятно четверть часа с красным герцогом, сказал Арамис.

– А! красный герцог! браво! браво! красный герцог, отвечал Портос, ударяя в ладоши и делая одобрительные знаки головой, – это превосходно! Я пущу в ход это слово, любезный, будьте уверены. Как жаль, что вы не могли последовать своему призванию, друг мой, вы были бы приятнейшим аббатом.

– О, это только временное промедление, сказал Арамис, – когда-нибудь я буду аббатом; вы знаете, Портос, что я для этого продолжаю изучать богословие.

– Рано или поздно он это сделает, сказал Портос.

– Скоро? сказал Арамис.

– Он ждет только одного обстоятельства, чтобы совершенно решиться и надеть рясу, которая у него под мундиром, сказал один мушкетер.

– Чего же он ждет? спросил другой.

– Он ждет, когда королева даст Франции наследника престола.

– Не шутите этим, господа, сказал Портос: – благодаря Бога, королева еще таких лет, что это может случиться.

– Говорят, что г. Бокингем во Франции, сказал Арамис с лукавою усмешкой, которая придавала оскорбительный смысл этой, по-видимому,

простой фразе.

– Друг мой, Арамис, вы ошибаетесь, сказал Портос: – ваш ум увлекает вас всегда слишком далеко; худо было бы, если бы вас услышал де-Тревиль.

– Вы хотите учить меня, Портос, сказал Арамис, и в кротком взгляде его сверкнула молния.

– Любезный друг, будьте мушкетером или аббатом, но не тем и другим вместе, сказал Портос. – Помните, Атос сказал вам недавно, что вы гнетесь на все стороны. Ах, не сердитесь, пожалуйста, это бесполезно; вы знаете условие между вами, Атосом и мною. Вы бываете у г-жи д’Егильон, и ухаживаете за ней; вы бываете у госпожи де Боа-Траси, двоюродной сестры госпожи Шеврёз и говорят, что вы в большой милости у этой дамы. Боже мой! не признавайтесь в вашем счастье, у вас не выпытывают вашей тайны, зная вашу скромность. Но если вы обладаете этою добродетелью, для чего ж не соблюдаете вы ее в отношении к ее величеству. Пусть говорят, кто и что хочет про короля и кардинала, но особа королевы священна, и если говорить о ней, то надо говорить только хорошее.

– Вы, Портос, притязательны как Нарцисс.

– Предупреждаю вас, отвечал Арамис: – вы знаете, что я ненавижу наставлений, кроме тех, которые говорит Атос. Что же касается до вас, любезный, то перевязь ваша слишком великолепна, чтобы можно было верить вашей строгой нравственности. Я буду аббатом, если мне вздумается; покуда я мушкетер, и потому говорю что мне придет в голову, и в настоящую минуту скажу, что вы выводите меня из терпения.

– Арамис!

– Портос!

– Ей, господа, господа! закричали окружающие.

– Де-Тревиль ожидает г. д’Артаньяна, прервал слуга, отворяя дверь кабинета.

При этом объявлении, во время которого дверь кабинета оставалась отворенною, все замолчали, и среди всеобщего молчания молодой Гасконец прошел вдоль передней в кабинет капитана мушкетеров, радуясь от всего сердца, что вовремя ускользнул от последствий этой странной ссоры.

III. Аудиенция

Де-Тревилль был в самом дурном расположении духа; несмотря на это, он вежливо встретил молодого человека, который низко ему поклонился. Приветствие молодого человека, напомнившее ему своим беарнским выговором его молодость и родину, вызвало на устах его улыбку; воспоминание об этих двух предметах приятно человеку во всяком возрасте. Но, подойдя тотчас к передней, и сделав д'Артаньяну знак рукой, как будто прося позволения прежде покончить с другими, он закричал, постепенно возвышая голос:

– Атос! Портос! Арамис!

Два известные уже нам мушкетера, Портос и Арамис, отделились немедленно от группы и вошли в кабинет, дверь которого тотчас за ними затворилась.

Выражение лиц их, хотя не совсем спокойное, но полное достоинства и покорности, удивило д'Артаньяна, видевшего в этих людях полубогов, а в начальнике их Юпитера Олимпийского, вооруженного всеми своими перунами.

Когда два мушкетера вошли, дверь за ними затворилась, и говор в передней, которому это обстоятельство дало новую пищу, начался снова; де-Тревилль раза три или четыре прошелся по кабинету молча и нахмутив брови, вдруг остановился перед мушкетерами, окинув их с ног до головы раздраженным взглядом, и сказал:

– Знаете ли вы, что сказал мне король вчера вечером? знаете ли вы, господа?

– Нет, отвечали после минутного молчания оба мушкетера, – нет, мы не знаем.

– Но я надеюсь, что вы сделаете нам честь – скажете, прибавил Арамис самым вежливым тоном, учтиво кланяясь.

– Он сказал мне, что он вперед будет набирать своих мушкетеров из гвардейцев кардинала.

– Из гвардейцев кардинала! Почему так? спросил с живостью Портос.

– Потому что дурное вино для исправления требует примеси хорошего.

Оба мушкетера покраснели до ушей. Д'Артаньян не знал, что ему делать, и желал бы лучше провалиться сквозь землю.

– Да, да, продолжал де-Тревилль, все более разгораясь: – и его

величество прав, потому что действительно мушкетеры играют при дворе жалкую роль. Кардинал рассказывал вчера, во время игры с королем, с видом соболезнования, который мне очень не понравился, что третьего дня эти проклятые мушкетеры, эти черти, – и он сделал на этих словах насмешливое ударение, которое мне еще больше не понравилось, – эти головорезы, прибавил он, глядя на меня своими кошачьими глазами, – запоздали в улице Феру, в кабаке, и что дозор его гвардии, – и при этом я думал, что он расхохочется, – принужден был задержать этих нарушителей порядка. Черт возьми, вы должны знать об этом! Задержать мушкетеров! Вы были оба в числе их; не защищайтесь, вас узнали и кардинал назвал вас по имени. Разумеется, я виноват, потому что я сам выбираю себе людей. Послушайте, вы, Арамис, зачем вы домогались мундира, когда к вам так шла бы ряса? А вы, Портос, на своей прекрасной шитой золотом перевязи, верно, носите соломенную шпагу? Атос! я не вижу Атоса! Где он?

– Капитан, отвечал печально Арамис, – он очень болен.

– Болен, очень болен, говорите вы? Какой болезнью?

– Подозревают, что это оспа, отвечал Портос, желавший вмешаться в разговор, – что было бы очень жаль, потому что от этого испортилось бы лицо его.

– Оспа! Какую славную историю вы рассказываете, Портос! Болен оспой в его лета! Не может быть! Наверно он ранен, быть может, убит! Ах, если б я знал?... Господа мушкетеры, я не желаю, чтобы вы посещали дурные места, чтобы вы ссорились на улицах и дрались на перекрестках. Я не хочу наконец, чтобы вы служили посмешищем для гвардии кардинала, у которого люди храбры, ловки, не доводят себя до того чтобы их задержали; впрочем я уверен, что они не позволили бы арестовать себя. Они скорее дадут себя убить, чем отступят на один шаг. Спасаться, уходить, бежать, – это свойственно только королевским мушкетерам.

Портос и Арамис дрожали от бешенства. Они охотно задушили бы де-Тревиля, если бы не знали, что только любовь к ним заставила его говорить таким образом. Они стучали ногами по ковру, кусали себе губы до крови и сжимали изо всей силы эфесы своих шпаг. В передней слышали, что де-Тревиль позвал Атоса, Портоса и Арамиса, и по голосу де-Тревиля знали, что он в сильном гневе. Десять любопытных голов прижались ушами к двери и бледнели от бешенства, потому что они не пропустили ни одного слова из сказанного де-Тревилем и повторяли обидные слова капитана всем, бывшим в передней.

В одну минуту весь отель пришел в волнение от дверей кабинета до ворот на улицу.

– А! королевские мушкетеры позволяют задерживать себя страже кардинала, продолжал де-Тревиль, внутренне бесившийся не менее своих солдат, произнося слова отрывисто, как будто погружая их одно за другим, как удары кинжала в грудь слушателей. – А! шестеро гвардейцев кардинала арестуют шестерых мушкетеров его величества? Черт возьми! Я уже решился! Я немедленно отправляюсь в Лувр, подаю в отставку из капитанов королевских мушкетеров и буду проситься в поручики гвардии кардинала; если же он мне откажет, черт возьми, я сделаюсь аббатом.

При этих словах наружный шепот превратился во взрыв; со всех сторон слышались ругательства и проклятия.

Д'Артаньян искал места, где бы мог спрятаться и чувствовал непреодолимое желание залезть под стол.

– Правда, капитан, сказал разгорячившийся Портос, – что нас было шесть против шести, но на нас напали изменнически, и прежде нежели мы обнажили шпаги, двое из нас уже были убиты, а Атос, опасно раненый, ничего не мог сделать. Вы знаете Атоса, капитан, он два раза делал попытку встать и два раза падал. Несмотря на это, мы не сдались, нет, нас утащили силой. Дорогой мы спаслись. Что же касается до Атоса, то его сочли мертвым и преспокойно оставили на месте сражения, полагая, что не стоит уносить его. Вот вся наша история. Черт возьми, капитан! Нельзя быть победителем во всех сражениях. Великий Помпей был разбит при Фарсале, и король Франциск I, который, говорят, стоил Помпея, проиграл сражение при Павии.

– А я имею честь уверить вас, что я убил одного из них его собственною шпагой, сказал Арамис, – потому что моя сломалась при первой стычке. Убил или заколол, как вам угодно.

– Я этого не знал, сказал де-Тревиль несколько смягчившись: – кардинал, как видно, преувеличил.

– Но сделайте милость, капитан, продолжал Арамис, осмелившийся высказать просьбу, видя что де-Тревиль успокаивался, – сделайте милость, не говорите что Атос ранен: он был бы в отчаянии, если б это узнал король; а так как рана из самых опасных, потому что через плечо она прошла насквозь в грудь, то можно опасаться...

В эту самую минуту у дверей приподнялась драпировка и из нее показалось прекрасное, благородное, но чрезвычайно бледное лицо.

– Атос! вскрикнули оба мушкетера.

– Атос! повторил сам де-Тревиль.

– Вы меня требовали, капитан, сказал Атос де-Тревилю, слабым, но совершенно спокойным голосом: – товарищи мои сказали, что вы меня

требовали и я поспешил явиться за вашими приказаниями; что вам угодно?

И с этими словами мушкетер в безукоризненной форме, со шпагой, как обыкновенно, вошел в кабинет твердым шагом. Тронутый до глубины души этим доказательством храбрости, де-Тревиль поспешил к нему навстречу.

— Я только что хотел сказать этим господам, прибавил он, — что я запрещаю своим мушкетерам без нужды подвергать опасности свою жизнь, потому что храбрые люди дороги королю, а королю известно, что его мушкетеры самые храбрые люди на свете. Дайте вашу руку, Атос.

И, не ожидая ответа на такое изъявление благосклонности, де-Тревиль взял его за правую руку и пожал её из всех сил, не замечая, что Атос, при всей силе его воли, обнаружил болезненное движение и побледнел еще больше, что казалось уже невозможным.

Дверь оставалась отворенною; появление Атоса, рана которого была всем известна, несмотря на желание сохранить ее в тайне, произвело сильное впечатление. Последние слова капитана были приняты с криком удовольствия, и две или три головы, увлеченные восторгом, показались из-за драпировки. Без сомнения, де-Тревиль резкими словами остановил бы это нарушение правил этикета, но он вдруг почувствовал, что рука Атоса судорожно сжималась в руке его и заметил, что он лишается чувств. В эту же самую минуту Атос, собравший все свои силы, чтобы превозмочь боль, наконец побежденный ею, упал как мертвый на паркет.

— Хирурга! кричал де-Тревиль, — моего, королевского, лучшего хирурга, — или мой храбрый Атос умрет.

На крик де-Тревиля все бросились в его кабинет и начали хлопотать около раненого. Но все их старания были бы бесполезны, если бы доктор не случился в самом доме; он прошел сквозь толпу, приблизился к бесчувственному Атосу и, так как шум и движение мешали ему, то он просил, прежде всего, чтобы мушкетер был тотчас перенесен в соседнюю комнату. Де-Тревиль отворил дверь и указал дорогу Портосу и Арамису, которые унесли товарища на руках. За этою группой следовал хирург; за ним дверь затворилась.

Тогда кабинет де-Тревиля, место обыкновенно весьма уважаемое, сделался похожим на переднюю. Каждый рассуждал вслух, говорили громко, ругались, посылали к чертям кардинала и его гвардейцев.

Минуту спустя Портос и Арамис вернулись; только хирург и де-Тревиль остались подле раненого.

Наконец возвратился и де-Тревиль. Раненый пришел в чувство; хирург объявил, что состояние мушкетера не должно беспокоить друзей его и что слабость его произошла просто от потери крови.

Потом де-Тревиль сделал знак рукой и все вышли, кроме д'Артаньяна, который не забыл о своей аудиенции и с упрямством Гасконца стоял на том же месте.

Когда все ушли и дверь затворилась, де-Тревиль остался наедине с молодым человеком.

Во время этой суматохи он совсем забыл о д'Артаньяне, и на вопрос, чего хочет упрямый проситель, д'Артаньян назвал себя по имени. Тогда де-Тревиль, вспомнив, в чем было дело, сказал ему с улыбкой.

– Извините, любезный земляк, я об вас совершенно забыл. Что делать! Капитан не что иное как отец семейства, обремененный большою ответственностью нежели отец обыкновенного семейства. Солдаты – это взрослые дети; но как я желаю, чтобы приказания короля и в особенности кардинала были исполняемы...

Д'Артаньян не мог удержаться от улыбки. Из этой улыбки де-Тревиль понял, что имеет дело не с глупцом и, приступив прямо к делу, переменял разговор.

– Я очень любил вашего отца, сказал он. – Что могу я сделать для его сына? Говорите скорее, мне время дорого.

– Капитан, сказал д'Артаньян, – уезжая из Тарба, я предполагал просить вас, в память дружбы, о которой вы не забыли, пожаловать мне мундир мушкетера; но, судя по всему, что я видел в продолжение двух часов, я понимаю, что такая милость была бы слишком велика и боюсь, что не заслуживаю ее.

– Это действительно милость, молодой человек, отвечал де-Тревиль: – но, может быть, она и не превышает ваши силы на столько, как вы думаете. Во всяком случае, я должен с сожалением объявить вам, что, по постановлению его величества, в мушкетеры принимают только после предварительного испытания в нескольких сражениях, после нескольких блистательных подвигов, или после двух лет службы в другом, менее покровительствуемом полку.

Д'Артаньян поклонился молча. Он почувствовал еще более желания надеть мундир мушкетера с тех пор как узнал, с какими трудностями его достигают.

– Но, продолжал де-Тревиль, устремив на своего земляка такой пронизательный взгляд, как будто хотел проникнуть его до глубины души, – но, в память вашего отца, моего старого товарища, как я уже вам сказал, я хочу что-нибудь сделать для вас, молодой человек. Наши молодые Беарнцы обыкновенно не богаты, а я сомневаюсь, чтобы порядок вещей во многом изменился со времени моего отъезда из провинции; вероятно, вы не

много привезли с собою денег на прожитие.

Д'Артаньян гордо выпрямился, показывая этим, что он не будет просить милостыни у кого бы то ни было.

– Это хорошо, молодой человек, это хорошо, продолжал де-Тревиль: – я знаю эту гордость; я сам приехал в Париж с 4 экю в кармане, но готов был драться со всяким, кто сказал бы, что я не в состоянии купить Лувр.

Д'Артаньян еще больше выпрямился; продав лошадь, он при начале своей карьеры имел 4 экю больше чем де-Тревиль.

– Так, вероятно, как я вам говорил, вам нужно поберечь ту сумму, которую вы имеете, какова бы она ни была; но вам нужно также усовершенствоваться в упражнениях, приличных дворянину. Я сегодня же напишу к директору королевской академии, а завтра он вас примет без всякой платы. Не отказывайтесь от этой маленькой милости. Самые знатные и богатые дворяне наши иногда просят о ней и не могут получить. Вы научитесь верховой езде, фехтованию и танцам; составите там хороший круг знакомства и, по временам, будете приходить ко мне рассказывать, как пойдут ваши занятия; тогда увидим, что я могу для вас сделать.

Хотя д'Артаньян был еще мало знаком с придворным обращением, но понял холодность этого приема.

– Увы, капитан, сказал он, – я вижу теперь, сколько я потерял с утратой рекомендательного письма отца моего к вам!

– В самом деле, отвечал де-Тревиль, – я удивляюсь, что вы предприняли такое дальнейшее путешествие без этого единственного пособия для нас, Беарнцев.

– Я имел его, сказал д'Артаньян, – но у меня его вероломно похитили.

И он рассказал бывшую в Мёнге сцену, описал с малейшими подробностями наружность незнакомца, и в рассказе его было столько увлечения и истины, что это восхитило де-Тревиля.

– Это странно, сказал он обдумывая, – вы верно говорили обо мне вслух?

– Да, капитан, я был так неблагоприятен. Что делать! такое имя, как ваше, служило мне щитом во время дороги; судите сами, часто ли я им прикрывался.

Лесть была тогда в большом употреблении и де-Тревиль любил похвалу столько же как король или кардинал. Он не мог удержаться от улыбки удовольствия, но эта улыбка скоро исчезла и, возвращаясь к приключению в Мёнге, он продолжал:

– Скажите, не было ли у этого дворянина легкой царапины на щеке?

– Да, как будто от пули.

- Этот человек красивой наружности?
 - Да.
 - Высокого роста?
 - Да.
 - Цвет лица бледный, волосы черные!
 - Да, да, это так. Каким образом вы знаете этого человека? Ах, если бы мне его когда-нибудь найти! А я найду его, клянусь вам, хотя бы в аду...
 - Он ожидал одну женщину? продолжал де-Тревиль.
 - По крайней мере он уехал после минутного разговора с той, которую ожидал.
 - Вы не знаете, о чем они говорили?
 - Он отдал ей коробку и сказал, что в ней заключаются поручения, и чтоб она открыла ее не прежде как в Лондоне.
 - Эта женщина была Англичанка?
 - Он называл ее миледи.
 - Это он! прошептал де-Тревиль, – это он, я полагал, что он еще в Брюсселе.
 - О, капитан, если вы знаете, сказал д'Артаньян, – скажите мне, кто этот человек и откуда он, тогда я готов даже возвратить вам обещание ваше поместит меня в мушкетеры, потому что прежде всего я хочу отмстить.
 - Берегитесь, молодой человек, сказал де-Тревиль: – напротив, если вы увидите его на одной стороне улицы, перейдите на другую! Не ударяйтесь об эту скалу, она разобьет вас как стекло.
 - Это не помешает однако, сказал д'Артаньян, – тому что если я когда-нибудь его встречу...
 - Покуда, сказал де-Тревиль, не ищите его, я вам дам совет.
- Де-Тревиль остановился; ему вдруг показалась подозрительною эта ненависть, высказанная громко молодым путешественником к человеку, обвиняемому им весьма неправдоподобно в том, что он украл у него письмо отца его. «Не был ли это обман?» думал он, «не подослан ли к нему этот молодой человек кардиналом? не хитрит ли он? не был ли этот предполагаемый д'Артаньян лазутчиком, которого кардинал желал ввести в дом его, чтобы овладеть его доверенностью и со временем погубить его; подобные случаи были не редки. Он посмотрел на д'Артаньяна еще пристальнее чем в первый раз. Но при виде этого лица, выражавшего тонкий ум и непринужденную покорность, он несколько успокоился.
- «Я знаю, что он Гасконец», подумал он; «но он может быть Гасконец столь же для меня как и для кардинала. Испытаем его.»
- Друг мой, сказал он медленно, – я верю истории потерянного

письма, и чтобы загладить холодность моего приема, замеченную вами в начале, я хочу открыть вам, как сыну моего старого друга, тайны нашей политики. Король и кардинал большие друзья между собою; их видимые распри служат только для обмана глупцов. Я не хочу, чтобы мой земляк, храбрый молодой человек, который должен сделать карьеру, верил всем этим притворствам и как глупец попал в сети по следам других, которые в них погибли. Не забывайте, что я предан этим двум всемогущим лицам и что все мои поступки имеют целью только службу короля и кардинала, одного из славнейших гениев Франции. Теперь, молодой человек, сообразите это и если вы, как многие из дворяне, питаете неприязненное чувство к кардиналу, вследствие ли семейных отношений, связей, или просто по инстинкту, то простимся и расстанемся навсегда. Я буду помогать вам во многом, но не оставлю вас при себе. Во всяком случае, я надеюсь, что откровенностью приобрел дружбу вашу, потому что вы первый молодой человек, с которым я говорю таким образом.

В то же время де-Тревиля думал: «Если кардинал подслал ко мне эту молодую лисицу, то, зная до какой степени я его ненавижу, он верно научил своего шпиона говорить о нем как можно больше дурного, чтобы понравиться мне; и потому, несмотря на мои похвалы кардиналу, хитрый земляк наверное ответит мне, что он ненавидит его.

Против ожидания де-Тревиля д'Артаньян отвечал очень просто:

– Капитан, я приехал в Париж с такими же намерениями. Отец приказывал мне не переносить ничего и ни от кого кроме короля, кардинала и вас, которых он считает первыми лицами Франции. Д'Артаньян прибавил имя де-Тревиля к прочим, но он думал что это не испортит дела. – Поэтому я очень уважаю кардинала, продолжал он, и его действия. Тем лучше для меня, капитан, если вы говорите со мною откровенно, потому что тогда вы оцените сходство мнений наших; но если вы мне не доверяете, что впрочем очень естественно, то я чувствую, что я сам себе повредил; но тем хуже, если я потеряю ваше уважение, которым я дорожу больше всего на свете.

Де-Тревиля был удивлен в высшей степени. Такая пронизательность и откровенность поразили его, но не совсем уничтожили его подозрение; чем выше других был этот молодой человек, тем он был опаснее, если он в нем ошибался. Несмотря на то, он пожал руку д'Артаньяна и сказал:

– Вы честный молодой человек, но теперь я могу сделать для вас только то, что я вам предлагал. Мой дом всегда открыт для вас. В последствии, так как вы во всякое время можете являться ко мне и, следовательно, воспользоваться всяким случаем, вероятно, вы получите то чего желаете.

– То есть, сказал д'Артаньян, – вы будете ожидать, чтоб я заслужил эту честь. Так будьте спокойны, прибавил он с фамильярностью Гасконца, – вам не долго придется ждать. И он поклонился, чтобы уйти, как будто все остальное зависело от него одного.

– Подождите же, сказал де-Тревиль, останавливая его, – я обещал дать вам письмо к директору академии. Разве вы слишком горды чтобы принять его, молодой человек?

– Нет, капитан, сказал д'Артаньян, – я вам ручаюсь, что с этим письмом не случится того, что было с первым. Я буду его беречь, так что оно дойдет по адресу, клянусь вам, и горе тому, кто бы вздумал похитить его у меня!

Де-Тревиль улыбнулся при этом хвастовстве и оставил своего земляка в амбразуре окна, где они разговаривали; он сел к столу и начал писать обещанное рекомендательное письмо. В это время д'Артаньян от нечего делать начал барабанить по стеклу, смотря на уходивших один за другим мушкетеров, провожая их глазами до поворота улицы.

Де-Тревиль окончил письмо, запечатал его и подошел к молодому человеку, чтобы отдать ему; но в эту самую минуту, когда д'Артаньян протягивал руку, чтобы взять его, вдруг, к великому удивлению де-Тревиля, отшатнулся, покраснел от гнева и бросился вон из кабинета, крича:

– А! в этот раз не уйдет от меня!

– Кто? спросил де-Тревиль.

– Он, мой вор, отвечал д'Артаньян. – А! разбойник!

И он исчез.

– Сумасшедший! пробормотал де-Тревиль. Может быть, прибавил он, – это ловкое средство уйти, видя, что хитрость не удалась.

IV. Плечо Атоса, перевязь Портоса и платок Арамиса

Бешеный д'Артаньян в три прыжка выскочил через переднюю на лестницу, по которой начал спускаться через четыре ступени, и вдруг на всем бегу ударился головой в плечо мушкетера, выходившего от де-Тревилья через потаенную дверь. Мушкетер вскрикнул, или, лучше сказать, застонал.

– Извините, сказал д'Артаньян и хотел продолжать бегство, – извините, я спешу.

Едва он сошел на одну ступень, как железная рука схватила его за пояс и остановила.

– Вы спешите, сказал мушкетер, бледный, как саван: – под этим предлогом вы толкаете меня, говоря извините, и думаете что этого достаточно? Не совсем, молодой человек. Вы думаете, что если вы слышали, что де-Тревиль сегодня говорил с нами немного резко, то и вам можно обращаться с нами также? Разуверьтесь, товарищ, ведь вы не де-Тревиль.

– Уверяю вас, сказал д'Артаньян, узнавший Атоса, который после осмотра раны доктором возвращался в свою комнату, – право, я это сделал без намерения и потому сказал: извините меня; кажется, этого довольно; но я вам повторяю, что я спешу, очень спешу. Пустите же меня, пожалуйста, позвольте мне идти по своему делу.

– Милостивый государь, сказал Атос, отпуская его, – вы невежливы. Видно, что вы приехали издалека.

Д'Артаньян прошел уже три или четыре ступени, но после замечания Атоса остановился.

– Черт возьми! откуда бы я не приехал, но не вам учить меня хорошим приемам.

– Может быть, сказал Атос.

– Ах, если бы мне не нужно было так спешить... сказал д'Артаньян, – если б я не бежал за кем-нибудь.

– Вы торопитесь, но чтобы найти меня, вам не нужно будет бегать; вы меня найдете, слышите ли?

– Где же, скажите?

– Подле монастыря Кармелиток.

– В котором часу?

– Около двенадцати.

– Около двенадцати; хорошо, я буду.

– Постарайтесь не заставить ждать себя, потому что четверть часа позже я вам обрежу уши на бегу.

– Хорошо, кричал д'Артаньян, – я буду там без десяти минут в двенадцать.

И он побежал как сумасшедший, надеясь еще отыскать своего незнакомца, который не мог уйти далеко своим спокойным шагом.

Но у ворот Портос разговаривал с одним гвардейцем. Между разговаривавшими было именно столько расстояния, сколько нужно чтобы пройти одному человеку.

Д'Артаньян думал, что для него довольно будет этого пространства и бросился между ними как стрела. Но он не рассчитал на порыв ветра. Только что он хотел пройти, как ветер раздул длинный плащ Портоса и д'Артаньян попал прямо под плащ. Конечно, Портос имел свои причины придержать эту существенную часть одежды, и вместо того чтобы опустить полу, которую держал, он притянул ее к себе, так что д'Артаньян завернулся в бархат кругом.

Д'Артаньян, слыша ругательства мушкетера, хотел выйти из-под плаща, опутавшего его. Он в особенности боялся, чтобы не замарать великолепной перевязи, но, открыв глаза, очутился носом между плечами Портоса, то есть прямо перед перевязью.

Увы! как большая часть вещей на свете бывают красивы только с наружной стороны, так и перевязь была золотая только спереди, а сзади из простой буйволово́й кожи.

Хвастливый Портос, не будучи в состоянии иметь целую золотую перевязь, имел ее по крайней мере в половину, чем и объясняется его простуда и крайняя нужда в плаще.

– Черт возьми, сказал Портос, делая все усилия, чтобы освободиться от д'Артаньяна, шевелившегося за спиной его, – вы бросаетесь на людей как бешеный.

– Извините, сказал д'Артаньян, показываясь под плечом великана, – я тороплюсь, мне нужно догнать одного господина и...

– Разве вы бежите, закрыв глаза? спросил Портос.

– Нет, отвечал оскорбленный д'Артаньян, – и, благодаря моим глазам, я вижу даже то, чего не видят другие.

Неизвестно, понял ли Портос, что он хотел этим сказать, но он рассердился и отвечал:

– Предупреждаю вас, что если вы будете обращаться таким образом с мушкетерами, то будете биты.

– Буду бит! сказал д'Артаньян, – это слово немножко жестко.
– Это слово приличное человеку, привыкшему смотреть врагам прямо в глаза.

– О! я знаю, что вы не поворачиваетесь к ним спиной.
И молодой человек, довольный своею шуткой, удалился, смеясь во все горло.

Портос пришел в бешенство и сделал движение, чтобы броситься на д'Артаньяна.

– После, после, кричал д'Артаньян, – когда снимете плащ.
– Ну, так в час, за Луксембургом.
– Очень хорошо, в час, отвечал д'Артаньян, поворачивая за угол.

Но ни в той улице, которую он пробежал, ни в той, в которую теперь поворотил, не было того, кого он искал. Как бы тихо не шел незнакомец, он ушел уже из виду; может быть, он зашел в какой-нибудь дом. Д'Артаньян спрашивал о нем у всех, кого встречал, спустился до паромы, прошел по улице Сены а Красного Креста, но не нашел никого.

Между тем эта ходьба послужила к его пользе в том отношении, что по мере того как пот обливал его лоб, сердце простывало. Тогда он начал размышлять о последних происшествиях; их было много и все несчастные: было только 11 часов утра, а он успел уже попасть в немилость де-Тревиля, которому не мог показаться вежливым поступок д'Артаньяна при уходе от него.

Кроме того, он принял два вызова на дуэли с людьми, способными убить каждый по три д'Артаньяна, притом с двумя мушкетерами, то есть с людьми, которых он столько уважал и считал выше всех других людей.

Будущее было печально. Уверенный что будет убит Атосом, молодой человек мало беспокоился о Портосе. Впрочем, как надежда никогда не оставляет человека, то и он начал надеяться что переживет эти две дуэли, разумеется с ужасными ранами, и на случай, если б остался в живых, давал себе следующий урок:

– Какой я безмозглый! Храбрый, несчастный Атос ранен именно в то плечо, о которое я ударился головой как баран. Удивительно, что он не убил меня на месте; он имел на то право, потому что вероятно я причинил ему жестокою боль.

И, против воли, молодой человек начал смеяться, оглядываясь впрочем чтобы этим смехом, без видимой для других причины не обиделся кто из проходящих.

– Что касается до Портоса, это забавно, тем не менее я несчастный ветреник. Разве бросаются так на людей, не закричав берегись? нет. И разве

заглядывают им под плащи, чтобы искать того, чего там нет? Он, конечно, простил бы меня; да, он простил бы, если б я не сказал ему об этой проклятой перевязи; хотя впрочем я не прямо сказал, а только намекнул. Проклятая гасконская привычка! я кажется стал бы шутить и на виселице.

– Послушай, друг мой, д'Артаньян, продолжал он, разговаривая сам с собою, со всею любезностью, к которой считал себя обязанным в отношении к самому себе, – если ты останешься цел, что невероятно, то на будущее время следует быть вежливым. Надо, чтобы тебе удивлялись, ставили тебя в пример другим. Быть предупредительным и вежливым, не значит быть трусом. Посмотри на Арамиса. Арамис – это олицетворенная скромность и грация. А осмелится ли кто-нибудь сказать, что он трус? Без сомнения нет, и с этих пор я хочу во всем следовать его примеру. А вот и он.

Д'Артаньян, идя и разговаривая сам с собой, дошел до дома д'Егильона, перед которым увидел Арамиса, весело разговаривавшего с тремя дворянами из королевской гвардии. Арамис тоже заметил д'Артаньяна. Но как он не забыл, что де-Тревиль утром горячился в присутствии этого молодого человека и, как свидетель выговора, сделанного мушкетерам, не был ему приятен, то он сделал вид, будто его не замечает. Д'Артаньян, напротив, желая привести в исполнение свой план примирения и учтивости, подошел к четырем молодым людям и поклонился им с самою приятною улыбкой. Арамис слегка наклонил голову, но не улыбнулся. Все четверо сейчас же прекратили разговор.

Д'Артаньян не был на столько глуп, чтобы не понять, что он лишний; но и не привык еще на столько к приемам большого света, чтобы ловко суметь выйти из ложного положения человека, вмешавшегося в разговор, до него не касающийся, и с людьми, едва ему знакомыми.

Обдумывая средство удалиться как можно ловчее, он заметил, что Арамис уронил платок. И, без сомнения, по неосторожности, наступил на него; ему показалось это хорошим случаем поправить свой неприличный поступок: он наклонился и, с самым любезным видом, выдернув платок из-под ноги мушкетера, делавшего все возможные усилия, чтобы удержать его, подавая его, сказал:

– Я думаю, милостивый государь, что вам досадно было бы потерять этот платок.

Платок был действительно с богатою вышивкой, с короной и гербом на одном из углов. Арамис покраснел до чрезвычайности и скорее выдернул, чем взял платок из рук Гасконца.

– А, скрытный Арамис, сказал один из гвардейцев: – ты и теперь еще

скажешь, что ты в дурных отношениях с госпожою де Боа-Траси, когда эта прелестная дама одолжает тебе свои платки?

Арамис устремил на д'Артаньяна такой взгляд, который ясно дал ему понять, что он приобрел смертельного врага; потом, приняв снова кроткий вид, сказал:

– Вы ошибаетесь, господа, это не мой платок, и я не знаю, почему этому господину вздумалось отдать его мне, а не одному из вас; а в доказательство я вам покажу, что мой платок в кармане.

С этими словами он вынул собственный платок, также очень изящный, из тонкого батиста, хотя батист дорого стоил в то время, но без вышивки, без герба, и украшенный только вензелем своего владельца.

На этот раз д'Артаньян не сказал ни слова; он понял свою неосторожность. Но друзья Арамиса не убедились его запирательством и один из них сказал, обращаясь к молодому мушкетеру с притворною важностью:

– Если ты говоришь правду, то я должен был бы, любезный Арамис, взять его у тебя, потому что, как тебе известно, я из числа искренних друзей де Боа-Траси и не желаю чтобы хвастались вещами его жены.

– Ты не так просишь, отвечал Арамис, – и, сознавая справедливость твоего требования, я не мог исполнить его, потому что оно не так выражено как следует.

– Дело в том, отважился сказать д'Артаньян, – что я не видал, выпал ли платок из кармана г. Арамиса. Он наступил на него, вот почему я думал, что платок его.

– И вы ошиблись, любезный, сказал хладнокровно Арамис, нечувствительный к желанию д'Артаньяна поправить свою ошибку. Потом, обращаясь к гвардейцу, объявившему себя другом де Боа-Траси, он продолжал. – Впрочем, я думаю, любезный приятель Боа-Траси, что я не менее твоего нежный друг его; так что платок мог также выпасть из твоего кармана, как и из моего.

Нет, клянусь честью! сказал гвардеец его величества.

Ты будешь клясться честью, а я честным словом и очевидно, что один из нас солжет. Послушай, Монгаран, сделаем лучше так, возьмем каждый по половине.

– Платка?

– Да.

– Превосходно! сказали другие два гвардейца, – суд царя Соломона! Арамис решительно мудрец!

Молодые люди засмеялись и дело, разумеется, не имело других

последствий. Минуту спустя, разговор прекратился; три гвардейца и мушкетер, пожав друг другу руки, отправились – гвардейцы в одну сторону, Арамис в другую.

– Вот минута помириться с этим любезным молодым человеком, сказал сам себе д'Артаньян, который стоял немного в стороне во время последнего разговора их; и с этим намерением подошел к Арамису, удалявшемуся, не обращая на него внимания:

– Милостивый государь, сказал он, – я надеюсь, что вы извините меня.

– Ах, сказал Арамис, позвольте – заметить вам, что вы поступили в этом случае не так, как следовало бы светскому человеку.

– Как, вы полагаете, сказал д'Артаньян.

– Я полагаю, что вы не глупы, и что хотя вы приехали из Гасконии, но знаете, что без причины не наступают на носовой платок. Черт возьми, Париж не вымощен батистом!

– Вы напрасно хотите оскорбить меня, сказал д'Артаньян, сварливая натура которого взяла верх над мирным расположением: – правда, что я из Гасконии, а Гасконцы, как вам известно, нетерпеливы, так что если Гасконец раз извинился, хотя бы в глупости, то он уже убежден, что сделал вдвое больше чем бы следовало.

– Я сказал вам это не для того, чтобы хотел ссориться с вами, отвечал Арамис: – благодаря Бога, я не забияка и, будучи мушкетером только на время, дерусь только по принуждению и всегда очень неохотно; но на этот раз дело важное, потому что вы скомпрометировали даму.

– То есть мы скомпрометировали ее, сказал д'Артаньян.

– Зачем вы были так неловки, что отдали мне этот платок?

– Зачем вы уронили его?

– Повторяю вам, что платок выпал не из моего кармана.

– Так вы два раза солгали, потому что я видел, как вы его уронили.

– А! вы начинаете говорить другим тоном, господин Гасконец, так я научу вас общежитию.

– А я отправлю вас в ваш монастырь, г. аббат. Не угодно ли вам сейчас же обнажить шпагу.

– Нет, пожалуйста, друг мой, не здесь по крайней мере. Разве вы не видите, что мы стоим против дома д'Егильона, наполненного кардинальскими тварями. Кто уверит меня, что кардинал не поручил вам доставить ему мою голову? А я дорожу своею головой, потому что она, как мне кажется, очень хорошо подходит к моим плечам. Успокойтесь же, я хочу вас убить, но без огласки, в закрытом месте, где вы не могли бы ни перед кем похвалиться своею смертью.

– Я согласен, но не надейтесь на это; возьмите свой платок, принадлежит ли он вам, или нет, может быть он вам понадобится.

– Вы Гасконец? спросил Арамис.

– Да, Гасконец, и не откладываю дуэли из осторожности.

– Осторожность – добродетель, бесполезная для мушкетеров, но необходимая для духовных, и так как я мушкетер только на время, то и хочу быть осторожным. В два часа я буду иметь честь ожидать вас в доме де-Тревиля; там я назначу вам место.

Молодые люди раскланялись, потом Арамис пошел по улице, ведущей к Люксембургу, между тем д'Артаньян, видя что время приближается, отправился по дороге к монастырю Кармелиток, рассуждая: – решительно я не возвращусь оттуда; но если я буду убит, то по крайней мере буду убит мушкетером.

V. Королевские мушкетеры и гвардейцы кардинала

Д'Артаньян никого не знал в Париже, и потому он пошел на свидание с Атосом без секунданта, решившись удовольствоваться теми, которых выберет его противник. Впрочем, он решительно намеревался извиниться прилично, но без слабости, перед храбрым мушкетером, опасаясь, что эта дуэль будет иметь для него неприятные последствия, бывающие тогда, когда человек молодой и сильный дерется с ослабевшим от ран противником: если он будет побежден, то это удваивает торжество его соперника, если же останется победителем, то его обвинят в преступлении и неуместной храбрости.

Впрочем, если мы верно описали характер нашего искателя приключений, то читатель должен был уже заметить, что д'Артаньян не был человек обыкновенный. Повторяя сам себе, что смерть его неизбежна, он решился умереть не потихоньку, как бы сделал на его месте другой, менее храбрый и умеренный.

Он рассуждал о разных характерах тех лиц, с которыми ему предстояло драться, и начал понимать яснее свое положение. Он надеялся посредством приготовленных извинений приобрести дружбу Атоса, важный и строгий вид которого ему очень нравился.

Он льстил себя надеждой напугать Портоса приключением с перевязью, которое, если он не будет убит, то может всем рассказать; а рассказ этот, пущенный в ход кстати, выставил бы Портоса с смешной стороны; наконец, что касается до угрюмого Арамиса, он его не слишком боялся; думая, что если дело дойдет до него, то он отправит его на тот свет прекрасным, как он есть, или, по крайней мере, ударит его в лицо, как Цезарь приказывал делать с солдатами Помпея, повредит навсегда красоту, которой он так дорожил.

Притом д'Артаньян обладал неистощимым запасом решимости, положенным в сердце его советами отца, сущность которых заключалась в следующем:

«Не переносить ничего ни от кого кроме короля, кардинала и де-Тревилья», и потому он скорее летел, чем шел к монастырю Кармелиток; это было здание без окошек, окруженное пустыми полями и служившее обыкновенно местом для свидания людей, не любивших терять времени.

Когда д'Артаньян дошел до небольшого пустопорожнего места возле

этого монастыря, Атос уже дожидался его, но не более пяти минут, и в это самое время било двенадцать часов. Следовательно, он был аккуратен, и самый строгий блюститель дуэлей не мог бы упрекнуть его.

Атос, все еще жестоко страдавший от раны, хотя снова перевязанной хирургом де-Тревиля, сидел на меже и ждал своего противника с видом спокойного достоинства, никогда его не покидавшим. При виде д'Артаньяна он встал и вежливо сделал несколько шагов ему на встречу. Тот, с своей стороны, приближался к противнику со шляпой в руке, перо которой касалось земли.

– Милостивый государь, сказал Атос, – я просил двух друзей моих быть моими секундантами, но они еще не пришли. Удивляюсь, что они опаздывают, это не в их привычках.

– У меня нет секундантов, сказал д'Артаньян, – я только что вчера приехал в Париж и никого не знаю, кроме де-Тревиля, которому отрекомендован отцом моим, имевшим честь быть из числа друзей его.

Атос задумался на минуту.

– Вы никого не знаете, кроме де-Тревиля? спросил он.

– Да, я никого не знаю, кроме его.

– Но, продолжал Атос, говоря отчасти самому себе, отчасти д'Артаньяну, – но если я вас убью, то меня назовут детоедом.

– Не совсем, отвечал д'Артаньян, с поклоном, не лишенным достоинства, – не совсем, потому что вы делаете мне честь, деретесь со мною, несмотря на рану, которая вас наверно очень беспокоит.

– Очень беспокоит, честное слово, и вы были причиной чертовой боли, надо признаться; но я в таких случаях обыкновенно действую левою рукой. Не думайте, чтоб я хотел оказать вам этим милость, я равно дерусь обеими руками; это даже будет невыгодно для вас; иметь дело с левшей очень неудобно для тех, кто не предупрежден об этом. Я жалею, что раньше не сообщил вам этого обстоятельства.

– Вы очень любезны, сказал д'Артаньян; снова кланяясь, – и я вам очень благодарен.

– Вы смущаете меня, отвечал Атос; – будем, пожалуйста, говорить о чем-нибудь другом, если это вам не противно. Ах, черт возьми, какую вы мне причинили боль! Плечо у меня горит.

– Если бы вы позволили... нерешительно сказал д'Артаньян.

– Что?

– У меня есть чудесный бальзам для ран, бальзам, полученный мной от матери, действие которого я испытал на себе.

– Ну, так что же?

– Я уверен, что от этого бальзама рана ваша менее чем в три дня зажила бы, и по прошествии трех дней, когда бы вы выздоровели, я счел бы за честь быть к вашим услугам.

Д'Артаньян сказал слова эти с простотою, делавшею честь его любезности, и не вредившею храбрости.

– Право, сказал Атос, – ваше предложение мне нравится, не потому чтоб я хотел принять его, но в нем слышится дворянин. Так говорили и поступали храбрые времен Карла Великого, примеру которых должен следовать всякий благородный человек. К несчастью, мы живем не во время великого императора. У нас теперь время кардинала, и как бы не сохраняли тайну, через три дня узнают, что мы должны драться и помешают нам. Но что же не идут эти гуляки?

– Если вы спешите, сказал д'Артаньян Атосу, с тою же простотою, как за минуту предлагал отложить дуэль на три дня, – если вы спешите, и вам угодно приступить к делу немедленно, то не стесняйтесь, пожалуйста.

– Это также мне нравится, сказал Атос, делая учтивый знак головой д'Артаньяну: – это может сказать только человек с умом и с сердцем. Я люблю людей таких как вы, и вижу, что если мы не убьем друг друга, то я всегда буду находить истинное удовольствие в вашей беседе. Дождемтесь, пожалуйста, этих господ, я свободен и сверх того дело будет правильнее.

– Ах! вот кажется один из них!

В самом деле, на конце улицы Вожиар показался гигантский Портос.

– Как! сказал д'Артаньян, – ваш первый секундант г. Портос?

– Да, разве вам это не нравится?

– Нет, несколько.

– А вот и другой.

Д'Артаньян посмотрел в ту сторону, куда указал Атос, и узнал Арамиса.

– Как, сказал он еще с большим удивлением чем в первый раз, – ваш второй секундант г. Арамис?

– Без сомнения: разве вы не знаете, что мы всегда вместе, и что нас называют между мушкетерами и гвардейцами, в городе и при дворе: Атос, Портос и Арамис, или трое неразлучных. Впрочем, так как вы приехали из Дакса или из По...

– Из Тарб, сказал д'Артаньян.

– Вам простительно не знать этих подробностей, сказал Атос.

– Вас справедливо так называли, господа, сказал д'Артаньян, – и если узнают мое приключение, то оно послужит доказательством, что ваш союз основан не на контрастах.

В это время Портос, приблизившись, поздоровался с Атосом; потом обернулся к д'Артаньяну и остановился с удивлением.

Скажем, между прочим, что он переменял перевязь и снял плащ.

– А! сказал он, – что это значит?

– Я дерусь с этим господином, сказал Атос, показывая на д'Артаньяна, и сделал ему знак приветствия рукою.

– Я тоже с ним дерусь, сказал Портос.

– Но не ранее часа, отвечал д'Артаньян.

– И я тоже дерусь с этим господином, сказал Арамис, приближаясь в свою очередь.

– Но не ранее двух часов, также спокойно сказал д'Артаньян.

– Ты за что дерешься, Атос? спросил Арамис.

– Право не знаю, он задел за мое больное плечо; а ты за что, Портос?

Атос заметил, как промелькнула легкая улыбка на губах Гасконца.

– Мы поспорили о туалете, сказал молодой человек.

– А ты, Арамис? спросил Атос.

– Я дерусь за богословие, отвечал Арамис, делая знак д'Артаньяну, чтоб он не говорил о причине дуэли.

Атос вторично заметил улыбку на губах д'Артаньяна.

– В самом деле? сказал Атос.

– Да, мы не согласны в смысле одной Фразы из св. Августина, сказал Гасконец.

– Это решительно умный человек, прошептал Атос.

– Теперь, когда вы собрались, господа, сказал д'Артаньян, – позвольте мне извиниться перед вами.

При слове «извиниться» Атос нахмурился, презрительная улыбка мелькнула на губах Портоса, и отрицательный знак головою был ответом Арамиса.

– Вы меня не понимаете, господа, сказал подняв голову д'Артаньян... В это время лучи солнца, падая на его голову, освещали тонкие и смелые черты его лица: – я прошу вашего извинения в таком случае, если не успею расквитаться со всеми вами, потому что г. Атос имеет право убить меня первый, что значительно уменьшает цену моего долга вам, г. Портос, а вам, г. Арамис, почти уничтожается. Теперь повторяю мое извинение, но только в этом – и к делу.

При этих словах, с величайшею ловкостью, д'Артаньян вынул шпагу. Кровь прилила к голове д'Артаньяна, и в эту минуту он готов был обнажить шпагу против всех мушкетеров королевства, как обнажил ее теперь против Атоса, Портоса и Арамиса.

Было четверть первого. Солнце было в зените, и место, избранное для сцены дуэли, было вполне открыто для действия лучей его.

– Очень жарко, сказал Атос, вынимая в свою очередь шпагу; – а я все-таки не могу снять камзола, потому что сейчас чувствовал, что из раны моей лила кровь, и не желаю беспокоить господина д’Артаньяна видом крови, которую не он мне пустил.

– Это правда, сказал д’Артаньян: – кем бы ни была пущена ваша кровь, уверяю вас что я всегда с сожалением увидел бы кровь такого храброго дворянина; я буду также драться в камзоле как и вы.

– Довольно, сказал Портос, – довольно любезностей, подумайте, что мы ждем очереди.

– Говорите за себя одного, Портос, когда вам вздумается говорить подобные непристойности, сказал Арамис, – что касается до меня, я нахожу, что все, что говорят, эти господа очень хорошо и вполне достойно дворянина.

– Угодно вам начать? сказал Атос, становясь на место.

– Я ожидаю ваших приказаний, сказал д’Артаньян, скрещивая шпаги.

Но едва раздался звук рапир, как отряд гвардии кардинала под предводительством Жюссака показался на углу монастыря.

– Гвардейцы кардинала! закричали вдруг Портос и Арамис. – Шпаги в ножны, господа, шпаги в ножны!

Но было уже поздно. Сражавшихся видели в положении, не допускавшем сомнений в их намерениях.

– Ей! кричал Жюссак, приближаясь к ним и подзывая своих солдат, – мушкетеры, вы деретесь! А на что же указы!

– Вы очень великодушны, господа гвардейцы, сказал Атос с злобою, потому что Жюссак был одним из нападавших третьего дня. – Если бы мы видели, что вы деретесь, уверяю вас, что мы не стали бы мешать вам. Предоставьте же нам свободу, и вы будете иметь удовольствие без всякого труда.

– Господа, сказал Жюссак, – объявляю вам с большим сожалением, что это невозможно. Долг службы прежде всего. Вложите же шпаги и следуйте за нами.

– Милостивый государь, сказал Арамис, передразнивая Жюссака, – мы с величайшим удовольствием приняли бы ваше любезное приглашение, если б это зависело от нас; но, к несчастью, это невозможно; де-Тревиль запретил нам. Идите же своею дорогой, это будет всего лучше.

Эта насмешка раздражила до крайности Жюссака.

– Если вы не повинуетесь, сказал он, – то мы нападем на вас.

– Их пятеро, сказал Атос вполголоса, – а нас только трое; мы еще раз будем побеждены и должны будем умереть на месте, потому что я объявляю, что не явлюсь к капитану побежденным.

Атос, Портос и Арамис сблизились друг к другу пока Жюссак уставлял своих солдат.

Этой минуты было достаточно для д'Артаньяна, чтобы решиться: это было одно из тех событий, которые решают участь человека; ему предстояло сделать выбор между королем и кардиналом и, сделав выбор, следовало уже навсегда держаться его. Драться – значило ослушаться закона, рисковать своею головой, сделаться врагом министра, который был могущественнее самого короля; все это предвидел молодой человек, и, скажем в похвалу его, он не колебался ни минуты. Обращаясь к Атосу и друзьям его, он сказал:

– Господа, позвольте мне заметить, что вы ошибаетесь. Вы сказали, что вас только трое, а мне кажется, что нас четверо.

– Но вы не из наших, сказал Портос.

– Это правда, отвечал д'Артаньян, – я не ваш по платью, но ваш душой. У меня сердце мушкетера, и оно меня увлекает.

– Отойдите, молодой человек, сказал Жюссак, угадывавший, без сомнения, по движениям и выражению лица д'Артаньяна его намерение: – вы можете удалиться, мы на это согласны. Спасайтесь скорее.

Д'Артаньян не двигался с места.

– Решительно вы прекрасный мальчик, сказал Атос, пожимая руку молодого человека.

– Ну, ну, решайтесь же, сказал Жюссак.

– Да, сказали Портос и Арамис, – решимся на что-нибудь.

– Этот господин очень великодушен, сказал Атос.

Но все трое думали о молодости д'Артаньяна и опасались за его неопытность.

– Нас будет только трое, в том числе один раненый, да еще дитя, сказал Атос, – а все-таки скажут, что нас было четверо.

– Да, но неужели отступать? сказал Портос.

– Это трудно, отвечал Атос.

Д'Артаньян понял их нерешимость.

– Господа, все-таки испытайте меня, сказал он: – клянусь вам честью, что я не уйду отсюда, если мы будем побеждены.

– Как вас зовут, мой друг? спросил Атос.

– Д'Артаньян.

– Итак, Атос, Портос, Арамис и д'Артаньян, вперед! кричал Атос.

– Ну, что же, господа, решились ли вы на что-нибудь, спросил в третий раз Жюссак.

– Решено, господа, сказал Атос.

– На что же вы решились? спросил Жюссак.

– Мы будем иметь честь напасть на вас, отвечал Арамис, одною рукой снимая шляпу, а другою вынимая шпагу.

– А, вы сопротивляетесь! сказал Жюссак.

– А это вас удивляет?

И девятеро сражающихся бросились друг на друга, с бешенством, которое не мешало соблюдению некоторых правил.

Атос избрал себе Кагюзака, любимца кардинала; Портос – Бикара, а Арамис очутился против двух противников.

Что касается до д'Артаньяна, то он бросился на самого Жюссака.

Сердце молодого Гасконца билось сильно, не от страха, благодаря Бога, в нем не было и тени страха, но от сильного ощущения; он дрался как бешеный тигр, десять раз обходя около своего противника, переменяя двадцать раз позицию и место. Жюссак был, как говорили тогда, лаком до клинка и много упражнялся; несмотря на то ему весьма трудно было защищаться против ловкого и прыгающего врага, ежеминутно отступавшего от принятых правил, нападавшего вдруг со всех сторон и отражавшего удары, как человек, имеющий полное уважение к своей коже.

Наконец эта борьба начала выводить Жюссака из терпения. Вzbешенный неудачей против врага, на которого смотрел как на ребенка, он разгорячился и начал делать ошибки. Д'Артаньян, который хотя мало имел практики, но глубоко изучил теорию, начал действовать еще проворнее. Жюссак, желая покончить разом, нанес сильный удар противнику, наклонившись до земли, но тот отразил удар тотчас же, и пока Жюссак подымался, он, проскользнув как змея, под шпагу его, проколол его насквозь.

Жюссак упал как труп.

Д'Артаньян быстро осмотрел тогда место сражения.

Арамис убил уже одного из своих противников; но другой теснил его сильно. Впрочем Арамис был еще в хорошем положении и мог еще защищаться.

Бикара и Портос оба ранили друг друга. Портос получил удар в руку, Бикара в бедро. Но как ни та ни другая рана не были опасны, то они продолжали драться еще с большим ожесточением.

Атос, раненый снова Кагюзаком, видимо бледнел, но не отступал ни на шаг; он только взял шпагу в другую руку и дрался теперь левой.

Д'Артаньян, по законам дуэли того времени, имел право помочь кому-нибудь, между тем как он высматривал, кто из его товарищей имел нужду в его помощи, он встретил взгляд Атоса. Этот взгляд был в высшей степени красноречив. Атос скорее бы умер, чем стал бы звать на помощь, но он мог смотреть и взглядом просить опоры. Д'Артаньян угадал его мысль, сделав ужасный скачек и нападая с боку на Кагюзака, закричал:

– Ко мне, господин гвардеец, или я вас убью!

Кагюзак обернулся; это было во время. Атос, которого поддерживала только чрезвычайная храбрость, упал на одно колено.

– Послушайте, кричал он д'Артаньяну, – не убивайте его, молодой человек, прошу вас, мне нужно покончить с ним одно старое дело, когда я выздоровею. Обезоружьте его только, отнимите у него шпагу.

– Так, так, хорошо!

Это восклицание вырвалось у Атоса при виде шпаги Кагюзака, отлетевшей за двадцать шагов. Д'Артаньян и Кагюзак бросились вдруг, один чтобы снова схватить шпагу, другой чтоб овладеть ею; но д'Артаньян был ловчее, он успел опередить и наступил на нее ногой.

Кагюзак побежал к тому из гвардейцев, которого убил Арамис, взял его шпагу и хотел возвратиться к д'Артаньяну; но по дороге он встретил Атоса, который во время минутного отдыха, доставленного ему д'Артаньяном, перевел дух, и опасаясь, чтобы д'Артаньян не убил его противника, хотел начать бой.

Д'Артаньян понял, что помешать Атосу значило оскорбить его. Действительно, спустя несколько секунд, Кагюзак упал, пораженный шпагой в горло.

В ту же минуту Арамис, упирая шпагу в грудь опрокинутого противника, заставлял его просить о пощаде.

Оставались Портос и Бикара. Портос делал разные хвостовские выходы, спрашивая Бикара, который час, и поздравлял его с ротой, полученной его братом в Наваррском полку; но, насмехаясь, он ничего не выигрывал. Бикара был из тех железных людей, которые падают только мертвые.

Между тем пора было кончить: караул мог придти и забрать всех сражавшихся, раненых и не раненых, королевских или кардинальских. Атос, Арамис и д'Артаньян окружили Бикара и убеждали его сдаться. Хотя один против всех, и раненный в бедро, Бикара не отступал; но Жюссак, приподнявшись на локоть, кричал ему, чтоб он сдался. Бикара был Гасконец как и д'Артаньян; он притворился, что не слышит, и продолжал смеяться, потом, уловя время, чтоб указать концом шпаги место на земле,

он сказал:

– Здесь умрет Бикара.

– Но их четверо против тебя; перестань, я тебе приказываю.

– А! если ты приказываешь, это другое дело, сказал Бикара: – так как ты мой бригадир, то я должен повиноваться.

И, сделав скачок назад, он сломал шпагу о колено, чтобы не отдать её, бросил обломки через стену монастыря и, скрестив руки, начал насвистывать кардинальскую песню.

Храбрость всегда уважается, даже в неприятеле. Мушкетеры сделали Бикару приветствие шпагами и вложили их в ножны. Д'Артаньян сделал то же, потом с помощью Бикара, который один оставался на ногах, отнес на паперть монастыря Жюссака, Кагюзака и того из противников Арамиса, который был только ранен. Четвертый, как мы уже сказали, был убит. Потом они позвонили в колокол и, унеся 4 шпаги из пяти, направились, упоенные радостью к дому де-Тревиля.

Они шли, взявшись за руки, во всю ширину улицы и забирая всех встречавшихся мушкетеров, так что наконец это превратилось в торжественное шествие.

Д'Артаньян был в восторге; он шел между Атосом и Портосом, нежно обнимая их.

– Если я еще не мушкетер, сказал он новым друзьям своим, входя в ворота дома де-Тревиля, – по крайней мере я уже принят учеником, не так ли?

VI. Король Людовик XIII

Происшествие это наделало много шума: де-Треви́ль громко бранил своих мушкетеров, а потихоньку поздравлял их, но так как нужно было, не теряя времени, предупредить короля, то де-Треви́ль поспешил в Лувр. Но было уже поздно. Кардинал был у короля, и де-Треви́лю сказали, что король занимается, и не может принять его в эту минуту. Вечером де-Треви́ль пришел к королю во время игры. Король выигрывал и был в отличном расположении духа, потому что его величество был очень скуп, поэтому как только увидел де-Треви́ля, он сказал.

– Подите сюда, г. капитан, подите, я вас побраню; знаете ли, что кардинал жаловался мне на ваших мушкетеров, и с таким волнением, что он оттого сегодня вечером заболел. Но ваши мушкетеры – это черти, их надо перевешать.

– Нет, государь, отвечал де-Треви́ль, заметивший с первого взгляда какой оборот приняло дело: – нет, напротив, они добрые люди, тихи как ягнята, ручаюсь, что у них только одно желание, чтобы шпаги их вынимались из ножен только для службы вашего величества. Но что же делать, гвардейцы кардинала беспрестанно ищут ссоры с ними и, для чести своего полка, бедняжки принуждены защищаться.

– Послушайте, де-Треви́ль, сказал король, – послушайте, можно подумать, что он говорит о каких-нибудь монахах. Право, любезный капитан, мне хочется отнять у вас должность и отдать ее госпоже де-Шемро, которой я обещал аббатство. Но не думайте, чтобы я поверил вам на слово. Меня называют Людовиком справедливым, и я сейчас докажу это.

– Вполне полагаясь на вашу справедливость, государь, я буду терпеливо и спокойно ожидать приказаний вашего величества.

– Я не долго заставлю вас ждать, сказал король.

Действительно, счастье переменилось, король начинал проигрывать и потому ему очень хотелось найти предлог оставить игру.

Спустя несколько минут король встал и, положив в карман лежавшие перед ним деньги, которых большая часть была им выиграна, сказал:

– Ла-Виеви́ль, займите мое место, мне нужно поговорить с де-Треви́лем о важном деле. Да так как передо мной лежало 80 луидоров, то положите и вы эту сумму, чтобы проигравшие не могли жаловаться. Справедливость прежде всего.

Потом он пошел с де-Треви́лем к амбразуре окна.

– Итак, продолжал он, – вы говорите, что гвардейцы кардинала сами искали ссоры с мушкетерами.

– Да, государь, как обыкновенно.

– А расскажите, как это случилось, потому что вы знаете, капитан, что судья должен выслушивать обе стороны.

– Очень просто и естественно: трое из моих лучших солдат, имена которых известны вашему величеству, и преданность которых не раз была вами оценена, потому что они выше всего на свете ставят службу своему королю, это я могу сказать утвердительно; так трое из моих солдат, говорю я, Атос, Портос и Арамис с одним молодым Гасконцем, которого я рекомендовал им, в то самое утро сговорились отправиться на прогулку, кажется в Сен-Жермен. Они собрались, как было условлено, у монастыря Кармелиток, но гг. Жюссак, Кагюзак, Бикара и еще двое гвардейцев, придя туда такой большой компанией, вероятно, не без дурного намерения, противного указам, все расстроили.

– А! я догадываюсь, сказал король: – они, вероятно, сами пришли туда драться.

– Я не обвиняю их, государь, но предоставляю вашему величеству судить, зачем бы могли пятеро вооруженных людей отправиться в такое уединенное место как окрестности монастыря Кармелиток.

– Да, вы правы, де-Тревиль, вы правы.

– Но когда они увидели моих мушкетеров, то переменили свое намерение; общая вражда двух полков заставила их забыть свои личные распри, потому что вашему величеству известно, что королевские мушкетеры, преданные одному королю, естественные враги гвардейцев, служащих кардиналу.

– Да, де-Тревиль, да, сказал король печально, уверяю вас, что очень жаль видеть две партии во Франции, две главы в королевстве; но всему этому будет конец, де-Тревиль, непременно будет. Так вы говорите, что гвардейцы искали ссоры с мушкетерами.

– Я говорю, что, вероятно, дело было так, но я за это не ручаюсь, государь. Вам известно как трудно иногда узнать правду, и надо обладать тем удивительным инстинктом, за который Людовику XIII дали прозвание справедливого.

– Да, вы правы, де-Тревиль, но ваши мушкетеры были не одни, с ними был какой-то юноша.

– Да, государь, и один раненый, так что трое королевских мушкетеров, из которых один был раненый, и еще один мальчик, не только не уступили пятерым из самых страшных гвардейцев кардинала, но еще положили их

четверых на месте.

– Но ведь это победа! сказал радостно король, – это полная победа!

– Да, государь, такая же полная как у моста Се.

– Четверо, в числе которых один раненый, другой мальчик, говорите вы?

– Его едва можно назвать молодым человеком; между тем он так превосходно вел себя в этом случае, что я осмелюсь рекомендовать его вашему величеству.

– Как его зовут?

– Д'Артаньян. Это сын одного моего старого друга; сын человека, участвовавшего в партизанской войне с покойным королем, родителем вашим.

– Вы говорите, что этот молодой человек хорошо вел себя? Расскажите мне это, де-Треви́ль, вы знаете, что я люблю рассказы о войнах и сражениях.

И король гордо закрутил усы.

– Государь, сказал де-Треви́ль, – д'Артаньян, как я уже сказал, почти мальчик, и так как он не имеет чести быть мушкетером, то он был в гражданском платье гвардейца г. кардинала, видя его молодость и зная, что он не принадлежит к числу мушкетеров, предлагали ему удалиться прежде чем они нападут.

– Из этого ясно видно, де-Треви́ль, сказал король, – что они первые напали.

– Совершенно справедливо, государь; в этом нет никакого сомнения. Итак, они предлагали ему удалиться; но он отвечал, что он мушкетер в душе и предан вашему величеству, и поэтому останется с мушкетерами.

– Храбрый молодой человек, сказал король.

– Действительно он остался с ними, и ваше величество приобрели в нем редкого бойца, потому что страшный удар, нанесенный Жюссаку и столько разгневавший кардинала, был его делом.

– Так это он ранил Жюссака? сказал король, – он, ребенок! Это невозможно, де-Треви́ль.

– Это именно так было, как я имел честь донести вашему величеству.

– Жюссак, один из первых бойцов королевства?

– Значит, государь, он нашел достойного себе соперника.

– Я хочу видеть этого молодого человека, де-Треви́ль, я хочу его видеть, и если можно что-нибудь сделать для него, то займемся этим.

– Когда угодно вашему величеству принять его?

– Завтра, в 12 часов, де-Треви́ль.

- Прикажете привести его одного?
- Нет, приведите всех четверых. Я хочу поблагодарить всех их; преданные люди редки, де-Треви́ль, и надо награждать преданность.
- В 12 часов, государь, мы будем в Лувре.
- Ах да, по маленькой лестнице, де-Треви́ль по маленькой. Не нужно чтобы знал кардинал.
- Слушаю, государь.
- Вы понимаете, де-Треви́ль, указ всё-таки указ; ведь драться запрещено.
- Но эта встреча, государь, совершенно не подходит под обыкновенные условия дуэли, это была просто драка, потому что гвардейцев кардинала было пятеро против моих трех мушкетеров и д'Артаньяна.
- Это справедливо, сказал король, – но все равно, де-Треви́ль, приходите по маленькой лестнице.

Треви́ль улыбнулся. Но для него было довольно уже и того, что он восстановил этого короля ребенка против его руководителя. Он почтительно поклонился королю и с обычной любезностью простился с ним.

В тот же вечер три мушкетера были уведомлены об ожидающей их чести. Они давно знали короля, и потому это известие не привело их в восторг, но д'Артаньян, с своим гасконским воображением, видел уже в том свое будущее счастье и провел ночь в золотых мечтах. В 8 часов утра он был уже у Атоса.

Д'Артаньян застал мушкетера совершенно одетым, чтобы идти со двора.

Так как свидание у короля было назначено в 12 часов, то они уговорились с Портосом и Арамисом идти поиграть в мяч в одном игорном доме, находящемся не далеко от конюшен Люксембурга. Атос пригласил с собой д'Артаньяна, который, несмотря на то что он не знал этой игры и никогда в нее не играл, принял предложение, не зная, что делать от десяти до двенадцати часов.

Другие два мушкетера были уже там и играли вдвоем. Атос, очень ловкий во всех телесных упражнениях, стал с д'Артаньяном на другой стороне; и игра началась. Но при первом движении, Атос, несмотря на то что играл левою рукой, почувствовал, что рана его была еще слишком свежа, чтобы дозволить ему подобное упражнение. Итак д'Артаньян остался один, и как он объявил, что по неловкости своей не может правильно вести партию, то они продолжали только бросать мяч, не считая

выигрыша. Но один раз мяч, пущенный геркулесовскою рукой Портоса, пролетел так близко от лица д'Артаньяна, что он подумал что если б мяч попал в него, то его аудиенция была бы наверно потеряна, потому что по всей вероятности, ему невозможно было бы представиться королю. А так как он воображал, что от этого представления зависела вся его будущность, то вежливо поклонился Портосу и Арамису, объявив что он примет партию тогда, когда выучится играть не хуже их и, отойдя в сторону, сел на галерее.

К несчастью д'Артаньяна, между зрителями был один из гвардейцев кардинала, который, разгоряченный случившимся накануне поражением своих товарищей, дал себе слово отмстить за них при первом случае. Он нашел, что случай этот представился и, обращаясь к соседу, сказал:

– Не удивительно, что этот молодой человек испугался мяча; вероятно, это ученик мушкетеров.

Д'Артаньян оглянулся, как будто его ужалила змея, и посмотрел пристально на гвардейца, высказавшего это дерзкое предположение.

– Да, сказал тот, закручивая ус, – смотрите на меня, дитя мое, сколько вам угодно, я высказал то, что думаю.

– И как то что вы сказали, слишком ясно и не требует объяснения, то я попрошу вас последовать за мной, тихо сказал д'Артаньян.

– Когда? спросил гвардеец тем же насмешливым тоном.

– Не угодно ли вам сейчас же.

– Вы, без сомнения, знаете кто я?

– Я вас совсем не знаю, да несколько об этом и не беспокоюсь.

– И напрасно: если бы вы знали мое имя, может быть, так не торопились бы.

– Как вас зовут?

– Бернажу, к вашим услугам.

– Ну так, г. Бернажу, спокойно сказал д'Артаньян, – я буду ждать вас у ворот.

– Идите, я приду вслед за вами.

– Не слишком торопитесь, чтобы не заметили, что мы уходим вместе; вы понимаете, что для нашего занятия не нужно много народа.

– Хорошо, отвечал гвардеец, удивленный, что имя его не произвело впечатления на молодого человека.

Действительно, имя Бернажу было всем известно, кроме, может быть, одного д'Артаньяна, потому что он чаще всех принимал участие в ежедневных драках, которых никакие указы короля и кардинала не могли прекратить.

Портос и Арамис так были заняты игрой, а Атос смотрел на них с

таким вниманием, что они и не заметили, когда их молодой товарищ вышел.

Как было условлено, д'Артаньян остановился у ворот, куда, минуту спустя, пришел и гвардеец.

Так как д'Артаньяну некогда было терять времени, потому что представление к королю было назначено в 12 часов, то он осмотрелся кругом и, видя что на улице никого нет, сказал своему противнику:

– Хотя вас зовут Бернажу, но все-таки вы счастливы, что имеете дело только с учеником мушкетеров; впрочем, будьте покойны, я употреблю всевозможное старание. За дело!

– Но, сказал гвардеец, – мне кажется что это место неудобно, гораздо лучше было бы за аббатством Сен-Жермен или в Пре-о-Клерке.

– Это справедливо, отвечал д'Артаньян, – но к несчастью у меня нет времени, я должен быть на свидании ровно в 12 часов. За дело, милостивый государь, за дело!

Бернажу был не такой человек, чтобы заставить два раза повторять себе подобное приглашение. В ту же минуту шпага заблестела в руке его и он бросился на противника, которого надеялся напугать, рассчитывая на его молодость.

Но д'Артаньян накануне взял хороший урок и, поощряемый недавно победой и гордый предстоящею милостью, он решился не отступать ни на шаг; обе шпаги были в деле до самого эфеса, но как д'Артаньян твердо держался на месте, то противник его должен был отступить. Д'Артаньян, воспользовавшись этим движением Бернажу, бросился на него и ранил его в плечо, потом отступил в свою очередь и поднял шпагу, но Бернажу кричал ему, что это ничего не значит и, наступая на него с ослеплением, наткнулся прямо на его шпагу. Однако как он не упал и не признавал себя побежденным, а только отступил к дому Тремуля, где служил один из его родственников, то д'Артаньян, не зная как тяжела была последняя рана его противника, наступал на него с живостью и вероятно покончил бы с ним третьим ударом, но в это время шум на улице стал слышен в игорном доме и двое друзей гвардейца, заметившие, как он обменялся словами с д'Артаньяном, и вслед затем вышел, бросились со шпагами в руках и напали на победителя.

Атос, Портос и Арамис вышли в свою очередь и освободили своего молодого товарища от двух теснивших его гвардейцев.

В эту минуту Бернажу упал, и как гвардейцев было только двое против четырех, то они принялись кричать: «сюда Тремуль!» На этот крик выбежали все бывшие в доме, бросились на четверых товарищей, которые

также начали кричать: «сюда, мушкетеры!».

На этот крик толпа всегда сбегалась охотно; все знали, что мушкетеры враги кардинала и любили их за ненависть к нему. Поэтому гвардейцы других рот, кроме принадлежавших Красному Герцогу, как назвал его Арамис, обыкновенно в ссорах этого рода принимали сторону королевских мушкетеров. Из числа проходивших мимо трех гвардейцев роты Дезессара, двое тотчас подали помощь четверым товарищам, между тем как третий побежал в отель де-Тревиля с криком: «сюда, мушкетеры, сюда!».

В отеле де-Тревиля было, по обыкновению, множество мушкетеров, которые и побежали на помощь к товарищам; произошло ужасное смятение, но преимущество было на стороне мушкетеров; гвардейцы кардинала и люди из дома Тремуля отступили в дом и заперли ворота в то самое время, когда неприятели их готовы были вторгнуться туда вслед за ними. Что же касается до раненого, то он был немедленно перенесен в отель, в очень дурном положении.

Раздражение мушкетеров и их сообщников достигло высшей степени, так что уже начинали рассуждать о том, не поджечь ли дом, чтобы наказать людей Тремуля за дерзкую вылазку их против королевских мушкетеров. Предложение это было принято с восторгом, но к счастью пробило 11 часов. Д'Артаньян и товарищи его вспомнили о представлении королю, и не желая, чтобы такое прекрасное предприятие исполнилось без них, они успокоили толпу, удовольствовались тем, что бросили в ворота несколько камней, но они устояли; затем все утомились; притом же главные зачинщики предприятия отделились уже от толпы и пошли в дом де-Тревиля, звавшего уже об этом происшествии и ожидавшего их.

– Скорее в Лувр, сказал он, – в Лувр, не теряя ни минуты, и постараемся увидеть короля прежде нежели кардинал успеет уведомить его о случившемся; мы расскажем ему об этом, как о последствии вчерашнего и оба дела сойдут с рук вместе.

Де-Тревиль, в сопровождении четверых молодых людей, отправился в Лувр; но к удивлению капитана мушкетеров ему сказали, что король уехал на охоту в Сен-Жерменский лес.

Де-Тревиль заставил повторить себе эту новость два раза и сопровождавшие его видели, как с каждым разом омрачалось его лицо.

– Его величество имел еще вчера намерение отправиться на эту охоту? спросил он.

– Нет, ваше превосходительство, отвечал камердинер, – сегодня утром главный егермейстер уведомил его, что в эту ночь нарочно для него загнали оленя. Сперва он отвечал что не поедет, но потом не мог устоять против

удовольствия быть на этой охоте и после обеда отправился.

– А виделся король с кардиналом? спросил де-Тревиль.

– По всей вероятности, отвечал камердинер, – потому что я видел сегодня утром карету кардинала и мне сказали что он едет в Сен-Жермен.

– Нас предупредили, сказал де-Тревиль. – Господа, я увижу короля сегодня вечером; что же касается до вас, то я не советую вам идти к нему.

Совет был очень благоразумен, и притом дан был человеком, который слишком хорошо знал короля, и потому молодые люди не противоречили ему. Де-Тревиль предложил им возвратиться по домам и ожидать его уведомления.

Возвратившись в свой отель, де-Тревиль подумал, что прежде чем жаловаться королю, нужно хорошенько узнать в чем было дело. Он послал к Тремулю слугу с письмом, в котором просил его выслать от себя раненого гвардейца кардинала и сделать выговор своим людям за дерзкую вылазку их против мушкетеров. Но ла-Тремуль, извещенный обо всем своим конюхом родственником Бернажу, отвечал, что ни де-Тревилю, ни мушкетерам его не на что было жаловаться, и что, напротив, он имеет право жаловаться, потому что мушкетеры напали на его людей и намеревались поджечь его дом. Но как этот спор мог затянуться и каждый из них упорно держался бы своего мнения, то де-Тревиль придумал способ покончить его скорее: он решил сам отправиться к ла-Тремулю.

Придя к нему, он велел доложить о себе.

Двое вельмож вежливо поклонились друг другу, потому что хотя между ними не было дружбы, по крайней мере было взаимное уважение. Оба были люди честные и добрые, и как ла-Тремуль протестант и, редко видевший короля, не принадлежал ни к какой партии, то в общественных отношениях он был без всяких предубеждений. Несмотря на то, на этот раз прием его был хотя вежливый, но холоднее обыкновенного.

– Милостивый государь, сказал де-Тревиль, – каждый из нас считает себя в праве жаловаться на другого, и я пришел сам, чтобы вместе разъяснить это дело.

Очень охотно, отвечал ла-Тремуль, – но предупреждаю вас, что я имею подробные сведения, и что всему виной ваши мушкетеры.

Вы так справедливы и благоразумны, сказал де-Тревиль, – что наверное примете предложение, которое я намерен вам сделать.

– Говорите, я слушаю.

– В каком положении Бернажу, родственник вашего конюха?

– Очень в дурном, кроме раны в руку, которая не опасна, он ранен еще в лёгкое насквозь, так что доктор не обещает ничего хорошего.

- Но раненый в памяти?
- Совершенно.
- Он говорит?
- Хотя с трудом, но говорит.

– Пойдемте же к нему и будем просить его именем Бога, перед которым он, быть может, скоро предстанет, сказать всю правду; я выбираю его судьей в его собственном деле, и поверю тому, что он скажет.

Ла-Тремуль на минуту задумался, но как нельзя было сделать предложения справедливее этого, то он и принял его.

Они вошли в ту комнату, в которой лежал раненый. При виде двух вельмож, пришедших навестить его, больной попробовал приподняться на постели, но был слишком слаб, и, истощенный этим усилием, упал почти без чувств.

Ла-Тремуль подошел к нему и дал ему понюхать спирту, возвратившего ему сознание. Тогда де-Тревиль, не желая, чтобы его могли обвинить во влиянии на ответы большого, просил ла-Тремуля, чтобы он сам делал вопросы.

Случилось так, как предвидел де-Тревиль. Бернажу, будучи между жизнью и смертью, не думал скрывать правды и рассказал двум вельможам в точности всё, как было.

Этого только и желал де-Тревильон, пожелал Бернажу скорого выздоровления, простился с ла-Тремулем, возвратился домой и послал тотчас сказать четверым друзьям, что ждет их к обеду.

У де-Тревиля собиралось очень хорошее общество, состоявшее впрочем все из врагов кардинала. Поэтому понятно, что разговор во время всего обеда был о двух поражениях, нанесенных гвардейцам кардинала.

Все поздравления обращались к д'Артаньяну, бывшему герою этих двух дней; и Атос, Портос и Арамис вполне признавали за ним эту честь, не только как добрые товарищи, но и как люди, которым нередко приходилось слышать подобные поздравления.

В шесть часов де-Тревиль объявил, что пора идти в Лувр; но как час представления, назначенный его величеством, уже прошел, то вместо того чтобы идти по маленькой лестнице, он с четырьмя молодыми людьми расположился в передней. Король еще не возвращался с охоты.

Молодые люди ждали, вмешавшись в толпу придворных; но не прошло получаса, как вдруг двери отворились и доложили о приезде его величества.

При этом докладе д'Артаньян почувствовал дрожь во всем теле.

Предстоящая минута должна была, по всей вероятности, решить его

участь. Глаза его с мучительным ожиданием устремились на дверь, в которую должен был войти король.

Людовик XIII вошел впереди всех; он был в охотничьем платье, весь в пыли, в больших сапогах и с хлыстом в руке. С первого взгляда д'Артаньян заметил, что король был мрачен. Хотя это расположение духа его величества было для всех очевидно, но это не помешало придворным встретить его, став на проходе: в королевских передних лучше быть на виду во время дурного расположения духа, чем быть совсем не замеченным. Поэтому три мушкетера выступили вперед. д'Артаньян, напротив, остался за ними; хотя король знал лично Атоса, Портоса и Арамиса, но прошел мимо их, не обратив на них внимания и не сказав ни слова, как будто никогда их не видал. Проходя мимо де-Тревилья, он взглянул на него; но де-Тревиль выдержал этот взгляд с такою твердостью, что король первый отвернулся. Когда его величество прошел в свою комнату, Атос сказал улыбаясь:

– Худо дело, сегодня мы наверное не получим ордена.

– Подождите здесь десять минут, сказал де-Тревиль, – и если я через десять минут не выйду, то ступайте ко мне домой, потому что бесполезно будет ждать дольше.

Молодые люди ждали десять минут, четверть часа, двадцать минут; и как де-Тревиль не возвращался, то они ушли в большом беспокойстве.

Де-Тревиль смело вошел в кабинет короля: его величество был в очень дурном расположении духа; он сидел в кресле и постукивал концом хлыста по сапогу, что не мешало де-Тревилью очень спокойно спросить его о здоровье.

– Плохо, милостивый государь, плохо, отвечал король, – я скучаю.

Это действительно была одна из худших болезней Людовика XIII, в этих случаях он часто подзывал кого-нибудь из придворных и, подведя его к окну, говорил: «будем скучать вместе».

– Как! ваше величество скучаете! сказал де-Тревиль. – Разве вы без удовольствия провели время на охоте?

– Хорошо удовольствие. Нынче все переродилось, и я уж не знаю, дичь ли перестала летать, или собаки потеряли чутьё. Мы преследуем оленя с десятью охотничьими рогами, бегаем за ним шесть часов, и когда он почти пойман, когда Сен-Симон подносит уже рог во рту, чтобы протрубить победу, вдруг вся свора переменяет направление и бросается на годовалого оленя. Увидите, что я должен буду отказаться от охоты за зверями, как отказался от птичьей охоты. Ах, я несчастный король, де-Тревиль, у меня оставался один кречет и он умер третьего дня.

– Действительно, государь, я понимаю ваше отчаяние, это большое несчастье; но у вас, кажется, остается еще достаточное количество соколов и ястребов.

– И ни одного человека чтобы учить их; соколышков больше нет, и я один только знаю охотничье искусство. После меня все будет кончено, будут охотиться с ловушками и западнями. Если б еще у меня было время, чтобы научить других! но, увы, кардинал не дает мне ни минуты покоя, толкует мне об Испании, Австрии, Англии! Ах, да! кстати о кардинале; я не доволен вами, де-Тревиль.

Де-Тревиль ожидал этого нападения. Он хорошо знал короля и понимал, что все эти жалобы служили только предисловием в роде возбуждения, чтобы придать храбрости, и что целью всего этого была именно последняя фраза.

– Чем же я имел несчастье неугодить вашему величеству? сказал де-Тревиль, притворяясь глубоко удивленным.

– Разве вы исполняете как следует обязанность вашу, милостивый государь? продолжал король, не отвечая прямо на вопрос де-Тревиля; – какой же вы капитан мушкетеров, когда они убивают человека, волнуют целый квартал и хотят поджечь Париж, а вы не говорите об этом ни слова? Впрочем, продолжал король, вероятно, я поспешил обвинять вас, без сомнения возмутители уже в тюрьме и вы пришли доложить мне, что суд над ними кончен.

– Государь, спокойно отвечал де-Тревиль, – напротив, я пришел просить у вас суда.

– Против кого? спросил король.

– Против клеветников, сказал де-Тревиль.

– А! вот новость! сказал король. – Не скажете ли вы, что ваши проклятые три мушкетера и ваш беарнский мальчишка не бросились, как бешеные, на бедного Бернажу и не отделали его так, что он, быть может, теперь умирает. Не скажете ли вы, что они потом не осаждали отель герцога ла-Тремуля и не хотели сжечь его, что впрочем не было бы большим несчастьем в военное время, потому что это гнездо гугенотов, по в мирное время это дает дурной пример. Скажите, было это все, или нет?

– Кто сочинил вам эту прекрасную повесть, государь? спокойно спросил де-Тревиль.

– Кто сочинил мне эту повесть? кто же если не тот, который бодрствует, когда я сплю, работает, когда я забавляюсь, который ведет дела внутри и вне королевства, во Франции и в Европе!

– Ваше величество, без сомнения, говорите о Боге, скалал де-

Треви́ль, – потому что только один Бог на столько выше вашего величества.

– Нет, милостивый государь, я говорю об опоре государства, моем единственном слуге, единственном друге, о кардинале.

– Кардинал не папа, государь.

– Что вы хотите этим сказать?

– Что только папа не ошибается, кардиналы же могут ошибаться.

– Вы хотите сказать, что он меня обманывает, что он изменяет мне. Значит, вы его обвиняете. Признайтесь откровенно, вы обвиняете его?

– Нет, государь; но говоря, что он сам ошибается, я говорю, что ему неверно донесли; что он поспешил обвинить мушкетеров вашего величества, к которым он несправедлив, и что он получил сведения из дурных источников.

– Обвинение было от ла-Тремуля, от самого герцога. Что вы на это скажете?

– Я мог бы отвечать, государь, что это дело до такой степени до него касается, что он не может быть в беспристрастном свидетеле; но напротив того, государь, я знаю Герцога как честного дворянина и поверю ему, только с одним условием.

– С каким?

– Что ваше величество призовете его и спросите сами, без свидетелей, и что я увижусь с вашим величеством тотчас после ухода герцога.

– Хорошо! сказал король, и вы согласитесь с тем, что скажет ла-Тремуль?

– Да, государь.

– Вы признаете его решение?

– Без сомнения.

– И вы подчинитесь удовлетворению, которого он потребует?

– Непременно.

– Ла-Шене! закричал король, ла-Шене!

Доверенный камердинер Людовика XIII, стоявший всегда у дверей, вошел.

– Ла-Шене, сказал король, – пошли сейчас же за ла-Тремулем, мне нужно поговорить с ним сегодня вечером.

– Ваше величество, даете мне слово ни с кем не видеться прежде меня по уходе ла-Тремуля?

– Честное слово, ни с кем.

– Итак до завтра, государь.

– До завтра.

– В котором часу угодно будет вашему величеству?

– Когда хотите.
– Но если я приду слишком рано, то боюсь разбудить ваше величество.
– Меня разбудить! Разве я сплю? Я не сплю больше, милостивый государь; я только дремлю иногда. Приходите когда вам угодно, – в семь часов; но берегитесь, если ваши мушкетеры виновны.

– Если мои мушкетеры виноваты, государь, виновные будут преданы в руки вашего величества, и с ними будет поступлено по вашему приказанию. Угодно вашему величеству еще приказать что-нибудь, я готов к вашим услугам.

– Нет, нет; и будьте уверены, что не даром называют меня справедливым. До завтра.

– Да сохранит Бог до тех пор ваше величество!

Хотя король спал мало, но де-Тревиль еще меньше; он с вечера предупредил трех мушкетеров и их товарища, чтобы они были у него в половине седьмого утром. Он повел их с собой, не говоря им ничего положительно, ничего не обещая и не скрывая от них, что их судьба, так же как и его самого, зависела от случая.

Дойдя до маленькой лестницы, он велел им подождать. Если бы король все еще был раздражен против них, то они могли уйти, не представляясь ему; если же король согласился бы принять их, то стоило только их позвать.

В собственной передней короля де-Тревиль встретил Шене, который сказал ему, что накануне вечером ла-Тремуля не было дома, что он возвратился слишком поздно, чтобы явиться в Лувр, и что он только что пришел и был еще у короля.

Это обстоятельство очень понравилось де-Тревилю; он был теперь уверен, что никакое постороннее внушение не могло проскользнуть между показаниями ла-Тремуля и его.

Действительно, не прошло десяти минут, как дверь королевского кабинета отворилась, вышел герцог ла-Тремуль, и, обращаясь к де-Тревилю сказал:

– Г. де-Тревиль, его величество призвали меня, чтобы узнать о вчерашнем приключении около моего дома. И сказал ему правду, т.-е. что виноваты были мои люди и что я готов перед вами извиниться. Поэтому прошу вас принять мои извинения и считать меня всегда одним из друзей ваших.

– Герцог, сказал де-Тревиль, – я был так уверен в вашей справедливости, что не желал другого защитника перед его величеством кроме вас. Я вижу, что не ошибся и благодарю вас за то, что есть еще во Франции человек, о котором можно сказать не ошибаясь то, что я сказал о

вас.

– Это хорошо, сказал король, слушавший у дверей все эти любезности. – Только скажите ему, де-Тревиль, так как он считает себя вашим другом, что я также желал бы быть его другом, но что он пренебрегает мной, что уже прошло три года, как я его не видал и вижу его только тогда, когда посылаю за ним. Скажите ему все это от меня, потому что король не может сказать этого сам.

– Благодарю, государь, благодарю, сказал герцог, – но поверьте, ваше величество, что не те больше всех вам преданы, которых вы чаще видите; я не говорю о г. де-Тревиле.

– А, герцог, вы слышали, что я сказал, тем лучше, сказал король, подходя к двери. А! это вы Тревиль, где же ваши мушкетеры; я сказал вам третьего дня, чтобы вы привели их ко мне, от чего же вы этого не исполнили?

– Они внизу, государь, и с вашего позволения, Шене позовет их сюда.

– Да, да, пусть они придут сейчас же; скоро восемь часов, а в девять я жду посетителя. Прощайте, герцог, а главное приходите. Войдите, де-Тревиль.

– Герцог поклонился и вышел. Когда он, отворил дверь, три мушкетера и д'Артаньян поднимались по лестнице.

– Подите, мои храбрецы, сказал король, мне нужно побранить вас.

Мушкетеры подошли, поклонились; д'Артаньян шел за ними.

– Как это, продолжал король, вы четверо в два дня уничтожили семерых гвардейцев кардинала. Это уж слишком, господа. Если так пойдет, то кардинал принужден будет каждые три недели возобновлять свою роту, и я должен буду поступать по всей строгости указов. Я не говорю, если бы случайно одного, но семерых в два дня; повторяю вам, это уже слишком.

– Поэтому, государь, они печальны и с раскаянием пришли просить ваше величество о прощении.

– Печальны и с раскаянием! Гм! сказал король, – я не очень доверяю лицемерной наружности, в особенности тут есть один гасконец. Подите-ка сюда.

Д'Артаньян, понимая, что эта любезность относилась к нему, подошел с отчаянием.

– Вы говорите, что это молодой человек? это дитя де-Тревиль, просто дитя! И это он нанес такой жестокий удар Жюссаку?

– И два прекрасные удары Бернажу.

– В самом деле?

– Не считая того, сказал Атос, что если бы он не освободил меня от

Бикара, я наверное не имел бы чести явиться сегодня к вашему величеству.

– Но ведь этот Беарнец настоящий демон, де-Тревиль! сказал он. При его ремесле камзолы беспрестанно рвутся и шпаги ломаются. А гасконцы ведь всегда бедны, не правда ли?

– Государь, я должен сказать, что в их горах еще не нашли золотых рудников, хотя природа должна бы была сделать это для них, в награду за усердие, с которым они поддерживали притязания короля, отца вашего.

– Т.-е. хотите сказать, что гасконцы сделали меня королем, не так ли Тревиль? потому что я сын отца моего. Да, я согласен. Ла-Шене, посмотрите, не найдется ли в моих карманах сорока пистолей; если найдете, принесите их мне. А между тем, молодой человек, расскажите все как было по совести.

Д'Артаньян рассказал со всеми подробностями все случившееся накануне: как он не мог спать от радости, что увидит его величество и потому пришел к друзьям своим тремя часами раньше аудиенции; как они пошли вместе в игорный дом, как Бернажу осмеял его за то, что он боялся, чтобы мяч не попал ему в лицо, и как наконец Бернажу чуть не заплатил за эту насмешку жизнью, а ла-Тремуть своим домом, хотя ни в чем тут не был виноват.

– Это хорошо, сказал король, герцог рассказывал мне точно также. Бедный кардинал! семь человек в два дня и из самых любимых; но этого довольно, господа, слышите! довольно, вы отомстили за улицу Феру и слишком, вы должны быть довольны.

– Если ваше величество довольны, сказал де-Тревиль, то и мы также.

– Да, я доволен, сказал король, и принимая из рук Шене горсть золота, положил в руку д'Артаньяна. Вот доказательство, что я доволен, сказал он.

Тогда гордость нынешнего времени еще не была в моде. Дворянин брал деньги из рук короля, нисколько не оскорбляясь этим. Поэтому д'Артаньян без церемоний положил в карман сорок пистолей и поблагодарил его величество.

– Теперь уже половина девятого, сказал король, посмотрев на часы, ступайте, я вам сказал, что ожидаю посетителя в девять часов. Благодарю вас за преданность. Ведь я могу на вас рассчитывать, господа, не правда ли?

– Государь, сказали в один голос все четыре товарища, мы позволим изрубить себя в куски за ваше величество.

– Хорошо, хорошо, но оставайтесь целы, это лучше, и вы будете мне полезнее. Де-Тревиль, прибавил король вполголоса, между тем как они уходили, так как у вас в мушкетерском полку нет вакансии, и как мы

решили, что нужно быть сперва учеником, чтобы поступить в этот полк, то поместите этого молодого человека и роту гвардейцев Дезессара, вашего зятя. Ах! де-Тревиль, я воображаю, какую гримасу сделает кардинал: он взбесится, но мне все равно, я прав.

И король сделал рукой знак де-Тревилью, который вышел и догнал мушкетеров, разделявших с д'Артаньяном сорок пистолей.

А кардинал, как сказал его величество, был действительно взбешен, до того взбешен что восемь дней не являлся для игры с королем, что впрочем не мешало королю при встрече спрашивать его с самой любезною миной и ласковым голосом:

– Ну что, кардинал, как поживают ваши бедные Бернажу и Жюссак?

VII. Домашняя жизнь мушкетеров

По выходе из Лувра, д'Артаньян советовался с своими друзьями, как ему употребить свою часть из сорока пистолей; Атос советовал ему заказать хороший обед в Помм-де-Пен, Портос – нанять слугу, а Арамис – найти приличную любовницу.

Обед был заказан в тот же день и слуга служил у стола. Обед был заказан Атосом, слуга найден Портосом. Это был Пикардиец, которого славный мушкетер нашел для этого случая в тот же день, на мосту ла-Турнель, в то время, как он плевал в воду, и любовался происходившими от того на ней кругами. Портос утверждал, что это занятие служило доказательством рассудительного и наблюдательного ума и взял его без всякой другой рекомендации. Величественный вид Портоса прельстил Планше, так звали пикардийца, который полагал, что нанят для этого дворянина; он немного разочаровался, когда узнал, что это место занято уже собратом его, по имени Мускетом, и когда Портос объявил ему, что его хозяйство, хотя и большое, не позволяло ему иметь двух слуг, и что ему придется служить д'Артаньяну. Впрочем, когда он прислуживал за обедом, данным его господином, и видел, как он вынул горсть золота для расплаты, то полагал уже, что будет счастлив, и благодарил небо за то, что попал к такому Крезу; он оставался при этом мнении до окончания пиршества, остатками которого вознаградил себя за долгое воздержание. Но мечты Планше разлетелись вечером, когда он делал барину постель. Квартира состояла только из передней и спальни, в которой была одна кровать. Планше лег в передней на одеяле, снятом с постели д'Артаньяна, который с тех пор обходился уже без одеяла, Атос также имел слугу, которого звали Гримо и которого он приучил служить себе совершенно особенным образом. Этот достойный господин был очень молчалив. Разумеется, мы говорим об Атосе. В продолжение пяти или шестилетней самой искренней дружбы с ним Портос и Арамис часто видели, что он улыбался, но никогда не слышали, чтоб он смеялся громко. Слова его были кратки и выразительны, без всяких прикрас. Разговор его заключал в себе только дело, без всяких эпизодов.

Хотя Атосу было не больше тридцати лет, и хотя он был красив собой и умен, но у него никогда не было любовницы. Он никогда не говорил о женщинах. Впрочем, он не мешал другим говорить о них при себе, хотя заметно было, что ему был очень неприятен подобный разговор, в который

он вмешивался только для того, чтобы сказать какое-нибудь язвительное слово или мизантропический взгляд. Его скромность, дикость и неразговорчивость делали его почти стариком. Чтобы не изменять своим привычкам, он приучил Гримо повиноваться его простому жесту или одному движению губ. Он говорил с ним только в особенных случаях.

Гримо, боявшийся своего господина как огня, имел большую привязанность к нему и уважение к его уму. Иногда ему казалось, что он понял желание своего господина и он бросался для исполнения его приказания, но делал совершенно противное. Тогда Атос пожимал плечами и, не сердясь, колотил Гримо. В эти дни он говорил немного.

Портос был характера совершенно противоположного; он говорил не только много, но и громко, впрочем, ему было все равно, слушают его или нет; ему доставляло удовольствие говорить; он говорил обо всем, кроме наук, ссылаясь в этом случае на вкоренившуюся в нем с детства ненависть к ученым. С виду он не был так важен как Атос, и сознание превосходства Атоса в этом отношении, в начале их дружбы, часто делало его несправедливым к этому дворянину, которого он старался превзойти великолепием своего туалета, но в простом мундире мушкетера, только уменьем закидывать назад голову и выставить ногу, Атос всегда занимал первое место, которое ему следовало, и ставил напыщенного Портоса на втором плане.

Портос утешался тем, что в передней де-Тревиля и в караульнях Лувра постоянно рассказывал о своих любовных успехах. Атос же никогда об этом не говорил.

Есть старая поговорка: каков господин, таков и слуга. Перейдем же от слуги Атоса к слуге Портоса, от Гримо к Мускетону.

Мускетон был Нормандец: его барин переименовал его простое имя Бонифаса на Мускетона, которое казалось ему гораздо звучнее. Он поступил к Портосу с тем условием, чтобы только иметь квартиру и платье от господина, но чтоб это было великолепно, и требовал только два часа в день для промышленности, которая должна была удовлетворять остальным его нуждам. Портос согласился; это ему очень нравилось; он отдавал переделывать на камзолы для Мускетона свои старые кафтаны и запасные плащи и благодаря очень искусному портному, который выворачивая его платья, переделывал их заново, и жена которого была подозреваема в желании заставить Портоса отступить от аристократических привычек, Мускетон был всегда хорошо одет.

Что касается до Арамиса, то характер его мы уже достаточно описали и притом будем иметь случай следить за дальнейшим его развитием. Слугу

его звали Базен.

Так как господин его надеялся со временем поступить в монахи, то он был одет всегда в черное, как прилично слуге духовного лица. Он был Берриец, 35 или 40 лет, скромный, спокойный, жирный, в свободное время занимался чтением благочестивых книг, и готовил обед аккуратно на двоих, из немногих блюд, но превосходный. Впрочем он был нем, слеп, глух и чрезвычайно верен.

Теперь, когда мы знаем хотя поверхностно господ и слуг, перейдем к описанию жилищ каждого из них.

Атос жил в улице Феру, в двух шагах от Люксембурга; его квартира состояла из двух маленьких комнат, очень порядочно меблированных на счет хозяйки дома, которая была еще молода и очень красива, но безуспешно строила ему глазки. На стенах этого скромного жилища кое-где видны еще были остатки прежнего великолепия; например, шпага дамаской стали, принадлежавшая, судя по форме ее, временам Франциска II-го; одна рукоятка ее, покрытая драгоценными камнями, стоила не меньше двухсот пистолей; но Атос никогда не соглашался заложить ее, или продать даже в самые несчастные минуты. Эта шпага сильно привлекала внимание Портоса. Он отдал бы за нее десять лет жизни.

Однажды отравляясь на свидание с какой-то герцогиней, он хотел занять ее у Атоса. Атос, не говоря ни слова, выбрал все из своих карманов, собрал все свои драгоценности, кошельки, аксельбанты и золотые цепочки и предложил все это Портосу; но шпага, сказал он, была припечатана к месту и могла быть снята с своего места только в том случае, если бы хозяин ее переменил квартиру. Кроме шпаги был еще один портрет вельможи времен Генриха III в самом изящном костюме, с орденом Св. Духа. Атос имел некоторое фамильное сходство с этим портретом, из чего видно было, что этот вельможа, кавалер орденов, был его предком.

Наконец ящик с великолепною позолотой и с таким же гербом, какой был на шпаге и портрете стоял на камине, составляя резкую противоположность с остальным убранством. Ключ от этого ящика Атос всегда носил с собой. Однажды он открывал этот ящик при Портосе; и Портос мог удостовериться, что в нем были только письма и бумаги; письма, вероятно любовные, а бумаги фамильные.

Портос занимал очень большую и, как надо было полагать по наружности, великолепную квартиру в улице Старой Голубятни. Каждый раз, когда он проходил с кем-нибудь из друзей мимо своих окон, он поднимал голову и говорил: вот мое жилище! Но его никогда не заставляли дома; он никого не принимал к себе и никто не знал, какие богатства

заклучала в себе эта по-видимому великолепная квартира.

Арамис жил в маленькой квартире, состоявшей из будуара, столовой и спальни, в нижнем этаже; спальня его выходила окнами в маленький сад, свежий, зеленый, тенистый и не проницаемый для глаз соседей.

О квартире д'Артаньяна и о слуге его Планше мы уже говорили прежде. Д'Артаньян, любопытный от природы, как все люди, способные к интригам, употреблял все старания, чтоб узнать, кто таковы были на самом деле Атос, Портос и Арамис; под этими военными именами каждый из них скрывал дворянское имя, в особенности Атос, в котором издали можно было узнать аристократа. Он обратился к Портосу, чтобы получить сведения об Атосе и Арамисе и к Арамису, чтобы узнать о Портосе.

К несчастью, Портос ничего не знал о жизни своего молчаливого товарища, кроме того, что всем было известно. Говорили, что он был очень несчастлив в любви и что ужасная измена отравила навсегда жизнь его. Но никто не знал, в чем состояла эта измена.

Что касается до Портоса, то в жизни его не было ничего таинственного, кроме настоящего имени его, которое известно было только де-Тревилю, так же как и имена его двух товарищей. Тщеславный и нескромный, он любил говорить о себе. Но наблюдатель был бы в большом заблуждении, если б верил всему, что он рассказывал о себе хорошего.

Арамис, по-видимому не имевший никаких тайн, был в самом деле человек самый таинственный. Он мало отвечал на расспросы о других и избегал ответов, когда речь шла о нем самом. Однажды д'Артаньян, долго разговаривая с ним о Портосе, и узнав от него, что носился слух о приятных отношениях этого мушкетера с одною княгиней, вздумал узнать что-нибудь о любовных похождениях своего собеседника.

— А вы, любезный товарищ, сказал он, — что же вы рассказываете только о чужих баронессах, княгинях и графинях.

— Извините, сказал Арамис, — я говорил об этом только потому, что Портос сам о том рассказывает; он говорил во всеуслышание обо всех этих вещах при мне. Но поверьте мне, любезный д'Артаньян, если б я знал об этом из другого источника, или если б он сказал мне это по секрету, то я сохранил бы его тайну как самый скромный исповедник.

— Я в этом не сомневаюсь, отвечал д'Артаньян, — но мне кажется, что вы сами коротко знакомы с гербами; доказательством служит вышитый платок, которому я обязан честью быть знакомым с вами.

На этот раз Арамис не рассердился, но с самым скромным видом отвечал дружески:

— Не забывайте, любезный друг, что я хочу служить Церкви и избегаю

всех светских приключений. Платок, который вы у меня видели, не был вверен мне, но один из друзей моих забыл его у меня. Я должен был взять его, чтобы не скомпрометировать ни его, ни даму, которую он любил. Я же не имею и не хочу иметь любовницы, следуя в этом примеру рассудительного Атоса.

– Черт возьми, но ведь вы не аббат, потому что вы мушкетер.

– Мушкетер только на время, любезный друг, как говорит кардинал, мушкетер против желания; но, поверьте мне, по душе, я принадлежу к духовному званию. Атос и Портос втолкнули меня в мушкетеры, чтобы чем-нибудь занять меня; в то время когда мне следовало быть посвященным в духовный сан, встретилось маленькое затруднение... Но это вас нисколько не занимает, я отнимаю у вас драгоценное время.

– Нисколько, это меня очень занимает, сказал д'Артаньян, – и мне теперь решительно нечего делать.

– Но мне нужно прочитать служебник, потом сочинить стихи для г-жи д'Егильон, потом нужно сходить в улицу С. Оноре, купить румян для г-жи де-Лиеврёз, следовательно, если вы не заняты, то вы видите, любезный друг, что я очень занят.

И Арамис дружески протянул руку своему молодому товарищу и простился с ним.

Д'Артаньян, не смотря на все старания свои, не мог ничего более узнать о трех новых друзьях. Он решился верить в настоящее время всему, что говорили о их прошедшем, надеясь в будущем узнать что-нибудь вернее и подробнее.

Покуда он смотрел на Атоса как на Ахиллеса, на Портоса как на Аякса и на Арамиса как на Иосифа.

Жизнь четверых молодых людей шла весело. Атос играл и всегда несчастливо. Впрочем он никогда не занимал ни гроша у друзей своих, хотя его кошелек был всегда к их услугам; и когда случалось ему играть на слово, он всегда будил своего кредитора в шесть часов утра, чтобы заплатить ему долг, сделанный накануне.

С Портосом случались припадки восторга: в подобные дни, если он выигрывал, то делался надменным и щедрым, если же проигрывал, то пропадал совершенно на несколько дней, по прошествии которых являлся снова с бледным и вытянутым лицом, но с деньгами в кармане.

Арамис не играл никогда. Он был самый дурной мушкетер и самый неприятный гость на пиру. Он всегда был занят делом. Иногда посреди обеда, когда все, увлеченные вином, и в жару разговора, располагали оставаться еще часа три за столом, Арамис смотрел на часы, вставал с

приятною улыбкой и прощался с обществом, чтобы идти посоветоваться как говорил он, с одним богословом, с которым у него назначено свидание. Иногда он возвращался домой писать какое-нибудь сочинение, и просил друзей не развлекать его.

Между тем Атос улыбался тою прекрасною меланхолическою улыбкой, которая так шла к его благородному лицу, а Портос пил, уверяя, что Арамис никогда не был бы больше как приходским сельским священником.

Планше, слуга д'Артаньяна, в счастливое время вел себя очень хорошо; он получал 30 су в день и в продолжение месяца всегда возвращался домой веселый как зяблик, и был вежлив с своим господином. Но когда счастливые дни в улице Могильщиков миновались, то есть, когда сорок пистолей короля Людовика XIII были почти истрачены, Планше начал жаловаться.

Атос находил эти жалобы отвратительными, Портос непристойными, а Арамис смешными. И потому Атос советовал д'Артаньяну отпустить негодяя, Портос хотел, чтобы его прежде поколотили, а Арамис говорил, что господин не должен слушать, когда слуга говорит о нем что-нибудь дурное.

— Хорошо вам говорить, сказал д'Артаньян, потому что вы, Атос, живете с Гримо как с немым; вы запрещаете ему говорить и потому не услышите от него худого слова; вы, Портос, ведете роскошную жизнь и Мускетон смотрит на вас как на божество; наконец вы, Арамис, всегда заняты изучением богословия и внушаете глубокое уважение слуге вашему Базену, человеку кроткому и набожному; но я, не имея прочного места и без средств к жизни, не мушкетер и даже не гвардеец, чем могу я внушить Планше расположение, страх или уважение?

— Дело важное, отвечали три друга; это относится к хозяйству; слуги как женщины; надобно поставить их сначала в такое положение, в котором они должны быть. Подумайте об этом.

Д'Артаньян подумал и решился предварительно наказать Планше, что и было исполнено им так же добросовестно как он поступал во всем; потом, поколотив его как следует, он запретил ему оставлять службу без его позволения, потому что, прибавил он, будущность моя наверное переменится: я ожидаю вскоре лучших обстоятельств. Итак, твое счастье обеспечено, если ты остаешься при мне, а я слишком добрый господин, чтобы лишить тебя хорошей будущности, уволив тебя теперь по твоей просьбе.

Такой образ действий заслужил уважение мушкетеров к

распорядительности д'Артаньяна. Планше удовольствовался и не говорил больше об увольнении.

Четверо молодых людей жили дружно. Д'Артаньян, не имевший никаких привычек, потому что приехал из провинции и попал в мир для него совершенно новый, подражал во всем своим друзьям.

Они вставали зимой около 8 часов, летом в шесть и отправлялись за приказаниями и как будто за делом к де-Тревилю. Хотя д'Артаньян не был мушкетером, но исполнял службу с удивительною точностью; он был всегда для компании с тем из трех друзей своих, который был на очереди в карауле. Его все знали в отеле мушкетеров и все считали хорошим товарищем. Де-Тревиль, оценивший его с первого взгляда, и истинно к нему расположенный, не переставал хвалить его королю.

Три мушкетера, с своей стороны, также очень полюбили своего молодого товарища. Дружба, соединявшая всех четырех, потребность видаться три или четыре раза в день, то для дуэли, то по делам, или для удовольствия заставляла их беспрестанно бегать друг за другом как тени. Если встречали кого-нибудь из них по дороге от Люксембурга до площади Св. Сюльпиция, или от улицы Старой Голубятни до Люксембурга, то наверное они искали один другого.

Между тем обещания де-Тревиля шли своим чередом. Однажды король приказал Дезессару принять д'Артаньяна младшим в его роту гвардейцев. Д'Артаньян, вздыхая, надел мундир; он отдал бы десять лет жизни, чтобы променять его на мушкетерский. Но де-Тревиль обещал ему эту милость после двухлетнего испытания, которое могло быть сокращено, если бы д'Артаньяну представился случай оказать какую-нибудь услугу королю, или отличиться каким-нибудь блестящим делом. Д'Артаньян удалился с этим обещанием и на другой же день начал службу.

Тогда Атос, Портос и Арамис в свою очередь, ходили на караул вместе с д'Артаньяном, когда он был дежурным, так что рота Дезессара увеличилась четырьмя человеками, вместо одного, в тот день, когда поступил в нее д'Артаньян.

VIII. Придворная интрига

Между тем сорок пистолей короля Людовика XIII, как и все на свете, имели свой конец, и когда они пришли к концу, четыре товарища попали в затруднительное положение. Сперва Атос поддерживал несколько времени всю компанию на собственные деньги. Потом Портос, как обыкновенно бывало в таких случаях, исчез на несколько времени, и после того в продолжение еще двух недель снабжал их во всех нуждах; наконец настала очередь Арамиса, который принес жертву очень любезно и добыл несколько пистолей посредством продажи своих богословских книг, как говорил он.

Тогда, по обыкновению прибегнули к де-Тревилью, который дал несколько вперед в счет жалованья; по этого не надолго стало троим мушкетерам, наделавшим уже много долгов, и гвардейцу, который их еще не имел.

Наконец, когда они видели, что ничего уже больше не оставалось, то последними усилиями собрали восемь или десять пистолей, на которые Портос пошел играть. К несчастью он проиграл все и еще кроме того двадцать пять пистолей на слово.

Тогда затруднительное положение обратилось в самое печальное; голодные, в сопровождении слуг своих, они бегали по набережным и казармам, отыскивая, где можно пообедать у кого-нибудь из посторонних друзей, потому что, по мнению Арамиса, следовало в хорошие времена угощать обедом всех, кого попало, чтобы в несчастных случаях можно было самим где-нибудь попользоваться обедом.

Атос был приглашен на обеды четыре раза и каждый раз приводил с собою друзей своих со слугами их. Портос получил шесть таких приглашений, Арамис восемь – и каждый раз они отправлялись все вместе. Арамис, как из этого видно, мало говорил, но много делал. Что касается до д'Артаньяна, то, не будучи еще ни с кем знаком в столице, он нашел только один завтрак, состоявший из шоколада у одного священника из своей провинции и один обед у гвардейского корнета. Он привел всю ватагу к священнику, у которого они съели двухмесячный запас и к корнету, угостившему их на славу; но Планше говорил, что все-таки ели только раз в день, хотя и много ели.

Д'Артаньян был очень огорчен тем, что в замен великолепных угощений, предложенных ему Атосом, Портосом и Арамисом, он мог

предложить товарищам только полтора обеда, потому что завтрак у священника можно было считать только в половину обеда. Он считал себя в тягость компании, забывая, по своей ребяческой доброте, что он кормил всех в продолжение целого месяца, и ум его начал деятельно работать. Он думал, что союз четырех людей молодых, храбрых, предприимчивых и деятельных, должен был иметь другую цель, кроме веселых прогулок, уроков фехтования и колкостей, более или менее умных.

Действительно, четверо таких людей, преданные друг другу, готовые жертвовать один для другого не только кошельком, но и жизнью, храбрые, должны были неизбежно какими бы то ни было средствами достигнуть предположенной ими цели. Одно только удивляло д'Артаньяна, каким образом друзья его об этом до сих пор не подумали.

Он думал об этом серьезно, ломал себе голову, как бы дать направление соединенной силе их, посредством которой, по его мнению, можно было бы как рычагом Архимеда, перевернуть весь свет, как вдруг раздался тихий стук в дверь. Д'Артаньян разбудил Планше и велел ему отпереть.

Из того, что мы сказали, что д'Артаньян разбудил Планше, не следует заключать, что это было ночью или рано утром. Нет! только что пробило четыре часа. Планше, два часа тому назад, приходил просить у барина обеда, на что тот отвечал ему поговоркой: кто спит, тот обедает. И Планше обедал во сне.

Вошел человек, наружности самой обыкновенной, что-то вроде мещанина. Планше, вместо десерта, хотел послушать их разговор, но мещанин объявил д'Артаньяну, что хочет сказать ему нечто важное и секретное и потому желает остаться с ним наедине.

Д'Артаньян выслал Планше и предложил посетителю сесть.

Последовала минута молчания, во время которой они оба смотрели друг на друга, как будто для того, чтобы сделать предварительное знакомство, после чего д'Артаньян поклонился в знак того, что он слушает.

— Я слышал о г. д'Артаньяне, как о человеке храбром, сказал мещанин, и эта репутация, кокорой он по справедливости пользуется, побудила меня доверить ему тайну.

— Говорите, милостивый государь, сказал д'Артаньян, который по инстинкту угадывал, что дело будет для него выгодное.

Гость, после непродолжительного молчания, продолжал:

— Жена моя служит прачкой у королевы, она не глупа и не дурна. Ее выдали за меня назад тому скоро три года; хотя имущество ее было невелико, но г. ла-Порт, хранитель гардероба королевы, ей крестный отец и

покровительствует ей.

– Что же дальше? сказал д'Артаньян.

– А то, что жену мою похитили вчера утром, когда она выходила из своей рабочей комнаты, продолжал мещанин.

– Кто же похитил жену вашу?

– Наверно не знаю, но подозреваю...

– Кого же вы подозреваете?

– Одного человека, который давно ее преследовал.

– Черт возьми!

– Но если вам угодно знать, я вам скажу, продолжал мещанин, что я уверен, что это сделано больше по политическим расчетам, чем по любви.

– Больше по политическому расчету, чем по любви, сказал д'Артаньян, задумавшись, кого же вы подозреваете?

– Не знаю, сказать ли вам, что я подозреваю...

– Я вам замечу, милостивый государь, что я вас решительно ни о чем не спрашиваю. Вы сами пришли ко мне. Вы сказали, что хотите доверить мне тайну. Делайте, как вам угодно, если вы сомневаетесь, то еще можно уйти.

– Нет, мне кажется, что вы честный молодой человек, и я в вас не сомневаюсь. Я думаю, что жену мою арестовали не по ее любовным делам, но по делам другой дамы, поважнее ее.

– А! уж не за любовь ли г-жи де Боа-Траси, сказал д'Артаньян, который хотел показать перед мещанином, что ему известны придворные дела.

– Выше, выше, милостивый государь.

– Г-жи д'Егильон?

– Еще выше.

– Г-жи де-Шеврёз?

– Выше еще, гораздо выше.

Д'Артаньян остановился.

– Да, отвечал с испугу мещанин так тихо, что едва можно было слышать.

– А с кем?

– С кем же может быть, если не с герцогом...

– С герцогом...

– Да, милостивый государь! отвечал мещанин еще тише.

– Но как вы все это узнали?

– Как я узнал?

– Да, как вы узнали. Говорите все, иначе... вы понимаете.

- Я узнал от жены моей, от самой жены моей.
- А она от кого узнала об этом?
- От г. де-ла-Порта; я вам сказал, что она его крестница, а он в большой доверенности у королевы. Ла-Порт определил ее к ее величеству для того, чтобы наша бедная королева, покинутая королем, окруженная шпионами кардинала и изменниками, имела по крайней мере человека, которому она могла бы ввериться.
- А! вот теперь дело объясняется, сказал д'Артаньян.
- Жена моя поступила к ней только 4 дня тому назад; одно из условий состояло в том, чтобы она могла ходить ко мне два раза в неделю, потому что, как я уже имел честь сказать вам, жена меня очень любит; так она пришла ко мне и сказала по секрету, что королева теперь в большом страхе.
- В самом деле?
- Да. Кардинал, как кажется, преследует ее и притесняет больше чем когда-нибудь. Он не может простить ей истории с сарабандой. Вы знаете эту историю?
- Конечно, отвечал д'Артаньян, который ничего не знал, но не хотел показать этого.
- Так что теперь это уже не ненависть, а мщение.
- В самом деле?
- И королева думает...
- Ну, что же думает королева?
- Она думает, что герцогу Бокингему писали от ее имени.
- От имени королевы?
- Да, чтобы заставить его приехать в Париж, и когда он приедет, то поймать его в какую-нибудь западню.
- Черт возьми; но, любезный, как же замешана в этом деле ваша жена?
- Ее преданность королеве известна, и хотят или удалить ее от королевы, или напугать, чтобы узнать тайны ее величества, или соблазнить ее, чтобы сделать из нее шпиона.
- Это очень вероятно, отвечал д'Артаньян: – но знаете ли вы того, кто похитил ее?
- Я вам сказал, что, кажется, я его знаю.
- Как его зовут?
- Этого я не знаю. Я знаю только одно, что это человек преданный кардиналу.
- Но вы его видели?
- Да, жена показывала мне его один раз.
- Нет ли какой приметы, по которой можно бы узнать его?

– О, конечно! это господин с важным видом, у него волосы черные, смуглый цвет лица, пронизательный взгляд, белые зубы и рубец на виске.

– Рубец на виске! сказал д'Артаньян и при этом белые зубы, пронизательный взгляд, смуглый цвет лица, черные волосы и важный вид, это тот человек, которого я видел в Мёнге.

– Вы говорите, что видели его?

– Да, да, но это ничего не значит. Или ошибаюсь, это напротив много значит; если это тот самый, то я одним разом отмщу ему за всё, но где найти этого человека?

– Не знаю.

– Мы не имеем никаких сведений о его квартире?

– Никаких, однажды, когда я провожал жену в Лувр, он выходил оттуда, и она показала мне его.

– Черт возьми! шептал д'Артаньян, – все это очень неопределенно; от кого вы узнали о похищении жены вашей?

– От де-ла-Порта.

– Рассказывал он вам какие-нибудь подробности?

– Он сам их не знал.

– И вы ниоткуда больше ничего не узнали?

– О, да, я получил...

– Что?

– Но и не знаю, не будет ли это с моей стороны величайшей неосторожностью?

– Вы опять за старое; но на этот раз я замечу вам, что теперь уже поздно отступать.

– Я и не отступаю, черт возьми, сказал мещанин, ругаясь, чтобы придать себе бодрости. – Впрочем клянусь именем Бонасиё.

– Вас зовут Бонасиё? сказал д'Артаньян;

– Да.

– Вы Бонасиё, извините, что я прервал вас, но мне показалось, что это имя мне знакомо.

– Это очень может быть. Я хозяин этого дома.

– А! сказал д'Артаньян, привстав до половины и кланяясь ему, – так вы хозяин дома?

– Да. И так как вы живете у меня уже три месяца, и как вы, конечно, по рассеянности, по причине ваших занятий, забыли заплатить мне за квартиру и я не надоедал вам ни разу, то я полагаю, что вы оцените мою деликатность.

– Как же, любезный Бонасиё, отвечал д'Артаньян, – поверьте, что я

весьма благодарен вам за такую любезность и если могу быть чем-нибудь вам полезен...

– Я совершенно верю вам, и только хотел вам сказать, что имею полное доверие к вам.

– Так оканчивайте же, что вы начали мне рассказывать!

Мещанин вынул из кармана бумагу и подал ее д'Артаньяну.

– Письмо! сказал д'Артаньян.

– Которое я получил сегодня утром.

Д'Артаньян развернул его, и как уже темнело, то он подошел к окну. Мещанин последовал за ним.

«Не ищите жены вашей, читал д'Артаньян, она будет возвращена вам, когда в ней не будет больше надобности. Если вы сделаете какую-нибудь попытку найти её, вы пропали».

– Это довольно решительно, сказал д'Артаньян; – но это не больше как угроза.

– Да, но эта угроза пугает меня; я совсем не умею владеть шпагой и боюсь Бастилии.

– Гм! сказал д'Артаньян, – я тоже не хотел бы быть в Бастилии. Если бы дело заключалось только в том, чтобы подраться на шпагах, это бы еще ничего.

– Но я много рассчитывал на вас в этом случае.

– В самом деле?

– Видя, что вас часто посещают мушкетеры, такой прекрасной наружности, и зная, что это мушкетеры де-Тревиля, следовательно враги кардинала, я думал, что вы и друзья ваши, для пользы нашей бедной королевы, будете рады сделать неприятность кардиналу.

– Без сомнения.

– Притом же я думал, что так как вы должны мне за три месяца за квартиру...

– Да, да, вы уже говорили мне об этом, и я нахожу, что эта причина очень достаточная.

– Кроме того предполагая, во все время, пока вам угодно будет делать мне честь жить у меня, никогда не напоминать вам о квартирных деньгах...

– Очень хорошо.

– И прибавьте к этому, что я рассчитывал предложить вам пятьдесят пистолей, если бы, сверх ожидания, вы находились в затруднительном положении в настоящее время.

– Прекрасно, так вы богаты, любезный Бонасиё?

– Живу без нужды; я нажил тысячи две или три экю дохода от

торговли в лавочке и в особенности от того, что взял несколько фондов последнего путешествия известного мореплавателя Жана Моке; так что, вы понимаете... Ах! вскричал мещанин.

– Что? спросил д'Артаньян.

– Что я там вижу!

– Где?

– На улице, против ваших окошек, в амбразуре ворот стоит человек, в плаще.

– Это он! сказали д'Артаньян и мещанин: они оба узнали этого человека.

– А, в этот раз он не уйдет от меня! сказал д'Артаньян, бросаясь за шпагой.

Вынув шпагу из ножен, он бросился вон из комнаты.

На лестнице он встретил Атоса и Портоса, шедших к нему.

Они посторонились, д'Артаньян проскочил между ними как стрела.

– Куда ты так бежишь? закричали оба мушкетера вдруг.

– Незнакомец из Мёнга, отвечал д'Артаньян и исчез.

Д'Артаньян неоднократно уже рассказывал друзьям своим о приключении с незнакомцем и о появлении прекрасной путешественницы, которой этот человек, казалось, доверил важное поручение.

Атос полагал, что д'Артаньян потерял свое письмо во время драки. Он утверждал, что дворянин не может быть способен на такую низость, чтобы украсть письмо, а по описанию д'Артаньяна, незнакомец был никто иной как дворянин.

Портос видел во всем этом только любовное свидание, назначенное дамой кавалеру или наоборот, и полагал, что этому свиданию помешало присутствие д'Артаньяна и его желтой лошади.

Арамис сказал, что это дело таинственное и лучше не углубляться в него.

Итак они поняли из нескольких слов д'Артаньяна в чем дело, и полагая, что, догонит он этого человека или нет, во всяком случае он придет домой, они продолжали свою дорогу.

Когда они вошли в комнату д'Артаньяна, она была пуста; хозяин дома, опасаясь за последствия встречи молодого человека с незнакомцем, из предосторожности, счел благоразумным удалиться.

IX. Д'Артаньян

Как предвидели Атос и Портос, д'Артаньян через полчаса возвратился. Он не нашел и в этот раз своего незнакомца, исчезнувшего как будто волшебством. Д'Артаньян обежал со шпагою в руке все окрестные улицы, но не нашел того, кого искал; тогда ему пришло в голову попробовать то, с чего бы, может быть, следовало начать, – постучаться в ворота, подле которых стоял незнакомец; но он напрасно ударил десять или двенадцать раз молотком, никто не отвечал, и соседи, привлеченные шумом за воротами или к окошкам, уверяли его, что этот дом уже полгода как не обитаем и что все двери его заколочены.

Между тем как д'Артаньян бегал по улицам и стучался в ворота, Арамис присоединился к своим товарищам, так что когда д'Артаньян возвратился домой, то он нашел у себя всех трех друзей.

– Ну что? сказали вместе все три мушкетера, увидев д'Артаньяна, вспотевшего от усталости и с выражением досады на лице.

– Да что? сказал он, бросая шпагу на постель: – это не человек, а дьявол; он исчез как привидение.

– Вы верите в привидения? спросил Атос Портоса.

– Я верю только тому, что вижу; но как я никогда не видал привидений, то и не верю в существование их.

– Библия приказывает нам верить в них, сказал Арамис, – тень Самуила являлась Саулу и мне было бы жаль, если б вы не верили этому, Портос.

– Во всяком случае, человек он или черт, тело или тень, мечта или действительность, этот человек рожден на мое мученье, потому что его бегство лишило нас прекрасного дела, господя, такого дела, от которого можно бы выиграть сто пистолей, а может быть и больше.

– И как это? сказали Портос и Арамис вместе.

Атос, верный своей системе молчания, удовольствовался вопросительным взглядом на д'Артаньяна.

– Планше, сказал д'Артаньян своему слуге, высунувшему в эту минуту голову в отворенную дверь, чтобы подслушать что-нибудь из разговора их, – поди к хозяину дома, Бонасиё, и скажи ему, чтобы он прислал нам полдюжины бутылок вина Божанси, я предпочитаю это вино другим винам.

– А! так вы пользуетесь открытым кредитом хозяина? спросил Портос.

– Да, с сегодняшнего дня, отвечал д'Артаньян, – и будьте уверены, что

если его вино не хорошо, мы заставим его послать за другим.

– Должно пользоваться, но не употреблять во зло, сказал в виде наставленья Арамис.

– Я всегда говорил, что д'Артаньян умнее всех нас, сказал Атос, и высказав это мнение, на которое д'Артаньян отвечал поклоном, снова впал в обычное молчание.

– Но скажите, в чем же дело? спросил Портос.

– Да, сказал Арамис, – расскажите же, любезный друг, если только в этом деле не замешана честь какой-нибудь женщины; в противном случае лучше сохраните свою тайну.

– Будьте спокойны, отвечал д'Артаньян, ничья честь не пострадает от того, что я вам скажу.

И он рассказал своим друзьям от слова до слова все, что было между ним и его хозяином, прибавив, что человек, похитивший жену достойного владельца дома, был тот самый незнакомец, с которым он встретился в гостинице Франк-Мёнье.

– Ваше дело не дурно, сказал Атос и, попробовав вина с видом знатока, кивнул головой в знак одобрения; – и с вашего хозяина можно будет получить пятьдесят или шестьдесят пистолей. Только теперь следует подумать, стоят ли пятьдесят или шестьдесят пистолей того, чтобы рисковать четырьмя головами.

– Но не забывайте, сказал д'Артаньян, – что в этом деле замешана женщина, похищенная женщина, которой без сомнения угрожают, может быть, мучат ее, и все это за то, что она верна своей госпоже.

– Берегитесь д'Артаньян, сказал Арамис: – мне кажется, что вы принимаете слишком горячее участие в жене Бонасиё. Женщина создана для нашей гибели и от нее произошли все наши бедствия.

При этом изречении Арамиса, Атос нахмурил брови и укусил губы.

– Я беспокоюсь совсем не о жене Бонасиё, сказал д'Артаньян, – но о королеве, которая покинута королем, преследуема кардиналом и видит, как падают одна за другою головы ее друзей.

– Зачем же она любит тех, кого мы ненавидим больше всего на свете: испанцев и англичан?

– Испания ее отечество, сказал д'Артаньян, – и потому очень естественно, что она любит испанцев, детей своей родины. Что же касается до второго упрека вашего, то я слышал, что она любит не англичан, а одного англичанина.

– Право, сказал Атос: – надо сознаться, что этот Англичанин стоит того, чтобы его любили. Я никогда не видал другого такого молодца как он.

– Не считая того, что никто не одевается так, как он, сказал Портос. – Я был в Лувре в тот день, когда он рассыпал свой жемчуг, поднял две жемчужины и продал их по десяти пистолей за каждую. А ты знаешь его, Арамис?

– Также как вы, я был в числе тех, которые арестовали его в Амиенском саду, куда меня провел де-Пютанж, конюх королевы. Я был в это время в семинарии, и приключение это показалось мне жестоким для короля.

– Это не помешало бы мне, сказал д'Артаньян, – если б я знал, где находится герцог Бокингем, взять его за руку и привести к королеве, хотя бы только для того, чтобы взбесить кардинала, потому что наш настоящий, единственный и вечный враг – это кардинал, и если б мы могли найти средство сделать ему какую-нибудь чувствительную неприятность, признаюсь, я охотно рискнул бы головой.

– И лавочник сказал вам, д'Артаньян, что королева думает, будто Бокингема заставили приехать посредством ложного приглашения? спросил Атос.

– Она этого опасается.

– Подождите же, сказал Арамис.

– Чего? спросил Портос.

– Продолжайте, я стараюсь припомнить обстоятельства.

– И теперь я убежден, сказал д'Артаньян. – что похищение этой женщины, преданной королеве, имеет связь с происшествиями, о которых мы говорим, а может быть, и с присутствием Бокингема в Париже.

– Сколько соображения у этого гасконца, сказал Портос с восхищением.

– Я очень люблю его слушать, выговор его забавляет меня, сказал Атос.

– Господа, выслушайте меня, сказал Арамис.

– Мы слушаем, сказали все трое.

– Вчера я был у одного ученого доктора богословия, с которым я иногда советуюсь в и. моих занятиях.

Атос улыбнулся.

– Он живет в отдаленном квартале, продолжал Арамис, – того требуют его привычки и занятия. В то время, когда я выходил от него... – Арамис остановился.

– Ну что же, спросили слушатели: – в то время, когда вы выходили от него?

Арамис как будто сделал усилие над самим собою, как человек,

приготовившийся лгать и остановленный непредвиденным препятствием; но глаза трех товарищей были устремлены на него, они наострили уши, не было возможности отступить.

– У этого доктора есть племянница, сказал Арамис.

– А! у него есть племянница! прервал Портос.

– Женщина достойная уважения, сказал Арамис.

Трое друзей засмеялись.

– А! если вы смеетесь и не верите, так и не узнаете ничего, сказал Арамис.

– Мы верим как магометане, и немые как катафалки, сказал Атос.

– Я продолжаю, сказал Арамис. – Эта племянница иногда приходит навестить дядю; вчера случилось, что она была там в одно время со мною и я должен был предложить свои услуги, чтобы проводить ее до кареты.

– А! у племянницы доктора есть своя карета! прервал Портос, который был очень невосдержан на словах; – прекрасное знакомство, друг мой.

– Портос, сказал Арамис, – я уже не раз замечал вам, что вы очень нескромны и что это вредит вам в мнении женщин.

– Господа, дело серьезное, сказал д'Артаньян, предвидевший сущность приключения, – постараемся же не шутить. Продолжайте, Арамис.

– Вдруг человек большого роста, смуглый, по-видимому, дворянин – в роде вашего незнакомца, д'Артаньян.

– Может быть, он самый, сказал д'Артаньян.

– Может быть, сказал Арамис... он подошел ко мне с 5 или 6 человеками, которые шли в десяти шагах за ним, и самым вежливым тоном сказал мне: «Г. Герцог и вы, мадам, продолжал он, обращаясь к даме, которую я вел под руку...

– К племяннице доктора?

– Замолчите же, Портос, вы несносны, сказал Атос.

– «Не угодно ли вам сесть в эту карету без всякого сопротивления и без шума».

– Он принял вас за Бокингема, сказал д'Артаньян.

– Я то же думаю, отвечал Арамис.

– Но даму? спросил Портос.

– Он принял её за королеву, отвечал д'Артаньян.

– Совершенно справедливо, отвечал Арамис.

– Этот гасконец дьявол! сказал Атос; – ничто не ускользнет от него.

– Дело в том, сказал Портос, – что Арамис ростом и фигурой похож на прекрасного герцога; но мне кажется, что одежда мушкетера...

- Я был в огромном плаще, сказал Арамис.
- Черт возьми, в июле месяце! Сказал Портос; – разве доктор боится, чтобы тебя не узнали?
- Понятно еще, что шпион мог ошибиться в росте, но лицо сказал Атос.
- На мне была большая шляпа, сказал Арамис.
- Боже мой! сколько предосторожностей, чтобы заниматься богословием, сказал Портос.
- Господа, сказал д'Артаньян, – не будем же тратить времени на шутки, разойдемся в разные стороны и пойдем искать жену лавочника; в этом ключ к интриге.
- Женщина такого низкого звания! неужели вы так думаете, д'Артаньян! сказал Портос с презрительной миной.
- Она крестница ла-Порта, доверенного слуги королевы. Разве я вам не говорил этого, господа? И притом, может быть, со стороны ее величества это расчет искать опоры в столь низком звании. Высокие головы видны издали, а у кардинала хорошее зрение.
- Если так, сказал Портос, – уговоритесь прежде с лавочником в цене и не берите с него дешево.
- Это бесполезно, сказал д'Артаньян, – я думаю, что если б он даже ничего не заплатил нам, то нам хорошо заплатят с другой стороны.
- В эту минуту раздался на лестнице шум ускоренных шагов, дверь отворилась с треском и несчастный лавочник бросился в комнату, где происходило совещание.
- Ах, господа! сказал он, – ради Бога, спасите меня. Там идут четверо, чтобы арестовать меня. Спасите! спасите!
- Портос и Арамис встали.
- Подождите, сказал д'Артаньян, делая им знак, чтобы они вложили полуобнаженные шпаги: – здесь нужно действовать не храбростью, а благоразумием.
- Однако, сказал Портос, мы не допустим...
- Предоставьте все д'Артаньяну, сказал Атос, – повторяю, он умнее всех нас и я с своей стороны объявляю, что я ему повинуюсь. Делай, как знаешь, д'Артаньян.
- В то время четыре гвардейца показались у дверей передней; но при виде четырех мушкетеров со шпагами, они не решались идти далее.
- Войдите, господа, сказал д'Артаньян, – вы здесь у меня, и мы все верные слуги короля и кардинала.
- В таком случае, господа, вы не будете препятствовать нам исполнить

полученные нами приказания, спросил тот, который был по-видимому начальником отряда.

– Напротив, господа, мы поможем вам в случае нужды.

– Что это он говорит? прошептал Портос.

– Ты глуп! молчи! сказал Атос.

– Но вы обещали мне... сказал потихоньку лавочник.

– Мы можем спасти вас только в таком случае, если сами останемся свободны, отвечал также тихо д'Артаньян – если же мы будем защищать вас, то нас арестуют вместе с вами.

– Но мне всё-таки кажется...

– Войдите, господа, сказал вслух д'Артаньян: – я не имею никакой причины защищать этого господина. Я видел его сегодня в первый раз и по какому еще случаю, он сам скажет вам; он приходил требовать с меня денег за квартиру. Не правда ли, Бонасиё? Отвечайте.

– Совершенная правда, сказал лавочник; но этот господин не сказал вам...

– Ни слова обо мне и о друзьях моих, в особенности о королеве, или вы погубите всех нас и не спасете себя. Ступайте, господа, уводите этого человека.

И д'Артаньян толкнул изумленного лавочника в руки гвардейцев, говоря ему:

– Вы бездельник, любезный друг, пришли за деньгами ко мне, мушкетеру! в тюрьму его! ведите его господа, и держите его под замком, как можно дольше, чтобы мне выиграть побольше времени для уплаты.

Солдаты рассыпались в благодарности и увели свою добычу.

Когда они спускались с лестницы, д'Артаньян ударил по плечу начальника их.

– Не выпьем ли мы за здоровье друг друга? сказал он, наливая два стакана вина Божанси, полученного им от щедрого Бонасиё.

– Очень благодарен за честь, сказал начальник, и принимаю с признательностью.

– Ну, так за ваше здоровье... Как вас зовут?

– Боаренар.

– Г. Боаренар!

– За ваше, дворянин, позвольте спросить как ваше имя?

– Д'Артаньян.

– За ваше здоровье!

– И кроме того, сказал д'Артаньян, как будто в восторге, выпьем за здоровье короля и кардинала.

Начальник отряда может быть не доверял бы искренности д'Артаньяна, если бы вино было не так хорошо; но оно было не дурно и потому он не сомневался.

– Но что за низость вы наделали? сказал Портос, когда начальник отряда догнал своих товарищей и четыре друга снова остались одни. Как можно, чтобы четыре мушкетера допустили арестовать в своем присутствии несчастного, который просит их о помощи. – И дворянину пить с полицейским!

– Портос, сказал Арамис, – Атос сказал уже тебе, что ты глуп, и я разделяю его мнение. Д'Артаньян, ты великий человек и когда будешь на месте де-Тревиля, я прошу твоего покровительства, чтобы получить аббатство.

– Ничего не понимаю, сказал Портос, вы одобряете поступок д'Артаньяна.

– Разумеется, сказал Атос, я не только одобряю поступок д'Артаньяна, но и поздравляю его с этим.

– Теперь, господа, сказал д'Артаньян, не беспокоясь объяснять свое поведение Портосу, все за одного, один за всех, таков наш девиз, не правда ли?

– Однако, сказал Портос.

– Протягивай руку и клянись, сказали Атос и Арамис вместе.

Побежденный примером, ворча про себя, Портос протянул руку и четыре друга повторили в один голос клятву, предложенную д'Артаньяном:

«Все за одного, один за всех»!

– Хорошо, теперь ступайте все по домам, сказал д'Артаньян таким тоном, как будто всю жизнь свою привык приказывать, и будьте внимательны, потому что с этой минуты мы будем в борьбе с кардиналом.

Х. Мышеловка в 17-м веке

Изобретение мышеловки относится к древним временам; как только первые образовавшиеся общества изобрели полицию, в тоже время полиция изобрела мышеловки.

Так как читатели наши, может быть, незнакомы с наречием Иерусалимской улицы, и как в продолжение 15 лет с тех пор как мы начали писать, еще в первый раз случилось нам употребить это слово в таком смысле, то объясним, что такое мышеловка.

Когда в каком-нибудь доме арестуют лицо, подозреваемое в каком-нибудь преступлений, то это арестование содержат в тайне, в первой комнате помещают в засаде 4 или 5 человек, отворяют дверь всем, кто стучится, за ними опять затворяют и их арестуют; таким образом через два или три дня захватывают почти всех, кто часто бывает в доме.

Это называется мышеловка.

Итак, комнату Бонасиё обратили в мышеловку и всякого, кто приходил туда, люди кардинала арестовали и допрашивали. Само собою разумеется, что так как первый этаж, где жил д'Артаньян, имел особый выход, то приходившие к нему не подвергались следствию.

Впрочем к д'Артаньяну никто не приходил, кроме трех мушкетеров. Они пустились в розыски, каждый отдельно, но ничего не открыли. Атос даже спрашивал де-Тревиля, и это очень удивило его капитана, потому что Атос обыкновенно был крайне молчалив. Но де-Тревиль ничего не знал, кроме того, что когда он в последний раз видел кардинала, короля и королеву, то кардинал имел вид очень озабоченный, король был беспокоен, а по красным глазам королевы видно было, что она или худо спала, или плакала. Но это последнее обстоятельство мало его поразило, потому что королева, со времени своего замужества, часто не спала и плакала.

Де-Тревиль советовал Атосу, во всяком случае, верно служить королю и особенно королеве, и передать такую же просьбу его товарищам.

Что касается до д'Артаньяна, то он не выходил из дому. Он обратил свою комнату в обсерваторию. Из окон он видел всех, кто приходил и попадался в засаду; притом, сняв доски в полу, он через простой потолок, отделявший его от комнаты внизу, где происходили допросы, слышал все происходившее между инквизиторами и обвиненными.

Допросы, предшествуемые подробным обыском арестуемых лиц, происходили почти всегда следующим образом:

– Не давала ли вам госпожа Бонасиё какой-нибудь вещи для передачи мужу ее, или кому-нибудь другому?

– Не давал ли вам г. Бонасиё какой-нибудь вещи для передачи его жене, или кому-нибудь другому?

– Не доверяли ли Бонасиё, или жена его, вам чего-нибудь на словах?

– Если бы они знали что-нибудь, то не спрашивали бы таким образом, сказал сам себе д'Артаньян. Что же они хотят узнать? Не находится ли герцог Бокингем в Париже и не имел ли он или не должен ли иметь свидание с королевой?

Д'Артаньян остановился на этой мысли, которая, судя по всему слышанному им, была очень вероятна.

Между тем мышеловка продолжала действовать и бдительность д'Артаньяна также.

На другой день после арестования несчастного Бонасиё, вечером, когда Атос ушел от д'Артаньяна, чтобы отправиться к де-Тревилю, в девять часов, когда Планше принимался готовить постель, раздался стук в дверь с улицы; тотчас дверь отворилась и опять затворилась: кто-то попался в мышеловку.

Д'Артаньян бросился к тому месту, где пол был разобран, лег и начал прислушиваться.

Раздались крики, потом стоны, которые старались заглушить. Допроса не было.

– Черт возьми, подумал д'Артаньян, это кажется женщина: ее обыскивают, она противится, против нее употребляют силу, – какая низость!

И д'Артаньян, при всем своем благоразумии, едва не вмешался в сцену, происходившую внизу.

– Но я вам говорю, что я хозяйка дома, господа; я вам говорю, что я г-жа Бонасиё; я вам говорю, что я служу королеве, кричала несчастная женщина.

– Г-жа Бонасиё, бормотал д'Артаньян; неужели я буду так счастлив, что найду то, чего все ищут?

– Вас-то именно мы и ожидали, сказали допрошки.

Голос более и более заглушался; послышалось как будто происходила борьба. Жертва противилась на столько, на сколько женщина может противиться четырем мужчинам.

– Простите, господа, прост... бормотал голос, потом слышны были только непонятные звуки.

– Они завязывают ей рот, они хотят тащить ее, сказал д'Артаньян,

вскакивая. Шпагу, а, вот она! Планше!

– Что прикажете?

– Беги за Атосом, Портосом и Арамисом. Один из трех вероятно дома, а может быть, все. Пусть они возьмут шпаги и бегут сюда. Ах, я вспомнил. Атос у де-Тревиля.

– Но куда же вы идете?

– Я спущусь через окно, сказал д'Артаньян, чтобы поспеть скорее; положи доски, вымети пол, ступай через дверь и беги, куда я тебе сказал.

– О, вы убьетесь, сказал Планше.

– Молчи, дурак, отвечал д'Артаньян. И ухватившись за раму окна, он спустился вниз: к счастью первый этаж был не высок и он упал без ушиба.

Потом тотчас начал стучать в дверь; ворча про себя:

– Дам поймать себя в мышеловку и горё кошкам, которые нападут на такую мышь.

Едва раздался стук молотка, как шум прекратился, приблизились шаги, дверь отворилась и д'Артаньян, со шпагою в руке, бросился в комнату Бонасиё. Дверь, вероятно, от действия пружины, затворилась за ним сама собой.

Тогда обитатели несчастного дома Бонасиё и ближайшие соседи услышали страшный крик, топанье ногами, звуки ударяющихся шпаг и продолжительный треск ломающейся мебели. Минуту спустя, те, которые будучи привлечены шумом, подошли к окошкам, чтобы узнать причину его, видели как дверь опять отворилась и четыре человека, в черной одежде, не вышли, а вылетели в нее как испуганное воронье, оставив на земле и на углах столов перья из своих крыльев, т. е. клочки своей одежды.

Д'Артаньяну, впрочем, не трудно было остаться победителем, потому что только один из полицейских был вооружен, но и он защищался только для виду. Правда, что трое остальных напали на молодого человека со стульями, табуретами и горшками, но две или три царапины, сделанные шпагой гасконца, испугали их. Десяти минут достаточно было для их поражения и поле битвы осталось за д'Артаньяном.

Соседи, открывшие свои окна, с хладнокровием, свойственным жителям Парижа в эти времена постоянных волнений и драк, опять закрыли их, увидели, что четверо черных людей убежали; они уже по инстинкту знали, что на время все было кончено.

Впрочем, было уже поздно, а тогда, как и теперь, в Люксембургском квартале рано ложились спать.

Оставшись один с госпожою Бонасиё, д'Артаньян обратился к ней: несчастная женщина лежала в креслах, почти без чувств. Д'Артаньян

осмотрел ее с ног до головы.

Это была очаровательная женщина, двадцати пяти или двадцати шести лет, брюнетка, с голубыми глазами, с носом, слегка вздернутым, с чудными зубами и с прекрасным цветом тела, белым и розовым. Впрочем этим и ограничивались признаки, по которым можно было бы принять ее за знатную даму. Руки были белы, но не изящны; ноги также были не аристократические. По счастью, д'Артаньян не дошел еще до того, чтобы заниматься такими подробностями.

Между тем как он рассматривал г-жу Бонасиё и дошел до ног, как мы сказали, он заметил на полу тонкий батистовый платок; по обыкновению, поднял его и на углу его заметил вышитые буквы, точно такие же, как видел на платке, за который едва не подрался с Арамисом.

С того времени д'Артаньяну не нравились платки с гербами; поэтому, не говоря ни слова, он положил поднятый им платок в карман г-жи Бонасиё.

В эту минуту г-жа Бонасиё пришла в чувство. Она открыла глаза, осмотрелась со страхом кругом и увидела, что комната была пуста и что она была одна со своим избавителем. Она тотчас с улыбкой протянула ему руки. А улыбка г-жи Бонасиё была очаровательна.

– Ах, это вы меня спасли, сказала она, позвольте мне поблагодарить вас.

– Мадам, отвечал д'Артаньян, я сделал то, что всякий дворянин сделал бы на моем месте, и вам не за что благодарить меня.

– Нет, милостивый государь, вы оказали мне услугу и я докажу вам, что я не неблагодарная. Но чего хотели от меня эти люди, которых я сначала приняла за воров, и отчего г-на Бонасиё нет здесь?

– Мадам, эти люди гораздо опаснее воров, потому что это агенты кардинала, а что касается до г-на Бонасиё, то его здесь нет потому, что вчера за ним пришли и увели его в Бастилию.

– Мой муж в Бастилии! вскричала г-жа Бонасиё, о Боже! что же он сделал? несчастный, он воплощенная невинность!

И что-то в роде улыбки показалось на испуганном лице молодой женщины.

– Что он сделал? сказал д'Артаньян. Я думаю, что единственное преступление его состоит в том, что он имеет вместе счастье и несчастье быть вашим мужем.

– Разве вы знаете...

– Я знаю, что вас похитили.

– Кто? вы знаете? о, если вы знаете это, скажите мне.

– Человек сорока или сорока пяти лет, с черными волосами, смуглый, с рубцом на левом виске.

– Это верно, но как его зовут?

– Как его зовут? этого я не знаю.

– А муж мой знал, что мена похитили?

– Он был предупрежден об этом письмом, которое писал ему сам похититель.

– Не подозревает ли он, спросила с смущением г-жа Бонасиё, какой-нибудь причины этого похищения?

– Кажется, он приписывает причину политической.

– Прежде я сомневалась в этом, а теперь думаю тоже самое. Так любезный мой г-н Бонасиё не подозревал меня ни минуты...

– О, напротив, он гордился вашим умом и особенно вашей любовью.

Едва заметная улыбка вторично промелькнула на розовых губах прекрасной молодой женщины.

– Но, продолжал д'Артаньян, как вы убежали?

– Я воспользовалась минутой, когда меня оставили одну, и так как знала уже с нынешнего утра, чему следует приписать мое похищение, то с помощью простыни спустилась из окна и думая, что муж мой здесь, прибежала сюда.

– Чтобы отдаться под его защиту?

– О, нет, я знала, что он, бедняжка, не в состоянии защитить меня; но как он мог быть нам полезен в другом случае, то я хотела предупредить его.

– О чем?

– О, это не мой секрет и потому я не могу вам этого сказать.

– Впрочем, сказал д'Артаньян, извините, что я, солдат, напому вам о благоразумии; я думаю, мы здесь не в таком месте, чтобы сообщать друг другу тайны. Люди, которых я прогнал, воротятся с подкреплением, и если они застанут нас здесь, то мы пропали. Правда, что я послал предупредить троих моих друзей, но неизвестно еще, найдут ли их дома.

– Да. Вы правы, сказала испуганная г-жа Бонасиё, – Убежим, спасемся.

С этими словами она взяла д'Артаньяна под руку и быстро увела его.

– Но куда мы побежим? спросил д'Артаньян, – где мы спасемся?

– Уйдем прежде всего из этого дома, а потом увидим.

Молодая женщина и молодой человек, не позаботившись затворить дверь, быстро пошли по улице Могильщиков, и остановились только на площади Св. Сюльпиция.

– А теперь, что мы будем делать, спросил д'Артаньян, – и куда прикажете мне проводить вас?

– Признаюсь, я в большом затруднении отвечать вам на это, сказала г-жа Бонасиё: – мое намерение было предупредить г. ла-Порта через моего мужа, что он должен сообщить нам подробно, что происходило в Лувре в последние три дня и не опасно ли мне там показаться.

– Но я могу предупредить ла-Порта, сказал д'Артаньян.

– Без сомнения, только одно несчастье: что Бонасиё знают в Лувре и его пропустили бы, а вас не знают и не пустят туда.

– Полноте, сказал д'Артаньян, – у вас верно есть при какой-нибудь калитке Лувра преданный сторож, который по условному паролю...

Г-жа Бонасиё внимательно посмотрела на молодого человека.

– А если я вам сообщу этот пароль, сказала она, – забудете ли вы его тотчас как скажете?

– Честное слово дворянина! сказал д'Артаньян таким тоном, что в истине обещания его нельзя было сомневаться.

– Хорошо, я вам верю; вы кажется честный молодой человек, и притом, может быть, счастье ваше зависит от вашей преданности.

– Я сделал бы и без обещания, по совести, все что могу, чтобы услужить королю или королеве, сказал д'Артаньян; располагайте мною как другом.

– Но куда же вы меня поместите на это время?

– Нет ли у вас кого из знакомых, куда ла-Порт мог бы придти за вами.

– Нет, я не хочу никому вверяться.

– Пойдите, сказал д'Артаньян; мы у дверей квартиры Атоса. Да, точно.

– Кто это Атос?

– Один из моих друзей.

– Но если он дома и меня увидит?

– Его нет дома; я проведу вас в его комнату и унесу с собою ключ.

– А если он воротится?

– Он не воротится; впрочем ему скажут, что я привел даму, и что эта дама у него.

– Но это может компрометировать меня.

– Что вам за дело! никто вас не будет знать; впрочем мы в таком положении, что можно пренебречь некоторыми приличиями.

– Ну, пойдемте же к вашему другу. Где он живет?

– В улице Феру, за два шага отсюда.

– Идем.

И оба отправились. Как предвидел д'Артаньян, Атоса действительно не было дома; он взял ключ, который ему всегда давали, как домашнему

другу, взошел на лестницу и ввел г-жу Бонасиё в маленькую комнату, описанную нами прежде.

– Вы здесь как дома, сказал он; дожидайтесь, закройте дверь изнутри и отойдите только тогда, когда услышите три удара в дверь таким образом, слушайте. И он ударил три раза: два раза скоро один после другого и довольно крепко, а третий раз немного спустя и легче.

– Хорошо, сказала г-жа Бонасиё, – теперь моя очередь дать вам инструкцию.

– Я слушаю.

– Идите к калитке Лувра со стороны улицы Лестницы и спросите Жермена.

– Хорошо. Потом?

– Он спросит вас что вам угодно; тогда вы скажете ему два слова: Тур и Брюссель; после того он исполнит все ваши приказания.

– А что я ему прикажу?

– Позвать ла-Порта, камердинера королевы.

– А когда ла-Порт придет?

– Вы пришлете его ко мне.

– Хорошо; но где и как я вас увижу?

– А вы хотите непременно меня опять видеть?

– Разумеется.

– Хорошо, предоставьте это мне и будьте спокойны.

– Я полагаюсь на ваше слово.

– Вы не ошибетесь.

Д'Артаньян поклонился г-же Бонасиё, бросив ей самый нежный взгляд, какой только мог, и между тем как спускался с лестницы, он слышал как дверь за ним заперли на два поворота. В два прыжка он очутился у Лувра; пробило десять часов, когда он входил в калитку Лувра. Все рассказанные нами происшествия произошли в течение получаса.

Все случилось так, как говорила г-жа Бонасиё. Но условленному паролю, Жермен повиновался; через десять минут пришел ла-Порт; д'Артаньян в двух словах рассказал ему в чем дело и сообщил, где была г-жа Бонасиё. Ла-Порт два раза переспросил в подробности адрес и отправился бегом.

Но сделавши не более десяти шагов, он воротился назад.

– Молодой человек, сказал он д'Артаньяну, – я вам дам совет.

– Какой?

– Может быть вас, будут допрашивать о том, что было теперь сейчас.

– Вы думаете?

– Да. Нет ли у вас друга, у которого часы отстают?

– Ну?

– Идите к нему, чтоб он мог засвидетельствовать, что в половине десятого вы были у него. Юридически это называется алиби (отсутствие, доказанное присутствием в другом месте).

Д'Артаньян нашел совет благоразумным; он со всех ног побежал к де-Тревилю; но не входя в общую залу, он просил позволения пройти в его кабинет. Так как он был одним из частых посетителей дома, то его просьбу исполнили без затруднения и пошли доложить де-Тревилю, что его молодой земляк, имея сообщить ему что-то важное, просит особенной аудиенции. Спустя пять минут, де-Тревиль спрашивал д'Артаньяна, что он может для него сделать и чему обязан его посещением в такое позднее время.

– Извините, сказал д'Артаньян, воспользовавшийся тем временем, когда оставался один, чтобы переставить часы на полчаса назад: – я полагал, что так как еще только 25 минут десятого, то еще не поздно явиться к вам.

– 25 минут десятого! вскричал де-Тревиль, смотря на часы, – это не может быть!

– Посмотрите, сказал д'Артаньян.

– Справедливо, отвечал де-Тревиль, – я думал, что уже позже. Но, что же вам угодно?

Тогда д'Артаньян рассказал де-Тревилю длинную историю о королеве. Говорил, что он очень опасается за ее величество, что он слышал о намерениях кардинала в отношении к Бокингему, – и все это с таким спокойствием и важностью, что де-Тревиль совершенно поверил ему, тем более что он и сам, как мы говорили, заметил что-то особенное между кардиналом, королем и королевою.

В десять часов д'Артаньян ушел от де-Тревиля, который благодарил его за сообщенные ему сведения, советовал ему всегда верно служить королю и королеве, и, простившись с ним, пошел опять в залу. Но сходя с лестницы, д'Артаньян вспомнил, что оставил свою трость: он быстро опять поднялся по лестнице, вошел в кабинет, передвинул опять стрелку на часах как следовало, чтобы на другой день не заметили, что они врут, и уверенный, что имеет свидетеля в доказательство своей невинности, спустился с лестницы и вышел на улицу.

XI. Интрига завязывается

Сделав визит де-Тревилю, д'Артаньян в задумчивости отправился домой самою дальнею дорогой.

О чем же задумался д'Артаньян, до того, что свернул с прямой дороги и шел, смотря на небо, то вздыхая, то улыбаясь.

Он думал о г-же Бонасиё. Для новичка из мушкетеров эта молодая женщина была почти идеалом любви. Хорошенькая, таинственная, посвященная почти во все интриги двора, отражалось на приятных чертах лица ее столько очаровательной важности; она слыла притом не совсем нечувствительною, а это составляет неодолимое привлечение для новичков в любви, притом д'Артаньян освободил ее из рук злодеев, хотевших обыскать ее и оскорбить, и эта важная услуга произвела между ними чувство признательности, которое так легко переходит в другое, более нежное, чувство.

Мечты летят быстро на крыльях воображения. Д'Артаньяну уже представлялось, что к нему подходит посланник от молодой женщины с билетом, приглашающим на свидание, с золотою цепью, или с бриллиантом. Мы говорили уже, что молодые люди не стыдились принимать подарки от короля; прибавим, что в то время, не отличавшееся строгою нравственностью, они не больше стыдились и в отношении к своим любовницам, которые всегда оставляли им какие-нибудь драгоценные и прочные воспоминания, как будто старались укрепить непостоянство чувств их прочностью своих подарков.

Тогда не краснея выходили в люди через женщин. Те из женщин, у которых ничего не было, кроме красоты, награждали своею красотой, и от того, вероятно, произошла поговорка, что самая прекрасная девушка в свете может дать только то, что у нее есть. Те же, которые были богаты, давали кроме того и денег, и можно назвать многих героев того времени, которые не получили бы шпор и не выиграли бы потом сражение без набитого кошелька, привязанного любовницами к луке седла их.

У д'Артаньяна не было ничего; нерешимость провинциала, невинность и застенчивость – все исчезло от не совсем нравственных советов, даваемых тремя мушкетерами своему другу. Д'Артаньян, по странному обычаю того времени, считал себя в Париже ни больше, ни меньше как в походе, напр. во Фландрии; гам война с Испанцами, здесь с женщинами. Везде неприятели, и везде следовало брать с них контрибуции.

Но надо сказать, что в то время д'Артаньян был еще под влиянием чувства более благородного и бескорыстного. Хозяин сказал ему, что он был богат, и молодой человек угадывал, что у такого простака, как Бонасиё, кошелек верно был в руках у жены. Но это не имело никакого влияния на чувство, родившееся в нем при виде г-жи Бонасиё, и интерес почти не участвовал в начале любви, бывшей последствием этого чувства. Мы говорим почти, потому что мысль, что молодая, прекрасная, грациозная и умная женщина в то же время богата, ничего не отнимает у любви, напротив еще укрепляет ее.

В довольстве бывает много аристократических забот и прихотей, которые возвышают красоту. Тонкий и белый чулок, шелковое платье, кружевной вуаль, красивый башмак, свежая лента на голове, не делают некрасивую женщину хорошенькой, но хорошенькую женщину делают прекрасней, не считая рук, которые, особенно у женщин, должны быть праздными, чтобы не потерять красоты.

Притом д'Артаньян, как известно читателю, от которого мы не скрыли состояние его, не был миллионером: он надеялся им быть в последствии; но время, назначенное им самим для этой счастливой перемены, было еще далеко. А между тем какое отчаяние видеть, что любимая женщина желает иметь тысячи безделушек, составляющих ее благополучие, и быть не в состоянии дать ей эти безделушки! Когда женщина богата, а любезный ее беден, то по крайней мере она сама покупает то, чего он не может ей предложить; и хотя обыкновенно она доставляет себе это удовольствие на деньги мужа, но редко он пользуется за это признательностью.

Притом д'Артаньян, расположенный сделаться самым нежным любовником, был пока самым преданным другом. Среди любовных мечтаний о жене хозяина, он не забывал своих друзей. С хорошенькою г-жей Бонасиё можно было с удовольствием прогуляться в равнине Сен-Дени и на ярмарке в Сен-Жермене, в компании Атоса, Портоса и Арамиса, перед которыми д'Артаньяну хотелось бы похвалиться такою победой. Потом, после большой прогулки, приходит голод, – д'Артаньян заметил это с некоторого времени, – тогда можно бы составить один из этих очаровательных обедов, при которых с одной стороны пожимаешь руку друга, с другой ногу любовницы. Наконец, в крайних случаях, д'Артаньян все-таки мог бы помочь своим друзьям.

А Бонасиё, которого д'Артаньян, отказавшись от него, отдал в руки полицейских и которому обещал спасти его? Надо признаться, что д'Артаньян вовсе не думал об этом, или если и думал, то уверял себя, что ему хорошо, где бы он ни был. Любовь есть страсть самая эгоистическая.

Впрочем если д'Артаньян забыл о своем хозяине. или притворился, что забыл, под тем предлогом, что не знал, куда его увели, то мы все-таки не забыли о нем и знаем, где он. Но пока последуем примеру влюбленного гасконца. Что касается до достойного лавочника, мы поговорим о нем после.

Д'Артаньян, мечтая о будущей любви своей, разговаривая с ночью, улыбаясь звездам, шел по улице Шерш-Миди или Шасс-Миди, как называли ее тогда. Так как он был недалеко от квартиры Арамиса, то ему пришло в голову сделать визит другу, чтоб объяснить ему причины, побудившие его послать Планше с приглашением придти немедленно в мышеловку. Если Арамис был дома в то время, когда пришел к нему Планше, то он, вероятно, побежал в улицу Могильщиков, и не найдя там никого, кроме, может быть, других двух товарищей своих, ни тот, ни другие не знали, что бы это значило. Это беспокойство надо было объяснить, думал д'Артаньян.

Притом он думал также, что это был случай поговорить о хорошенькой малютке, г-же Бонасиё, которою были наполнены уже все мысли его, если не сердце. От первой любви нельзя требовать скромности. Она сопровождается таким восторгом, что его необходимо изливать наружу, иначе он задушит.

Было уже темно, и Париж начинал пустеть; било одиннадцать на всех часах Сен-Жерменского предместья; вечер был теплый. Д'Артаньян шел по переулку, бывшему тогда в том месте, где ныне проходит улица д'Асса, вдыхая ароматические испарения, приносимые ветром из улицы Вожирар из садов, освеженных вечернею росой. Издалека доносились сквозь закрытые ставни кабаков песни запоздалых пьяниц. Дойдя до конца переулка, д'Артаньян повернул налево. Дом, в котором жил Арамис, находился между улицами Кассет и Сервандони.

Д'Артаньян перешел улицу Кассет и приближался уже к дому своего друга, видневшемуся из-за густой зелени сикоморов и каприфолий, как вдруг заметил какую-то тень, выходившую из улицы Сервандони. Незвестный закутан был в плащ, и д'Артаньян думал сначала, что это мужчина, но по маленькому росту и по нетвердости походки он скоро заметил, что это была женщина. Она как будто отыскивала какой-то дом, смотрела вверх, останавливалась, ворочалась назад, потом опять шла вперед. Это заинтересовало д'Артаньяна.

– «Не предложить ли ей мои услуги» подумал он. «Видно по всему, что она молода; может быть хорошенькая. О, да. Но женщина в такое позднее время выходит на улицу только в таком случае, если она идет к

любовнику. Черт возьми, если я помешаю свиданию, то это дурное начало знакомства.

Между тем молодая женщина приближалась, считая дома и окна, что, впрочем, было не трудно, потому что в этой части улицы было только три дома и только два окна на улицу: одно из павильона, параллельного тому, в котором жил Арамис, другое из самой квартиры Арамиса.

– «Забавно было бы» подумал д'Артаньян, вспомнив о племяннице богослова, «если б эта запоздавшая голубка отыскивала именно дом нашего друга. А в самом деле похоже на то. А, любезный Арамис, на этот раз я узнаю в чем дело.»

И д'Артаньян, прижавшись, спрятался в самой темной части улицы, за камнем, в глубине ниши.

Молодая женщина продолжала идти вперед; кроме легкости походки, по которой можно было узнать женщину, она слегка кашлянула, и в этом кашле слышался самый свежий голосок. Д'Артаньян счел этот кашель за сигнал.

Между тем, или она слышала какой-нибудь знак, отвечавший на ее кашель и уничтоживший ее сомнение, или без всякой посторонней помощи узнала место, которого искала, только она с решительностью подошла к ставню Арамиса и сделала три ровные удара пальцем.

– Она в самом деле стучит в ставень к Арамису, пробормотал д'Артаньян. – А, господин лицемер, вот как вы занимаетесь богословием!

Едва только послышалось три удара, как окно отперли изнутри и сквозь ставни показался свет.

– А, говорил д'Артаньян, – не в дверь, а в окно; значит визит был условлен. Теперь ставень отворится и дама влезет в окно; хорошо!

Но, к великому удивлению его, ставень не открывался. Даже свет, показавшийся на минуту, опять исчез.

Д'Артаньян подумал, что верно этим не кончится, и продолжал смотреть во все глаза и слушать обоими ушами.

Он был прав: через несколько секунд два резкие удара раздались изнутри.

Молодая женщина с улицы отвечала одним ударом, и ставень открылся.

Можно судить, с какой жадностью д'Артаньян смотрел и прислушивался.

К несчастью, свечу перенесли в другую комнату. Но глаза его привыкли уже к темноте. Притом, глаза Гасконцев, как говорят, имеют свойство видеть ночью как кошки.

Д'Артаньян видел, что молодая женщина вынула из своего кармана что-то белое, в роде платка, и быстро развернула его. Потом показала своему собеседнику угол этого платка.

Это запомнило д'Артаньяну платок, найденный им у ног г-жи Бонасиё, и тот, который он поднял из-под ног Арамиса.

Что же значил этот платок?

С того места где стоял, д'Артаньян не мог видеть лица Арамиса. Молодой человек не сомневался, что разговаривавший с дамой изнутри был именно его друг; любопытство взяло верх над благоразумием, и, воспользовавшись вниманием, в которое погрузились оба действовавшие лица, при рассматривании платка, он вышел из засады, и с быстротою молнии, ступая как можно легче, подошел к углу стены, откуда мог совершенно ясно видеть внутренность комнаты Арамиса.

Взглянув туда, д'Артаньян едва не вскрикнул от удивления: с ночною посетительницей разговаривал не Арамис, а женщина. Но д'Артаньян мог различить только форму одежды ее, черты же лица рассмотреть было невозможно.

В ту же минуту женщина в комнате вынула из своего кармана другой платок, и переменила его на тот, который ей показали. Женщины обменялись несколькими словами, потом ставень закрылся; женщина, бывшая снаружи, обернулась и прошла в четырех шагах от д'Артаньяна, опуская вуаль; но предосторожность эта была взята уже поздно, — д'Артаньян узнал г-жу Бонасиё.

Г-жа Бонасиё! Подозрение, что это она, пришло ему уже тогда, когда он увидел, что она вынимает платок из кармана; но вероятно ли было предполагать, что г-жа Бонасиё, которая посылала за ла-Портом, чтобы он отвел ее в Лувр, ходила по парижским улицам одна, в половине двенадцатого вечером, рискуя быть снова похищенной.

Поэтому надо было полагать, что дело было важное, а какое бывает важное дело у женщины в 25 лет? Разумеется, любовь.

Но для себя ли, или для кого другого она подвергалась таким опасностям? Этот вопрос задал себе молодой человек, которому ревность грызла уже сердце как настоящему любовнику.

Впрочем было очень простое средство узнать, куда шла г-жа Бонасиё: стоило только пойти за ней. Это средство было так просто, что д'Артаньян воспользовался им инстинктивно.

Но, при виде молодого человека, отделившегося от стены, как статуя от ниши, и при шуме шагов его, г-жа Бонасиё вскрикнула и побежала.

Д'Артаньян побежал за ней. Ему не трудно было догнать женщину,

закутанную в плаще, связывавшем ее движения. Несчастливая задыхалась не от усталости, а от страха, и когда д'Артаньян, догнав ее, положил ей руку на плечо, она упала на одно колено, крича глухим голосом:

– Убейте меня, если хотите, но вы ничего не узнаете.

Д'Артаньян поднял ее, взяв рукою за талию; но как по тяжести ее он заметил, что она готова была лишиться чувств, то начал успокаивать ее выражениями преданности. Эти выражения ничего не значили для г-жи Бонасиё, потому что можно говорить подобные вещи, имея в то же время самые дурные намерения; но ее успокоил голос. Молодой женщине показался этот голос знакомым: она открыла глаза, взглянула на того, кто причинил ей столько страха, и, узнав д'Артаньяна, вскрикнула от радости.

– А, это вы! сказала она, – слава Богу!

– Да, это я, сказал д'Артаньян, – Бог послал меня, чтобы охранять вас.

– Вы в этом намерении и бежали за мною? спросила с кокетливой улыбкой молодая женщина которой насмешливый характер возвратился, когда страх исчез, и когда она узнала друга в том, которого приняла за врага.

– Нет, сказал д'Артаньян, – признаюсь вам, нет; случай привел меня к вам, я видел, что женщина стучит в окно одного из моих друзей...

– Одного из ваших друзей? прервала г-жа Бонасиё.

– Без сомнения; Арамис лучший друг мой.

– Арамис! Что это такое?

– Что вы спрашиваете? Неужели вы будете уверять меня, что вы не знаете Арамиса?

– В первый раз слышу это имя.

– Так вы в первый раз приходите к этому дому?

– Да.

– И вы не знали, что в нем живет молодой человек?

– Нет.

– Мушкетер?

– Вовсе не знала.

– Так вы не к нему приходили?

– Нисколько. Впрочем, вы видели, я разговаривала с женщиной.

– Это правда: но эта женщина в дружбе с Арамисом.

– Не знаю.

– Потому что она живет у него.

– Это до меня не касается.

– Но кто она?

– О, это не моя тайна.

– Любезная г-жа Бонасиё, вы прекрасны, но в то же время вы самая таинственная женщина...

– Разве я от этого хуже?

– Нет; напротив вы очаровательны.

– Ну, так дайте же мне руку.

– Очень охотно. Потом?

– Потом проводите меня.

– Куда?

– Туда, куда я иду.

– А куда вы идете?

– Увидите, потому что вы проводите меня до дверей.

– Надо будет подождать вас?

– Это будет бесполезно.

– Так вы возвратитесь одна?

– Может быть да, может быть нет.

– Но особа, которая будет провожать вас после, мужчина, или женщина?

– Ничего еще не знаю.

– Я узнаю.

– Каким образом?

– Я подожду, пока вы выйдете.

– В таком случае прощайте!

– Как так?

– Мне вас не нужно.

– Но вы просили...

– Помощи дворянина, а не надзора шпиона.

– Это слово немного жестоко.

– Как же называют тех, которые следят за людьми против воли их.

– Нескромными.

– Это слово слишком мягко.

– Ну, хорошо; я вижу, что надо делать все, что вы прикажете.

– Жаль, что вы об этом не догадались прежде.

– За то я и раскаиваюсь.

– А вы действительно раскаиваетесь?

– Я вас не знаю. Но я знаю, что обещаю делать все что вам будет угодно, если вы позволите мне проводить вас туда, куда вы идете.

– И потом вы меня оставите?

– Да.

– И не будете подсматривать, когда я выйду.

- Нет.
- Честное слово?
- Слово дворянина!
- В таком случае давайте руку и пойдёмте.

Д'Артаньян подал руку г-же Бонасиё, которая взяла ее, вместе и смеясь и дрожа, они пошли вместе до конца улицы ла-Гарп. Дойдя туда, молодая женщина, казалось, была в нерешимости, как это было и в улице Вожирар. Но, по некоторым признакам, она узнала дверь, которую искала, и, подойдя к ней, сказала:

– Вот сюда мне нужно. Очень благодарна вам за компанию вашу, избавившую меня от всех опасностей, которым я могла бы подвергнуться, если бы была одна. Но теперь пора вам сдержать слово: я пришла, куда мне было нужно.

- А вам нечего будет бояться на обратном пути?
- Мне надо будет бояться только воров.
- А разве этого мало?
- Что они у меня возьмут? у меня ничего нет с собой.
- Вы забываете прекрасный платок с вышитым гербом.
- Какой?
- Тот, который я нашел у ваших ног и положил к вам в карман.

– Молчите, пожалуйста, отвечала молодая женщина, – вы меня погубите.

– Вот видите ли, есть еще опасность, потому что одно слово заставляет вас дрожать, и вы сами признаетесь, что если услышат это слово, то вы пропали. – О, сударыня, сказал д'Артаньян, взяв ее за руку и страстно смотря на нее: – будьте великодушнее, вверьтесь мне. Неужели вы не прочли в моих глазах, что сердце мое полно преданности и симпатии к вам.

– Да, отвечала г-жа Бонасиё, – и потому если бы вы спросили меня о моих тайнах, я вам сказала бы их, но тайны других – это другое дело.

– Хорошо, сказал д'Артаньян, – я их открою; так как эти тайны могут иметь влияние на вашу жизнь, то я должен участвовать в них.

– Берегитесь, отвечала молодая женщина, так серьезно, что д'Артаньян невольно вздрогнул. – Не мешайтесь в то, что касается до меня, не старайтесь помогать мне в том что я делаю; я прошу вас об этом во имя участия, которое вы во мне принимаете, во имя заслуги, которую вы мне оказали и которой я не забуду во всю жизнь. Верьте мне. Не обращайтесь на меня никакого внимания; я больше не существую для вас, как будто бы вы меня никогда не видали.

- Должен ли и Арамис также поступать как я? спросил огорченный

д'Артаньян.

– Вот уже два или три раза, как вы произнесли это имя, и между тем я вам сказала, что не знаю его.

– Вы не знаете человека, в окно к которому вы стучали? Вы считаете меня уж слишком доверчивым.

– Признайтесь, что вы выдумали эту историю и это лицо для того, чтобы заставить меня что-нибудь сказать.

– Я ничего не выдумал, я говорю одну истину.

– И вы говорите, что в этом доме живет один из ваших друзей?

– Я сказал и повторяю в третий раз, что это тот дом, в котором живет мой друг и что этот друг Арамис.

– Все это объяснится после, пробормотала молодая женщина, а теперь молчите.

– Если бы вы могли видеть в моем сердце, сказал д'Артаньян, – вы прочли бы там столько любопытства, что вы сжалились бы надо мной, и столько любви, что вы сейчас же удовлетворили бы моему любопытству. Нечего бояться тех, кто вас любит.

– Вы очень скоро заговорили о любви, милостивый государь, сказала молодая женщина, погрозив ему пальцем.

– Это потому, что любовь скоро пришла ко мне и в первый раз, а мне нет еще двадцати лет.

Молодая женщина взглянула на него украдкой.

– Послушайте, я попал на след, сказал д'Артаньян. – Назад тому три месяца, я едва не вышел на дуэль с Арамисом за платок, похожий на тот, который вы показывали женщине, бывшей у окна; точно с такими же метками, это я знаю наверное.

– Милостивый государь, сказала молодая женщина, – клянусь вам, вы утомляете меня вашими вопросами.

Но вы, вы так благоразумны, подумайте, что если вас задержат с этим платком и отнимут его у вас, не подвергаетесь ли вы опасности?

– Отчего, разве на нем не мои начальные буквы: К. Б., Констанция Бонасиё.

– Или Камилла де-Буа Траси.

– Молчите, еще раз прошу вас, молчите. Если вас не останавливают опасности, которым я подвергаюсь, подумайте о тех, которым вы можете подвергнуться.

– Я?

– Да, вы. Если вы будете продолжать знакомство со мной, то можете попасть в тюрьму, а может быть, лишитесь жизни.

- В таком случае я вас никогда не оставлю.
- Именем неба умоляю вас, уйдите, сказала молодая женщина, сложив руки; вот бьет полночь; это час, в который меня ожидают.
- Сударыня, отвечал молодой человек, кланяясь, – я не могу ни в чем отказать, когда меня просят таким образом; будьте спокойны, я ухожу.
- Вы не будете следовать за мной и подстерегать меня?
- Я сейчас же иду домой.
- О, я знала, что вы благородный молодой человек, сказала г-жа Бонасиё, протягивая ему руку и хватаясь другою за молоток маленькой двери, едва заметной в стене.
- Д'Артаньян взял протянутую ему руку и горячо поцеловал ее.
- Ах, лучше бы было мне никогда не видеть вас, сказал д'Артаньян, с наивной грубостью, которая часто больше нравится женщинам, нежели жеманная вежливость, потому что она высказывает всю глубину мысли и доказывает, что чувство взяло верх над рассудком.
- А я, отвечала г-жа Бонасиё почти ласковым голосом, пожимая руку д'Артаньяна, не выпускавшего ее руки, – я не сказала бы этого: что потеряно сегодня, то может быть найдено после. Кто знает? может быть, когда я буду свободна, то и удовлетворю вашему любопытству.
- И любви моей? спросил д'Артаньян с восторгом.
- О, в этом отношении я не хочу ничего обещать; это будет зависеть от чувств, которые вы мне внушите.
- А теперь...
- Теперь я чувствую к вам только признательность.
- О, вы слишком прекрасны, сказал д'Артаньян печально, – и употребляете во зло мою любовь.
- Нет, я только пользуюсь вашим великодушием. Но, поверьте, что некоторые услуги не забываются.
- О, вы делаете меня счастливейшим из людей! Не забывайте этого вечера, не забудьте этого обещания!
- Будьте спокойны, в свое время и в своем месте я вспомню все. Ну, идите же, идите, умоляю вас. Меня ждали ровно в полночь, и я уже опоздала.
- Разве пятью минутами.
- Да, но в некоторых обстоятельствах пять минут все равно, что пять веков.
- Да, для влюбленных.
- А кто же вам сказал, что я не имею дела с влюбленным.
- А, так это мужчина вас ожидает, Сказал д'Артаньян, – мужчина!

– Ну, вот, опять начинается рассуждение, отвечала г-жа Бонасиё с полуулыбкой, смешанной с некоторым признаком нетерпения.

– Нет, нет, я уйду; я вам верю и хочу, чтобы преданность моя была полная, хотя бы она походила на глупость. Прощайте, прощайте!

И потом, как будто чувствовал себя не в силах спокойно оставить руку, которую держал, он удалился бегом, между тем как г-жа Бонасиё сделала, как и в ставню, три ровные медленные удара; добежав до угла улицы, д'Артаньян обернулся: дверь отворилась и опять заперлась, хорошенькая лавочница исчезла.

Д'Артаньян продолжал свой путь, он дал слово не подсматривать за г-жей Бонасиё, и если бы ее жизнь зависела от того места, куда она пошла, или от того лица, кто должен был провожать ее, д'Артаньян возвратился бы домой, потому что он это обещал ей. Пять минут спустя он был в улице Могильщиков.

– Бедный Атос, рассуждал он, – он не узнает, что это значит. Или он уснул, ожидая меня, или возвратился домой и там узнал, что приходила женщина. Женщина у Атоса! Впрочем, продолжал д'Артаньян, – и у Арамиса тоже была женщина. Все это очень странно, и мне очень хотелось бы знать, чем все это кончится.

– Худо, худо кончится, отвечал голос, по которому молодой человек узнал Планше; в это время рассуждая вслух сам с собою, как обыкновенно бывает с людьми очень занятыми, он вошел в аллею, оканчивавшуюся лестницей, которая вела в его комнату.

– Как, худо? что ты хочешь этим сказать, глупец? спросил д'Артаньян, – Что же такое случилось?

– Много несчастий.

– Какие?

– Во-первых, Атос арестован.

– Арестован! Атос! арестован! за что?

– Его нашли у вас и приняли за вас.

– А кто его арестовал?

– Полиция; ее привели черные люди, которых вы прогнали.

– Отчего он не назвал себя? отчего он не сказал, что он не участвовал в этом деле?

– Он с намерением не сказал кто он; напротив, он подошел ко мне и сказал: «Твоему господину теперь свобода нужнее, чем мне, потому что он знает все, а я ничего не знаю. Подумают, что он арестован, и это даст ему время, а через три дня я скажу, кто я, и меня должны будут отпустить».

– Bravo, Атос! благородная душа, сказал про себя д'Артаньян, я его

знаю! А что делали полицейские?

– Четверо увели его, не знаю куда, в Бастилию или Форт-л’Евек; двое остались с черными людьми, которые все перерыли и взяли все бумаги. Наконец остальные двое, во время этого обыска, караулили у дверей; потом, когда все кончилось, они отправились, оставя пустой дом и не заперли дверей.

– А Портос и Арамис?

– Я их не нашел, они не приходили.

– Но они могут еще придти, потому что ты велел сказать им, что я их ожидал?

– Да.

– Хорошо, не уходи же отсюда; если они придут, предупреди их обо всем, что со мной случилось, и скажи, чтобы они ждали меня в кабаке Помм-де-Пен; здесь опасно, может быть, будут наблюдать. Я бегу к де-Тревилью рассказать ему все это и потом приду туда.

– Слушаю, сказал Планше.

– Ты останешься, не струсил? сказал д’Артаньян, возвращаясь.

– Будьте покойны, отвечал Планше, вы меня еще не знаете; я храбр, когда решусь на это; главное только решиться; притом – я из Пикардии.

– Ну, так решено, сказал д’Артаньян, ты скорее дашь убить себя, чем оставишь свой пост.

– Да, сударь; я сделаю все, чтобы доказать вам мою преданность.

– Хорошо, сказал сам себе д’Артаньян, кажется, что я подействовал на этого молодца; при случае я опять употреблю этот способ.

И хотя немного утомленный уже беготней этого дня, д’Артаньян со всех ног пустился по улице Голубятни.

Де-Тревилья не было дома; его рота была на дежурстве в Лувре, и он был с ней.

Надо было как-нибудь пробраться к де-Тревилью, потому что очень важно было предупредить его обо всем, что случилось. Д’Артаньян решился попробовать пройти в Лувр. Его костюм гвардейца роты Дезессара должен был служить ему паспортом.

Он пошел через улицу Маленьких Августингов и вышел на набережную, чтобы пройти к новому мосту. Сначала он хотел переехать на пароме, но, дойдя до берега, машинально опустил руку в карман и заметил, что у него нечем было заплатить за перевоз.

Дойдя до улицы Генего, он заметил выходивших из улицы Дофина двух лиц, походка которых поразила его.

Один из этих людей был мужчина, другой женщина.

Женщина походила на г-жу Бонасиё, мужчина же, как две капли воды, похож был на Арамиса.

Притом на женщине был черный плащ, который д'Артаньян видел у ставни – в улице Вожирар и у дверей – в улице ла-Гарп.

Мужчина же был в мушкетерском мундире. Женщина была с опущенным капюшоном, а мужчина закрывал лицо платком; эти предосторожности показывали, что они оба не хотели быть узнанными.

Они пошли на мост; д'Артаньяну предстояла та же дорога, потому что он шел в Лувр; он пошел за ними.

Сделав не больше двадцати шагов, он убедился, что женщина была г-жа Бонасиё, а мужчина Арамис.

В ту же минуту он почувствовал ревность, волновавшую его сердце.

Ему вдвойне изменили: и друг и та, которую он любил уже как любовницу. Г-жа Бонасиё клялась ему, что не знала Арамиса, и через четверть часа, после этой клятвы, он встречается ее под руку с Арамисом.

Д'Артаньян не думал о том, что еще только три часа, как он познакомился с хорошенькою лавочницей, что она ему ничем не обязана, кроме небольшой признательности за освобождение ее от черных людей, хотевших увести ее, и что она ему ничего не обещала. Он считал себя оскорбленным любовником; кровь бросилась ему в голову, и он решился все узнать.

Молодая женщина и молодой человек заметили, что их преследуют и удвоили шаги. Д'Артаньян обогнал их бегом, потом повернулся к ним в ту минуту, когда они были пред Гамаритянкой, освещенной фонарем, свет от которого падал на всю эту часть моста.

Д'Артаньян остановился перед ними; они также остановились.

– Что вам угодно, милостивый государь? спросил мушкетер, отступая на один шаг.

По иностранному произношению его, д'Артаньян узнал, что он ошибся в одном из своих предположений.

– Это не Арамис, сказал он.

– Нет, я не Арамис; я вижу, что вы приняли меня за другого и потому прощаю вас.

– Вы меня прощаете! сказал д'Артаньян.

– Да, отвечал незнакомец. Пропустите же меня, так как не я вам нужен.

– Это правда, я не с вами имею дело, а с этою госпожой.

– С этою госпожой! вы ее не знаете, сказал иностранец.

– Вы ошибаетесь, я знаю её.

– Ах, сказала г-жа Бонасиё, с упреком; вы дали мне слово дворянина, –

я думала, что могу верить этому.

– А вы, сказал смущенный д'Артаньян, вы мне обещали.

– Дайте вашу руку, сударыня, сказал иностранец, и пойдемте.

Между тем д'Артаньян, изумленный всем, случившимся с ним, стоял, сложа руки, перед мушкетером и г-жею Бонасиё.

Мушкетер сделал два шага вперед и отвел рукою д'Артаньяна в сторону.

Д'Артаньян отскочил назад и обнажил шпагу.

В то же время, с быстротою молнии, незнакомец также вынул шпагу.

– Ради Бога, милорд! вскричала г-жа Бонасиё, бросаясь между сражающимися и хватаясь за шпаги.

– Милорд! сказал д'Артаньян, озаренный внезапною мыслью; – извините, милорд, вы...

– Милорд герцог Бокингем, сказала вполголоса г-жа Бонасиё; вы всех нас погубите.

– Милорд, мадам, прошу вашего извинения; но я люблю ее, милорд, и я ревнив; вы знаете, что значит любить, милорд; извините меня и научите, как могу я пожертвовать жизнью за вас.

– Вы храбры молодой человек, сказал Бокингем, протягивая д'Артаньяну руку, которую он пожал почтительно; – вы предлагаете мне свои услуги и я принимаю их; идите за нами до Лувра за двадцать шагов сзади, и если кто-нибудь будет нас преследовать, убейте его.

Д'Артаньян взял под руку свою обнаженную шпагу, пропустил г-жу Бонасиё и герцога на двадцать шагов вперед и пошел за ними, готовый буквально исполнить инструкцию благородного, изящного министра Карла I.

Но, к несчастью, молодому воину не представилось случая доказать герцогу свою преданность и молодая женщина и прекрасный мушкетер спокойно вошли в Лувр чрез калитку лестницы.

Что касается до д'Артаньяна, он тотчас отправился в кабак Помм-де-Пен, где нашел ожидавших его Портоса и Арамиса.

Но не объяснил им причины беспокойства, причиненного им его приглашением, он сказал им только, что один окончил дело, для которого считал нужною их помощь.

Теперь оставим трех друзей наших, возвращающихся по домам, и последуем по извилинам Лувра за Бокингом и его путеводительницею.

XII. Георг Вилие. Герцог Бокингем

Г-жа Бонасиё и Герцог вошли в Лувр без затруднений; все знали, что г-жа Бонасиё служит у королевы; герцог был в мундире мушкетерской роты де-Тревиля, которая, как мы уже сказали, была в карауле в этот вечер. Притом Жермень был на стороне королевы; и если бы что-нибудь случилось, то г-жу Бонасиё обвинили бы только в том, что она привела в Лувр своего любовника; правда, что она принимала на себя преступление; репутация ее была бы потеряна, но что значит репутация какой-нибудь ничтожной лавочки?

Войдя на двор, герцог и молодая женщина шли возле стены на протяжении около двадцати шагов; пройдя это расстояние, г-жа Бонасиё толкнула маленькую потаенную дверь, которая днем оставалась отпертою, но на ночь обыкновенно запиралась; дверь отворилась; оба вошли и очутились в темноте; но г-жа Бонасиё знала все закоулки этой части Лувра, назначенной для свиты. Она затворила за собою дверь, взяла герцога за руку, сделала несколько шагов ощупью, взялась за перила у лестницы, ощупала ногой ступеньку и начала подниматься по лестнице. Дойдя до второго этажа, они повернули на право по длинному коридору, спустились опять вниз на один этаж, сделали еще несколько шагов, и тогда г-жа Бонасиё вложила ключ в замок, отворила дверь, ввела герцога в комнату, освещенную одною ночной лампой и сказала ему:

– Подождите здесь, милорд – герцог, сейчас придут. – Потом она вышла в ту же дверь и заперла ее на ключ, так что герцог очутился буквально пленным.

Впрочем, оставшись совершенно один, герцог Бокингем не чувствовал несколько страха; отличительною чертой его характера была любовь к приключениям и к романтизму.

Храбрый, смелый, предприимчивый, он уже не в первый раз рисковал жизнью в подобных похождениях; он узнал, что мнимое уведомление Анны Австрийской, по которому он приехал в Париж, было западнее и вместо того, чтобы возвратиться в Англию, он, пользуясь случаем, который это ему доставил, объявил королеве, что не уедет, не повидавшись с ней.

Королева сначала положительно отказала, но потом начала опасаться, чтобы герцог в отчаянии не сделал какой-нибудь глупости. Она уже решилась принять его, с тем, чтобы упросить его немедленно уехать, как вдруг в тот самый вечер как г-же Бонасиё поручено было отыскать герцога

и привести его в Лувр, бедную лавочницу похитили. В продолжение двух дней об ней ничего не знали и все оставалось нерешенным. Но как только она освободилась и вступила снова в сношения с ла-Портом, то дела пошли своим чередом, и она исполнила опасное предприятие, которое, если б она не была арестована, было бы приведено в исполнение тремя днями раньше.

Оставшись один, Бокингем подошел к зеркалу. Одежда мушкетера была ему как нельзя больше к лицу. Ему было тогда тридцать пять лет, и он по справедливости считался самым красивейшим дворянином и самым изящным кавалером Франции и Англии.

Любимец двух королей, миллионер, могущественный в королевстве, которое он приводил в волнение и успокаивал по одному капризу, Георг Вилие, герцог Бокингем вел жизнь, наполненную такими баснословными событиями, которые не забываются в продолжение столетий, возбуждая удивление потомства.

Уверенный в себе и своем могуществе, не сомневаясь, что законы, управляющие другими, не могли касаться до него, он всегда шел прямо к предназначенной цели, хотя бы она была так высока и обольстительна, что другому показалась бы безумием даже мысль о ней. Таким образом он успел видаться с прекрасною гордой Анною Австрийской и силою обольщения достиг любви ее.

Георг Вилие встал перед зеркалом, поправил свои прекрасные волнистые светло-русые волосы, примятые тяжестью шляпы, закрутил усы и с радостью в сердце, счастливый и гордый приближением давно желанной им минуты, он улыбнулся сам себе с гордостью и надеждой.

В эту минуту дверь, скрытая обоями, отворилась и вошла женщина. Бокингем увидел ее в зеркале и вскрикнул: это была королева. Анне Австрийской было тогда 26 или 27 лет, то есть, она была в полном блеске красоты.

Ее походка была походка королевы или богини; глаза с изумрудным оттенком были прекрасны и выражали кротость и величие.

Рот у нее был маленький, губы алые, и хотя нижняя губа, как у всех принцев Австрийского дома, была немного длиннее верхней, но улыбка ее была грациозна в минуты удовольствия, и выражала глубочайшее презрение в минуты гнева.

Кожа ее была нежная и бархатная, руки удивительной красоты; все поэты того времени называли их несравненными.

Наконец, волосы ее, бывшие в молодости светло-русыми, а потом сделавшиеся каштановыми, были обыкновенно завиты с большим количеством пудры, и восхитительно окружали лице ее, которому самый

строгий критик мог бы пожелать только немного поменьше румянца и самый взыскательный ваятель немного побольше тонкости в очертании носа.

Бокингем был на минуту ослеплен. Никогда Анна Австрийская не казалась ему такою прекрасной на балах, праздниках, каруселях, как в эту минуту в простом белом атласном платье в сопровождении доны Естепании, единственной из испанских горничных ее, не изгнанной ревностью короля и преследованиями Ришельё.

Анна Австрийская сделала два шага вперед; Бокингем бросился к ногам ее, и прежде чем королева успела удержать его, поцеловал ее платье.

– Герцог, вы уже знаете, что не я к вам писала.

– О, да, ваше величество, сказал герцог; я знаю, что безумие было бы думать, что снег оживится, что мрамор согреется, но что делать! когда любят, легко верят любви; впрочем, я не всё потерял в этом путешествии, потому что вижу вас.

– Да, отвечала Анна; но вы знаете, как и зачем я с вами вижусь; не обращая внимания на все мои страдания, вы упорно остаетесь в городе, где рискуете своею жизнью и моею честью; я вижусь с вами для того, чтобы сказать вам, что все разделяет нас – глубина моря, вражда королевств, святость клятв. Бороться против таких препятствий, милорд, было бы святотатством. Я вижусь с вами наконец, для того, чтобы сказать вам, что нам не следует больше видеться.

– Говорите, говорите, королева, – сказал Бокингем; приятность вашего голоса смягчает суровость слов ваших. Вы говорите о святотатстве! но разлука двух сердец, созданных Богом одно для другого, не есть ли святотатство?

– Милорд, сказала королева, вы забываете, что я никогда не говорила вам, чтобы я вас любила.

– Но вы также никогда не говорил мне, чтобы вы не любили меня, и подобные слова со стороны вашего величества были бы слишком большою неблагодарностью, потому что скажите, где можно найти любовь, подобную моей, любовь, которую не могут уничтожить ни время, ни разлука, ни отчаяние; любовь, которая довольствуется потерянною лентой, брошенным взглядом, нечаянно сказанным словом. Три года тому назад я увидел вас в первый раз и три года люблю вас такою любовью. Хотите ли рассказать вам, как вы были одеты, когда я видел вас в первый раз? Хотите ли, я напому вам все подробности вашего туалета? Как будто теперь вижу, вы сидели на подиуме, по испанскому обычаю, на вас было платье зеленого атласа, шитое золотом и серебром, с закрытым воротничком и с

длинными рукавами, прикрепленными на прекрасных, восхитительных руках ваших большими бриллиантами; на голове у вас был маленький чепчик под цвет платья и на чепчике перо цапли. Я закрываю глаза и вижу вас такую, как вы были тогда; открываю их и вижу вас, как вы теперь, то есть, еще во сто раз прекраснее.

– Какое сумасшествие! сказала Анна Австрийская, не имевшая твердости рассердиться на герцога за то, что он так хорошо сохранил в сердце портрет ее; – какое сумасшествие питать бесполезную страсть такими воспоминаниями.

– Чем же хотите вы чтобы я жил? у меня только и есть что воспоминания! В них мое счастье, мое сокровище, моя надежда! каждый раз, когда я вас вижу, на сердце моем остается одною драгоценностью больше. Воспоминание о настоящей минуте будет четвертою из этих драгоценностей; в три года я видел вас только четыре раза; первый раз я вас сейчас описал, второй у г-жи Шеврёз, третий в садах Амиенских.

– Герцог, сказала, краснея, королева, не напоминайте об этом вечере.

– О, напротив, будем говорить о нем, это счастливый и блестящий вечер жизни моей. Помните ли вы, какая была прекрасная ночь? Как воздух был чист и полон благоуханий, небо было голубое и усеянное звездами. Ах, в этот раз я мог быть с вами хотя минуту наедине; в этот раз вы готовы были доверить мне все одиночество жизни вашей и печали вашего сердца. Вы опирались на мою руку, вот на эту. Я чувствовал, наклоня голову в вашу сторону, как прекрасные волосы ваши касались лица моего и при каждом прикосновении я дрожал с ног до головы. О королева, королева! вы не знаете, сколько небесного блаженства, сколько райских радостей заключает в себе подобная минута. Я отдал бы богатства свои, славу, все остальные дни жизни моей за подобную минуту, и за подобную ночь! потому что в эту ночь, клянусь вам, вы любили меня!

– Милорд, очень может быть, что влияние местности, прелесть этого вечера, обворожительность вашего взгляда, что тысячи обстоятельств, соединяющихся иногда, чтобы привести женщин к падению, столпились вокруг меня в этот роковой вечер; но вы видели, милорд, королева пришла на помощь к ослабевшей женщине; при первом слове, которое вы осмелились сказать мне, при первой дерзости, на которую следовало отвечать, я позвала...

– О, да, это правда, и другая любовь не вынесла бы этого испытания, но моя любовь сделалась оттого еще пламеннее, беспредельнее. Вы думали уйти от меня, возвратившись в Париж; вы думали, что я не осмелюсь оставить сокровище, доверенное мне моим государем. Ах! что значат для

меня все сокровища на свете, все короли земные! Через неделю я возвратился. В этот раз вам нечего было сказать, я рисковал милостью короля, даже жизнью, чтобы видеть вас на одну секунду; я не коснулся даже руки вашей, и вы простили меня, видя мою преданность и раскаяние.

– Да... но клевета воспользовалась всеми этими безумствами, в которых я нисколько не была виновата, вы это знаете, милорд. Король, подстрекаемый кардиналом, наделал страшного шума. Г-жа де-Верне была изгнана, Пютанж сослан, г-жа де-Шеврёз попала в немилость, и когда вы хотели возвратиться во Францию посланником, вы помните, милорд, сам король воспротивился этому.

– Да... Франция заплатит войною за отказ своего короля. Я не могу больше видеть вас, по крайней мере я хочу, чтобы вы каждый день слышали обо мне. Как вы думаете, какую цель имела экспедиция Ре и предположенный союз с протестантами ла-Рошели? Удовольствие видеть вас! я не надеюсь, с оружием в руках, проникнуть в Париж, но эта война может кончиться миром, для переговоров нужен будет посредник, этим посредником буду я. Тогда мне не осмелятся отказать, я снова буду в Париже, увижу вас и хотя на минуту буду счастлив. Тысячи людей заплатят жизнью за мое счастье; но что мне до них, лишь бы я вас снова увидел. Все это, может быть, безумно; но скажите, есть ли на свете женщина, имеющая более влюбленного поклонника? есть ли королева, обладающая более ревностным слугою?

– Милорд! вы в оправдание себя приводите то, что служит к обвинению вашему, все эти доказательства любви почти преступление.

– Потому что вы меня не любите; если бы вы любили меня, то смотрели бы на все это иначе; о, если б вы любили меня! я сошел бы с ума от такого счастья! Г-жа де-Шеврёз, о которой вы сейчас говорили, не была так жестока как вы. Голланд любил ее, и она отвечала его любви.

– Г-жа де-Шеврёз не была королевой, проговорила Анна Австрийская, – против воли побежденная выражением такой глубокой любви.

– Так вы любили бы меня, если б не были королевой, скажите, вы любили бы меня? Так я могу думать, что только достоинство вашего звания заставляет вас быть жестокой ко мне? Так я могу думать, что если б вы были г-жа де-Шеврёз, то бедный Бокингом мог бы надеяться? Благодарю вас за эти слова, моя прекрасная королева, – сто раз благодарю.

– Ах, милорд, вы не дослышали, вы не так поняли, я не то хотела сказать...

– Замолчите, сказал герцог; не будьте жестоки, не выводите меня из

заблуждения, которое делает меня счастливым. Вы сами сказали, что мне поставили западню; может быть, я лишусь жизни, потому что, странно, у меня с некоторого времени есть предчувствие, что я скоро умру.

Герцог улыбнулся грустной и вместе прекрасной улыбкой.

– О, Боже мой! сказала Анна Австрийская с ужасом, который обнаружил, что она принимала в герцоге больше участия, нежели сколько хотела выказать.

– Я говорю об этом не для того, чтобы напугать вас, нет; смешно даже, что я говорю об этом, потому что, поверьте мне, подобные сны не занимают меня. Но это слово, сказанное вами, надежда, которую вы мне почти подали, вознаградили бы меня за всё, даже за жизнь.

– Герцог, у меня также есть предчувствие, я тоже вижу сны, сказала Анна Австрийская. – Я видела вас во сне, окровавленного, раненого.

– В левый бок, ножом, не так ли? спросил Бокингем.

– Да, милорд, именно так, в левый бок ножом. Кто мог вам сказать, что я видела этот сон? я доверила его только одному Богу, во время молитвы.

– Больше я ничего не желаю; вы меня любите.

– Я вас люблю? я?

– Да, вы. Разве Бог послал бы нам одинаковые сны, если бы вы не любили меня? Разве мы имели бы одни и те же предчувствия, если бы наши существования не сливались в сердце. Вы любите меня, королева, и будете оплакивать меня!

– О, Боже мой, сказала Анна Австрийская. Это выше сил моих. Послушайте, герцог, ради Бога, уйдите, уезжайте; не знаю, люблю ли я вас, или нет, знаю только то, что не буду клятвopеступницей. Сжальтесь же надо мной, уйдите. О! если вас убьют во Франции, если бы я могла предположить, что любовь ваша ко мне будет причиною смерти вашей, я никогда бы не утешилась, я сошла бы с ума. Уезжайте же, уезжайте, умоляю вас.

– О, как вы прекрасны! о, как я люблю вас! сказал Бокингем.

– Уезжайте, умоляю вас, для того, чтобы возвратиться после, как посланник, как министр; приезжайте, окруженные стражей, которая будет охранять вас, тогда я не буду больше опасаться за вашу жизнь и буду рада видеть вас.

– О! можно ли верить тому, что вы говорите?

– Да.

– Дайте мне залог вашего благоволения, вещь, принадлежащую вам, которая напоминала бы мне, что это был не сон. Что-нибудь, что вы носили и что я мог бы носить, кольцо, ожерелье, цепочку.

– И вы уедете, когда я исполню желание ваше?

– Да.

– Сию же минуту.

– Да.

– Вы уедете в Англию?

– Да, клянусь вам.

– Так подождите же.

Анна Австрийская пошла в свою комнату и сейчас же возвратилась; она держала в руке маленький ящичек розового дерева с ее вензелем, выделанным из золота.

– Возьмите, милорд герцог, сказала она, сохраните это в воспоминание обо мне.

Бокингем взял ящичек и вторично встал на колени.

– Вы дали мне слово уехать, сказала королева.

– Да, и я сдержу слово. Дайте мне руку и я уеду.

Анна Австрийская протянула ему руку, закрыв глаза и опираясь другою рукой на Естепанию, потому что она чувствовала, что силы ее слабеют.

Бокингем страстно прильнул губами к этой прекрасной руке, потом сказал:

– Если я буду жив, то увижу вас не больше как через шесть месяцев, хотя бы мне пришлось для этого перевернуть весь свет.

И, верный данному обещанию, он вышел.

В коридоре он встретил ожидавшую его г-жу Бонасиё, которая с теми же предосторожностями и также счастливо вывела его из Лувра.

XIII. Бонасиё

В повествуемой нами истории есть одно действующее лицо, о котором, не смотря на неприятное положение его, другие очень мало беспокоились, это г-н Бонасиё, почтенный мученик политических и любовных интриг, которые так перепутывались между собою в то время, славное рыцарскими и любовными похождениями.

К счастью, если читатель помнит, мы обещали не терять его из виду.

Люди, арестовавшие его, отвели его прямо в Бастилию, где, дрожа от страха, он должен был пройти мимо взвода солдат, заряжавших ружья.

Потом ввели его в почти подземную галерею, где он принужден был перенести грубейшие обиды и жестокое обращение от своих проводников. Полицейские видели, что имели дело не с дворянином и обходились с ним как с настоящим мошенником.

Обыкновенно заключенных допрашивали в отдельных комнатах, но с Бонасиё много не церемонились.

Через полчаса явился чиновник и велел отвести его в общую комнату допросов; это положило конец его мучениям, но не прекратило его беспокойства.

Двое стражей схватили лавочника, провели его через двор, потом ввели в коридор, где стояли трое часовых, отворили дверь и втолкнули в низенькую комнату, вся мебель которой состояла из стола, стула и комиссара. Комиссар сидел у стола и писал. Стражи подвели пленного к столу и по знаку комиссара, удалились. Комиссар, сидевший до сих пор наклонив голову над бумагами, поднял ее, чтобы взглянуть, с кем имеет дело.

Комиссар этот был человек с угрюмым лицом, острым носом, с желтыми выдающимися скулами, с глазами маленькими, но пронзительными и живыми, с физиономией, напоминающей вместе и куницу и лисицу. Голова его, поддерживаемая длинною и подвижною шеей, выдавалась из широкой черной одежды, качаясь, как голова черепахи, высунувшаяся из щита. Он начал с того, что спросил Бонасиё о его имени, фамилии, летах звании и месте жительства.

Обвиняемый отвечал, что его зовут Иаков Михаил Бонасиё, что ему пятьдесят один год от роду, что он торговал прежде в лавочке и живет в улице Могильщиков № 11.

Комиссар, вместо того, чтобы продолжать допрос, сказал ему длинную

речь об опасности, которой подвергается мелкий гражданин, вмешиваясь в политические дела.

После такого вступления он начал говорить о могуществе и действиях кардинала, этого несравненного министра, превзошедшего всех прежних министров и служащего образцом для будущих, прибавив, что могуществу его никто не сопротивляется безнаказанно.

После этой второй части своей речи, устремив ястребиный взгляд на Бонасиё, он предложил ему подумать о трудности его положения.

Лавочник уже все обдумал: он посылал к черту ту минуту, когда ла-Порт вздумал женить его на своей крестнице, а еще больше ту, когда эта крестница была принята к королеве для присмотра за бельем.

Основанием характера Бонасиё был глубокий эгоизм с примесью скряжничества и чрезвычайной трусости. Любовь его к молодой жене была чувством второстепенным и не могла выдержать борьбы с врожденными чувствами, которые мы поименовали.

Бонасиё действительно задумался над тем, что ему сказали.

– Но, г. комиссар, сказал он хладнокровно, – поверьте, что я знаю и уважаю больше всякого другого заслуги несравненного кардинала, под управлением которого мы имеем честь находиться.

– В самом деле? спросил комиссар с сомнением; – но если б это было действительно так, за что же вы были бы в Бастилии?

– За что я в Бастилии? сказал Бонасиё, – вот чего я не могу сказать вам, потому что сам не знаю, но наверно уже не за умышленное.

– Между тем должно быть вы сделали преступление, потому что вас обвиняют в государственной измене.

– В государственной измене! вскричал ужаснувшийся Бонасиё, – в государственной измене! Как можно допустить, чтобы бедный лавочник, ненавидящий Гугенотов и гнушающийся Испанцами, был обвинен в государственной измене? Подумайте сами, ведь это дело существенно невозможное.

– Г. Бонасиё, спросил комиссар, глядя на обвиненного так, как будто его маленькие глаза имели способность читать в глубине души, – вы женаты?

– Да, отвечал дрожа лавочник, чувствуя, что это обстоятельство запутывает дело, – то есть, у меня была жена.

– Как! у вас была жена! Что же вы с ней сделали, если ее нет больше у вас?

– У меня ее похитили.

– А! у вас ее похитили! сказал комиссар.

При этом и Бонасиё почувствовал, что дело все больше запутывалось.

– Ее похитили! сказал комиссар, – А знаете ли вы, кто ее похитил?

– Я думаю, что знаю.

– Кто он такой?

– Не забудьте, что я не утверждаю, г. комиссар, я только подозреваю.

– Кого же вы подозреваете? отвечайте откровенно.

Бонасиё был в величайшем затруднении, следовало ли ему скрывать или говорить все как было. Если ничего не сказать, то могли бы подумать, что он знает слишком много, чтобы во всем признаться, если же сказать все то, видна будет его откровенность. Он решился сказать все.

– Я подозреваю, сказал он, – человека большого роста, смуглого, с важным лицом, похожего на вельможу, он несколько раз следил за нами, как мне казалось, когда я ждал жену У калитки Лувра, чтобы проводить ее домой.

Комиссар обнаружил какое-то беспокойство.

– А как его зовут? сказал он.

– О! что касается до имени его, то я его не знаю; но ручаюсь вам, что если я когда-нибудь встречу его, то узнаю тотчас же, даже среди тысячи человек.

Лоб комиссара нахмурился.

– Вы говорите, что узнали бы его среди тысячи, продолжал он.

– То есть, сказал Бонасиё, заметив, что проговорился, – то есть...

– Вы сказали, что узнали бы его, сказал комиссар: – это хорошо, довольно на сегодня, прежде чем мы пойдем дальше, надо уведомить кое-кого, что вы знаете похитителя жены вашей.

– Но я не сказал вам, что знаю его, отвечал Бонасиё в отчаянии: – я сказал напротив...

– Уведите пленника, сказал комиссар двум часовым.

– Куда же вести его? спросил часовой.

– В тюрьму.

– В которую?

– Боже мой! все равно, в которую-нибудь, лишь бы она крепко запиралась, сказал комиссар, с равнодушием, проникнувшим ужасом бедного Бонасиё.

– Увы! сказал он сам себе: – несчастье пало на мою голову; жена моя сделала какое-нибудь ужасное преступление, меня считают ее сообщником и накажут вместе с нею; она верно проговорилась, призналась в том, что мне все сказала, женщина так слаба! В тюрьму! все равно, в какую-нибудь! каково! ночь пройдет скоро, а завтра будут колесовать, повесят! Ох, Боже

мой! Боже мой! сжался надо мною!

Не обращая ни малейшего внимания на вопли Бонасиё, к которым впрочем они привыкли, стражи взяли пленника под руки и повели, между тем как комиссар писал наскоро письмо, которого ожидал секретарь.

Бонасиё не смыкал глаз, не оттого чтобы его тюрьма была слишком неприятна, но потому что тяжелые мысли беспокоили его. Он всю ночь просидел на скамье, дрожа при малейшем шуме, и когда первые лучи солнца проникли в его комнату, ему показалось, что заря приняла мрачные оттенки.

Вдруг он услышал шум отодвигавшейся задвижки дверей и сделал ужасный скачок. Он думал, что идут за ним, чтобы вести его на эшафот, и потому, когда он увидел, что вместо палача вошли знакомые ему комиссар и секретарь, то готов был броситься им на шею.

– Ваше дело очень запуталось со вчерашнего вечера, сказал ему комиссар, – и я советую вам сказать всю правду, потому что только раскаяние ваше может смягчить гнев кардинала.

– Но я готов сказать всё что знаю, отвечал Бонасиё. Допрашивайте, пожалуйста.

– Где ваша жена?

– Я уже сказал вам, что ее похитили.

– Но по вашей милости она вчера в пять часов вечера убежала.

– Жена моя убежала! сказал Бонасиё. – О, несчастная! клянусь вам, что если она убежала, то я в этом не виноват.

– Что вы делали у д'Артаньяна, вашего соседа, с которым вы имели вчера совещание?

– Ах да, г. комиссар, это правда, признаюсь, я сделал глупость. Я был у д'Артапьяна.

– Какую цель имело это посещение?

– Я просил его помочь мне отыскать жену мою. Я думал, что имею право требовать её. Кажется, я ошибался, и прошу вас извинить меня в этом.

– А что отвечал вам д'Артаньян?

– Д'Артаньян обещал помочь мне; но я скоро убедился, что он обманывал меня.

– Вы обманываете правосудие. Д'Артаньян сделал с вами условие, и по этому условию он обратил в бегство полицейских, которые задержали вашу жену и освободил ее от преследования.

– Д'Артаньян похитил жену мою! Ах, что вы говорите!

– К счастью, д'Артаньян в наших руках и вы будете с ним на очной

ставке.

– А! право, я ничего лучшего не желаю, сказал Бонасиё, я очень рад увидеть знакомое лицо.

– Приведите д'Артаньяна, сказал комиссар сторожам.

Сторожа привели Атоса.

– Г. д'Артаньян, сказал комиссар, обращаясь к Атосу, расскажите, что было между вами и этим господином.

– Но это не д'Артаньян, сказал Бонасиё.

– Как! это не д'Артаньян? сказал комиссар.

– Совсем не он, отвечал Бонасиё.

– Как же зовут этого господина? спросил комиссар.

– Не могу вам сказать, потому что я его не знаю.

– Как, вы его не знаете?

– Нет.

– Вы никогда не видали его?

– Видел, но не знаю его имени.

– Имя ваше? спросил комиссар.

– Атос, отвечал мушкетер.

– Но это не есть имя человека, это название горы, сказал бедный комиссар, начинавший терять соображение.

– Это мое имя, сказал спокойно Атос.

– Но вы сказали, что вас зовут д'Артаньяном.

– Я?

– Да, вы.

– То есть мне сказали: вы господин д'Артаньян? Я отвечал: вы так полагаете? Стражи сказали, что они в том уверены. Я не хотел противоречить им. Впрочем, я мог ошибаться.

– Милостивый государь, вы смеетесь над правосудием.

– Нисколько, сказал спокойно Атос.

– Вы д'Артаньян?

– Видите, вы еще раз говорите мне то же самое.

– Но, сказал в свою очередь Бонасиё, – я говорю вам, г. комиссар, что тут не может быть никакого сомнения. Г. д'Артаньян жилец мой, следовательно я должен знать его, тем более, что он не платит мне за квартиру, Д'Артаньян молодой человек, девятнадцати или двадцати лет, не больше, а этому господину не меньше тридцати лет. Д'Артаньян служит в гвардии Дезессара, а этот господин из роты мушкетеров де-Тревиля; посмотрите на мундир.

– Это правда, проговорил комиссар, – это правда.

В эту минуту дверь быстро отворилась и вошедший в сопровождении часового почтальон подал комиссару письмо.

– О, несчастная! вскричал комиссар.

– Как! что вы говорите? о ком? Надеюсь, не о жене моей?

– Напротив, о ней. Ваше дело идет славно, нечего сказать.

– Ах! сказал раздраженный лавочник, – скажите пожалуйста, каким образом мое дело может принять худший оборот от того, что делает жена моя в то время, когда я нахожусь в тюрьме!

– Потому что то, что она делает, есть следствие плана, составленного вами обоими, адского плана!

– Клянусь вам, г. комиссар, что вы в величайшем заблуждении, что я решительно ничего не знаю о том, что должна была делать и что сделала жена моя, и если она наделала глупостей, то я отказываюсь от нее, не одобряю ее, проклиная ее!

– Если вы не имеете больше надобности во мне, сказал Атос комиссару, – то отошлите меня куда-нибудь; ваш Бонасиё очень скучен.

– Отведите пленных в тюрьму, сказал комиссар, указывая одним жестом на Атоса и Бонасиё, и пусть их стерегут как можно крепче.

– Но если ваше дело касается до д'Артаньяна, то я не вижу, как могу я заметить вам его, сказал Атос с обычным спокойствием.

– Делайте что я приказываю, сказал комиссар, – и под величайшею тайной; – слышите!

Атос последовал за стражей, пожав плечами, а Бонасиё с воплями, способными растрогать сердце тигра.

Лавочника привели в ту же тюрьму, где он провел ночь, и оставили его там на весь день. Бонасиё во весь этот день плакал, как настоящий лавочник; он сам сказал, что не был военным. Впрочем около девяти часов, в ту минуту, когда он решался лечь в постель, он услышал шаги в коридоре. Шаги приблизились к его темнице, дверь отворилась, стражи вошли.

– Идите за мной, сказал полицейский чиновник, который пришел со стражей.

– Идти за вами! сказал Бонасиё: – идти за вами в эту пору! куда же это, Боже мой?

– Куда нам велено отвести вас.

– Но это не ответ.

– Единственный, который мы можем дать вам.

– Ах, Боже мой, Боже мой, шептал бедный лавочник, – теперь-то я пропал!

И он машинально, без сопротивления, последовал за пришедшей за

ним стражей.

Он прошел через тот же самый коридор, по которому вели его прежде, прошел первый двор, потом через другой корпус дома, наконец у наружных ворот увидел карету, окруженную четырьмя верховыми. Его посадили в эту карету, полицейский чиновник сел с ним, дверцу заперли на ключ и оба очутились в подвижной темнице.

Карета двинулась медленно, как погребальная колесница; сквозь решетку пленный видел только дома и мостовую; но Бонасиё, как настоящий парижанин, узнавал каждую улицу по заборам, вывескам и фонарям. Подъезжая к улице Св. Павла, где обыкновенно казнили осужденных, он чуть не лишился чувств и перекрестился два раза. Он думал, что карета должна тут остановиться. Но она проехала мимо.

Далее им еще раз овладел страх, когда проезжали мимо кладбища Св. Иоанна, где погребали государственных преступников. Одно обстоятельство немного его успокоило, именно то, что прежде нежели хоронили их, обыкновенно отрубали им головы, а его голова была еще на плечах. Но когда он заметил, что карета поехала по направлению к Гревской площади, когда увидел острые крыши ратуши, когда карета въехала под свод, он думал, что все уже для него кончено, хотел исповедоваться полицейскому чиновнику и на отказ его поднял такой жалобный крик, что чиновник объявил ему, что заткнет ему рот, если он не перестанет оглушать его.

Эта угроза немного успокоила Бонасиё: если бы хотели казнить его на Гревской площади, то не стоило бы затыкать ему рот, потому что почти уже доехали до места. Действительно, карета проехала роковую площадь, не останавливаясь. Оставалось опасаться только Трагуарского креста, и в самом деле карета поехала по направлению к этому месту. Тут уже не оставалось никакого сомнения; у Трагуарского креста наказывали второстепенных преступников. Бонасиё льстит себе, считая себя достойным Св. Павла или Гревской площади; у Трагуарского креста должны были окончиться путешествие его и участь! Он не мог еще видеть этого несчастного креста, но как будто чувствовал уже, что приближался к нему. Когда он был в двадцати шагах от него, то услышал шум и карета остановилась. Это было выше сил бедного Бонасиё, подавленного уже столькими испытанными им ощущениями. Он издал слабый стон, который можно было принять за последний вздох умирающего, и лишился чувств.

XIV. Менгский знакомец

Страх Бонасиё был напрасен: причиной стечения народа было не ожидание зрелища казни, а желание полюбоваться на человека, уже прежде повешенного.

Карета, остановившаяся на минуту, двинулась дальше, проехала сквозь толпу, продолжая путь в улицу С. Оноре; потом поворотила в улицу Добрых Детей и остановилась у небольших ворот одного дома.

Ворота отворились, и двое стражей приняли на руки Бонасиё, поддерживаемого полицейским чиновником; втолкнули его на крыльцо, заставили подняться по лестнице и посадили в передней.

Все эти движения он делал машинально.

Он шел как во сне, видел все предметы как в тумане, уши его слышали звуки, не понимая их; в эту минуту могли бы казнить его, и он не сделал бы ни одного движения для своей защиты и не испустил бы звука для просьбы о пощаде.

Таким образом он оставался на скамье, опершись спиною в стену, свесив руки вниз, на том же месте, куда его посадили стражи.

Между тем осмотревшись кругом, он не заметил ничего страшного; ничто не доказывало, чтоб он подвергнулся действительной опасности; скамейка была довольно мягкая, стены были покрыты прекрасною кордуанскою кожей; большие занавесы красного дома висели на окнах, поддерживаемые золотыми ручками; мало-помалу он начал понимать, что страх его был преувеличен, и наконец начал поворачивать голову вправо и влево, вверх и вниз.

Так как этому движению никто не противился, то он сделался смелее, рискнул переставить сперва одну ногу, потом другую, наконец с помощью обеих рук приподнялся со скамейки и встал на ноги. В это время офицер, приятной наружности, продолжая разговаривать с особой, находившеюся в соседней комнате, приподнял портьеру и, обращаясь к пленнику, спросил:

– Вы Бонасиё?

– Да, милостивый государь, к вашим услугам, проговорил, дрожа всем телом, лавочник.

– Войдите, сказал офицер.

И посторонился настолько, чтобы лавочник мог пройти. Бонасиё повиновался без возражений и вошел в комнату, где, казалось, его ожидали.

Это был большой кабинет, стены которого были украшены разными

оружиями; воздух в нем был спертый и удушливый, и в камине разведен был огонь, несмотря на то что это было еще в конце сентября. Квадратный стол, покрытый книгами и бумагами, сверх которых был развернут огромный план ла-Рошели, занимал средину комнаты.

Перед камином стоял человек среднего роста, высокомерного и гордого вида, с пронизательными глазами, широким лбом, худощавый лицом, казавшимся еще продолговатее от эспаньолки и усов. Хотя ему было не больше тридцати шести или семи лет от роду, но волосы, усы и эспаньолка были с проседью; за исключением шпаги, все в нем показывало военного, и большие сапоги его, слегка покрытые пылью, доказывали, что в этот день он ездил верхом.

Это был Арман-Жан Дюплесси, кардинал Ришельё, не такой как его обыкновенно изображают, разбитый как старик, страдающий как мученик, с расслабленным телом, глухим голосом, погруженный в большое кресло, как в преждевременную могилу, существующий только силою своего гения и поддерживающий борьбу с Европой только неутомимым трудом мысли; но такой, каким он действительно был в то время, то есть ловкий и любезный кавалер, уже слабый телом, но поддерживаемый моральною силою, делавшею его одним из самых необыкновенных людей, когда-либо существовавших; готовящийся, наконец, после поддержки герцога Невера в Мантуе, после взятия Нима, Кастры и Иозеса, к изгнанию Англичан с острова Ре и к осаде ла-Рошели.

С первого взгляда ничто в нем не обозначало кардинала, и тем, кто не знал его в лицо, невозможно было угадать, перед кем они находились.

Бедный лавочник стоял у дверей, между тем как глаза описанной нами особы устремились на него и, казалось, хотели проникнуть глубину его мысли.

— Это и есть Бонасиё? спросил он после минутного молчания.

— Точно так, отвечал офицер.

— Хорошо, дайте мне вот эти бумаги и оставьте нас.

Офицер взял со стола указанные бумаги, подал их и, поклонившись до земли, вышел.

Бонасиё узнал, что бумаги эти были допросы его в Бастилии. По временам стоявший у камина кардинал отводил глаза от бумаги и устремлял на бедного лавочника такие пронизательные взгляды, как будто хотел проникнуть в глубину души его. После десятиминутного чтения и десяти секунд наблюдения, кардинал все понял.

«Эта голова никогда не участвовала в заговоре, сказал он про себя, — но все равно, все таки посмотрим.»

– Вы обвинены в государственной измене, сказал протяжно кардинал.
– Это мне уже говорили, сказал Бонасиё, – но клянусь вам, что я об этом ничего не знал.

Кардинал скрыл улыбку.

– Вы были в заговоре с женой вашей, с г-жей де-Шеврёз и с герцогом Бокингом.

– Действительно, я слышал от нее все эти имена.

– По какому случаю?

– Она говорила, что кардинал Ришельё привлек герцога Бокингема в Париж, чтобы погубить его и королеву.

– Она это говорила? спросил кардинал с гневом.

– Да; но я сказал ей, что глупо говорить подобные вещи, и что кардинал неспособен...

– Молчите, вы глупы, сказал кардинал.

– То же самое говорила мне и жена.

– Знаете ли вы, кто похитил жену вашу?

– Нет.

– Но вы имеете подозрения?

– Да; но эти подозрения, кажется, не понравились г. комиссару, и я не подозреваю уже никого.

– Ваша жена убежала; знаете ли вы об этом?

– Нет, я узнал об этом только в тюрьме от г. комиссара, человека очень любезного.

Кардинал вторично скрыл улыбку.

– Так вы не знаете, что случилось с женой вашей после бегства?

– Решительно не знаю; но она должна была возвратиться в Лувр.

– В час пополудни ее еще там не было.

– Ах, Боже мой! но что же с нею случилось?

– Будьте спокойны, об этом узнают; от кардинала ничто не скроется; он все знает.

– В таком случае, разве вы думаете, что кардинал согласится сказать мне, что сделалось с моею женой.

– Может быть, но надобно прежде, чтобы вы признались во всем что вам известно об отношениях жены вашей к г-же де-Шеврёз.

– Но я ничего не знаю и никогда не видал ее.

– Когда вы ходили за женой в Лувр, возвращалась ли она всегда прямо домой?

– Почти никогда, она имела дела с продавцами полотна, к которым я провожал ее.

– Сколько же было продавцов полотна?
– Двое.
– Где они живут?
– Один в улице Вожирар, другой в улице Ля-Гарп.
– Заходили вы к ним с нею вместе?
– Никогда: я дожидался ее у ворот.
– Под каким же предлогом она заходила одна?
– Она ничего мне не говорила; приказывала мне ждать ее, и я ждал.
– Вы снисходительный муж, любезный мой г. Бонасиё, сказал кардинал.

«Он называет меня своим любезным господином, подумал лавочник. – Дела идут хорошо».

– Можете ли вы указать те ворота?
– Да.
– Вы знаете нумера?
– Да.
– Назовите их.
– № 25 в улице Вожирар и № 75 в улице Ля-Гарп.
– Хорошо, сказал кардинал.

При этих словах он взял серебряный колокольчик и позвонил; офицер вошел.

– Позовите ко мне Рошфора, сказал он вполголоса; – чтоб он явился сейчас же, если он дома.

– Граф здесь, сказал офицер, – и настоятельно просит позволения говорить с вашею эминенцией.

– Пусть же он войдет, сказал с живостью Ришельё.

Офицер бросился из комнаты с быстротою, с какою обыкновенно исполнялись все приказания кардинала.

«С вашею эминенцией!» бормотал Бонасиё, озираясь дико кругом.

Не прошло пяти секунд после ухода офицера, как дверь отворилась и вошло новое лицо.

– Это он! сказал Бонасиё.
– Кто он? спросил кардинал.
– Тот, который похитил жену мою.

Кардинал позвонил снова. Офицер явился.

– Отдайте этого человека в руки двоих стражей; пусть он ждет, когда я снова позову его.

– Нет, нет, это не он! сказал Бонасиё, – нет, я ошибся; это был другой, совсем непохожий на этого. Этот господин – честный человек.

– Уведите этого глупца! сказал кардинал.

Офицер взял Бонасиё под руку и отвел его в переднюю, где были двое стражей.

Рошфор с нетерпением следил глазами за Бонасиё до тех пор, пока он вышел, и как только затворилась за ним дверь, он быстро подошел к кардиналу и сказал:

– Они виделись.

– Кто?

– Она и он.

– Королева и герцог? сказал Ришельё.

– Да.

– Где же?

– В Лувре.

– Вы уверены?

– Совершенно уверен.

– Кто вам сказал?

– Г-жа де-Ляннуа, которая, как вам известно, совершенно предана вам.

– Зачем же она не сказала раньше?

– Королева случайно или по недоверчивости приказала г-же де-Сюржи спать в своей комнате и удержала ее у себя на целый день.

– Хорошо, мы побеждены. Постараемся поправить дело.

– Я всею душой готов помогать вам, будьте спокойны.

– Как это случилось?

– В половине первого королева была с своими придворными дамами.

– Где?

– В своей спальне.

– Ну?...

– Ей принесли платок от дамы, заведывающей ее бельем.

– Потом?

– Королева тотчас обнаружила сильное волнение, и несмотря на румяна, покрывавшие лицо ее, побледнела.

– Потом? Потом?

– Несмотря на то, она встала и сказала своим дамам взволнованным голосом: «подождите меня, через десять минут я приду.» Она отворила дверь алькова и вышла.

– Отчего г-жа де-Ляннуа не пришла в ту же минуту предупредить вас?

– Еще ничего не было известно наверное, притом же королева сказала: «подождите меня,» – и она не смела послушаться королевы.

– Сколько времени королевы не было в комнате?

– Три четверти часа.

– Ни одна из дам не сопровождала ее?

– Только донеа Естефана.

– Потом она возвратилась?

– Да, для того только чтобы взять ящичек розового дерева с ее вензелем, и тотчас же вышла.

– А когда она возвратилась, принесла ли она этот ящик назад?

– Нет.

– Знает ли г-жа де-Ляннуа что было в этом ящичке?

– Да: бриллиантовые эксельбантные наконечники, подаренные королеве его величеством.

– И она пришла без ящичка?

– Да.

– Полагает ли г-жа де-Ляннуа, что она отдала их Бокингеу?

– Она в том уверена.

– Почему?

– На другой день г-жа де-Ляннуа, имеющая обязанность наблюдать за туалетом королевы, искала этого ящичка, показала вид, что беспокоится и, не находя его, наконец спросила о нем королеву.

– И королева?...

– Королева очень покраснела и отвечала, что накануне изломала один из наконечников и послала к ювелиру починить.

– Надобно пойти узнать правда ли это?

– Я уже ходил.

– Ну, что же сказал ювелир?

– Он ничего не слышал об этом.

– Хорошо! Хорошо, Рошфор! не все еще потеряно, и может быть... может быть, все к лучшему.

– Дело в том, что я не сомневаюсь, чтобы гений ваш...

– Не придумал, как поправить глупость своего агента, не так ли?

– Если бы вы позволили мне окончить фразу, я сказал бы то же самое.

– Знаете ли вы, где скрывались герцогиня де-Шеврёз и герцог Бокингем?

– Нет, люди мои не могли сказать ничего положительного об этом.

– А я знаю.

– Вы?

– Да, или по крайней мере я так думаю. Они были один в улице Вожирар № 25, другой в улице Ля-Гарп № 75.

– Угодно ли вам, чтоб я арестовал их обоих?

- Теперь уже поздно: они наверно уехали.
- Все равно, можно справиться.
- Возьмите десять человек из моих гвардейцев и общите оба дома.
- Иду.

И Рошфор бросился вон из комнаты.

Оставшись один, кардинал подумал с минуту и позвонил в третий раз.

- Тот же офицер явился.
- Приведите пленника, сказал кардинал.

Снова привели Бонасиё; по знаку кардинала офицер удалился.

- Вы меня обманули, строго сказал кардинал.
- Я! я обманул вашу эминенцию! сказал Бонасиё.
- Ваша жена ходила не к продавцам полотна в улицы Вожирар и Ля-

Гарп.

- Боже праведный, к кому же она ходила?
- Она ходила к герцогине де-Шеврёз и герцогу Бокингему.
- Да, сказал Бонасиё, припоминая, – вы правы. Я несколько раз говорил жене, что это удивительно, что продавцы полотна живут в таких домах, где нет и вывесок, и жена каждый раз смеялась. Ах! сказал Бонасиё, бросаясь к ногам кардинала, – вы действительно кардинал, великий кардинал, гениальный человек, которого все уважают.

Как ни ничтожно было торжество, одержанное над таким простым человеком, каков был Бонасиё, кардинал все-таки насладился им минуту; потом сейчас же, как будто в уме его промелькнула новая мысль, на губах его появилась улыбка и, протягивая руку лавочнику, он сказал:

- Встаньте, друг мой, вы честный малый.
- Кардинал дотронулся до моей руки! Я дотронулся до руки великого человека! вскричал Бонасиё. – Великий человек назвал меня своим другом!

– Да, друг мой, да! сказал кардинал отеческим тоном, который он иногда принимал, но которым он обманывал только тех, кто не знал его. – Так как вас подозревали напрасно, следовательно вам нужно удовлетворение, то возьмите этот кошелек, с сотнею пистолей, и извините меня.

– Мне извинить вас! сказал Бонасиё. не решаясь взять кошелек, вероятно опасаясь, что этот предлагаемый подарок только шутка. – Но вы могли арестовать меня, вы можете подвергнуть меня пытке, повесить меня, вы властелин, я не смел бы сказать ни слова. Вас извинить! Помилуйте, что вы говорите!

– Ах, любезный мой Бонасиё, я вижу вы великодушны, и благодарю вас за это. Итак, вы возьмете этот кошелек и уйдете не совсем

недовольным.

– Я ухожу в восторге.

– Прощайте же, или, лучше сказать, до свидания, потому что я надеюсь, что мы увидимся.

– Когда вам будет угодно; я всегда готов к вашим услугам.

– Будьте спокойны, мы будем часто видеться, потому что я нахожу чрезвычайное удовольствие в вашей беседе.

– О! ваша эминенция!

– До свидания, г. Бонасиё, до свидания.

Кардинал сделал ему знак рукой, на который Бонасиё отвечал поклоном до земли и вышел, пятась назад. Когда он проходил чрез переднюю, то кардинал слышал, как он с восторгом кричал: да здравствует его эминенция! да здравствует великий кардинал! Кардинал выслушал с улыбкой восторженное излияние чувств Бонасиё, потом, когда крики его постепенно исчезли вдали, он сказал:

– Это хорошо, теперь этот человек готов умереть за меня. Кардинал начал с величайшим вниманием рассматривать карту ла-Рошели, разложенную, как мы уже сказали, на его письменном столе, чертя карандашом линию, где должна была пройти знаменитая плотина, которою полтора года спустя заперта была гавань осажденного города.

Когда он был вполне погружен в эти стратегические соображения, дверь снова отворилась и вошел Рошфор.

– Ну, что? спросил кардинал, вставая с места с живостью, доказывавшею степень важности, которую он придавал поручению, возложенному на графа.

– Действительно, отвечал он, – молодая женщина двадцати шести или двадцати восьми лет и мужчина тридцати пяти или сорока лет жили, – один четыре дня, другая пять в тех домах, о которых вы говорили; но женщина уехала сегодня ночью, а мужчина утром.

– Это они! сказал кардинал, смотря на часы. – И теперь, продолжал он, – уже поздно догонять их: герцогиня уже в Туре, а герцог в Булони. Надо настигнуть их в Лондоне.

– Какие будут ваши приказания?

– Ни слова о том, что произошло; надо, чтобы королева была совершенно спокойна; чтоб она не знала, что нам известна ее тайна, пусть она думает, что мы преследуем какой-нибудь заговор. Пошлите ко мне канцлера Сегие.

– А что вы сделали с этим человеком?

– С каким? спросил кардинал.

– С Бонасиё?

– Всё что было возможно. Я сделал из него шпиона жены его.

Граф Рошфор поклонился, как человек, глубоко сознающий превосходство своего господина, и вышел.

Оставшись один, кардинал снова сел, написал письмо, запечатал его своею собственною печатью и позвонил.

Офицер вошел в четвертый раз.

Позовите ко мне Витре, сказал он, – и скажите, чтоб он приготовился в дорогу.

Минуту спустя, человек, которого он требовал, стоял перед ним, в сапогах со шпорами.

– Витре, сказал кардинал, – вы поедете немедленно в Лондон. Не останавливайтесь в дороге ни на минуту. Вы отдадите это письмо миледи. Вот вам предписание о выдаче двухсот пистолей, подите к моему казначею и велите выдать их вам. Вы получите столько же, если возвратитесь назад через шесть дней и хорошо исполните мое поручение.

Курьер, не говоря ни слова, поклонился, взял письмо и предписание о двухстах пистолей и вышел.

Вот в чем состояло письмо:

«Миледи.

Будьте на первом бале, где будет герцог Бокингем. У него на камзоле будет двенадцать бриллиантовых наконечников, подойдите к нему и отрежьте два из них. Когда эти наконечники будут в ваших руках, уведомьте меня.»

XV. Приказные и военные

На другой день после этих происшествий Атос не являлся, д'Артаньян и Портос уведомили об этом де-Тревиля. Что касается до Арамиса, то он взял отпуск на пять дней и был в Руане, как говорили, по семейным делам.

Де-Тревиль был отцом своих солдат. Самый незначительный и неизвестный из них, лишь только надевал мундир его роты, мог быть уверен в его помощи и опоре, как бы его родной брат.

Он сейчас же отправился к главному уголовному судье. Позвали офицера, начальствовавшего над постом Красного Креста и после продолжительных расспросов узнали, что Атос был на время помещен в Фор л'Евек.

Атос прошел чрез все те испытания, которые перенес Бонасиё.

Мы говорили об очной ставке обоих пленников. Атос, чтобы дать время д'Артаньяну, до сих пор ничего не говорил и теперь только объявил, что его звали Атосом, а не д'Артаньяном.

Он прибавил, что не знал ни господина, ни госпожи Бонасиё, что никогда не говорил ни с тем, ни с другим; что он пришел около десяти часов вечера навестить друга своего д'Артаньяна, а до этого часа был у де-Тревиля, где и обедал; двадцать свидетелей, говорил он, — могли подтвердить истину, и назвал многих известных дворян, между прочими герцога де-ла-Тремуля.

Второй комиссар был озадачен не меньше первого простым и бойким объяснением мушкетера; ему, как гражданскому чиновнику, очень хотелось бы обвинить военного; но имена де-Тревиля и герцога де-ла-Тремуля заставили его задуматься.

Атос был также отправлен к кардиналу; но, к несчастью, кардинал был в Лувре у короля. Это было именно в то время, когда де-Тревиль, побывав у главного уголовного судьи и у губернатора Фор л'Евека и не найдя Атоса, пришел к его величеству.

Как капитан мушкетеров, де-Тревиль мог во всякое время свободно являться к королю.

Известно, что король был сильно предубежден против королевы, и что кардинал, не доверявший в своих интригах гораздо больше женщинам чем мужчинам, искусно поддерживал эти предубеждения. Одною из главнейших причин этого предубеждения была дружба королевы с г-жею де-Шеврёз. Эти две женщины беспокоили его больше чем войны с

Испанией, распри с Англией и расстройство финансов. Он был убежден, что г-жа де-Шеврёз служила королеве не только в политических, но и в любовных ее интригах, что его всего больше мучило.

При первых словах кардинала о том, что г-жа де-Шеврёз, изгнавшая в Тур, приезжала тайно в Париж, где пробыла пять дней, и полиция не знала об этом, король пришел в ужасный гнев.

Капризный и неверный король хотел, чтобы его называли Людовиком Справедливым и Целомудренным. Потомству не легко понять этот характер, объясняемый в истории только фактами, а не рассуждениями.

Но когда кардинал прибавил, что не только г-жа де-Шеврёз была в Париже, но что притом королева снова вступила в сношения с нею посредством переписки, которую тогда называли кабалистикой когда он доказывал, что он, кардинал, начинал распутывать самые тайные пути этой интриги, и в ту самую минуту, когда можно было арестовать на месте преступления, гири очевидных доказательствах лазутчика, поддерживавшего сношения королевы с изгнанницей, какой-то мушкетер осмелился насильственно помешать ходу правосудия, бросившись со шпагою в руке на честных людей, на которых возложена была законом обязанность беспристрастно исследовать дело, чтобы доложить о нем королю. Людовик XIII не мог более удержаться; он хотел уже идти к королеве, бледный, в сильном негодовании, которое иногда доводило этого принца до самой холодной жестокости.

И между тем кардинал не сказал еще ни слова о герцоге Бокингеме.

В это время вошел де-Треви́ль, хладнокровный, вежливый, в мундире безукоризненной чистоты.

Предугадывая по присутствию кардинала и по расстроенному лицу короля все что между ними происходило, де-Треви́ль почувствовал себя сильным как Самсон перед Филистимлянами.

Людовик XIII уже дотронулся до ручки дверей, но услышав, что вошел де-Треви́ль, он обернулся.

— Вы пришли кстати, сказал король, который не умел притворяться, когда страсти его достигали известной степени: — я узнал прекрасные вещи о ваших мушкетерах.

— А я имею сообщить вашему величеству прекрасные вещи о гражданских чинах, сказал хладнокровно де-Треви́ль.

— Что вам угодно? сказал король высокомерно.

— Имею честь сообщить вашему величеству, продолжал де-Треви́ль тем же тоном, что приказные и полицейские люди очень почтенные, но, как кажется, очень раздраженные против мундира, позволили себе арестовать в

доме, вывесить на улицу и отправить в Фор л'Евек, все по предписанию, которое не хотели мне показать, одного из моих, или лучше сказать ваших, государь, мушкетеров, безукоризненного поведения, почти знаменитой репутации, известного вашему величеству с хорошей стороны, г-на Атоса.

– Атоса, сказал машинально король; да, действительно, это имя мне известно.

– Припомните, ваше величество, сказал де-Тревиль, что Атос, это тот самый мушкетер, который в известной вам неприятной дуэли имел несчастье тяжело ранить Кагюзака; кстати, продолжал он, обращаясь к кардиналу, кажется, Кагюзак совершенно выздоровел.

– Благодарю, сказал кардинал, сжимая губы от гнева.

– Атос пришел навестить одного из своих друзей, продолжал де-Тревиль, молодого беарнца, служащего в гвардии вашего величества в роте Дезессара; но только что он успел войти к другу своему и, не застав его дома, взял в ожидании его книгу, как толпа полицейских служителей и солдат осадили дом, проломив несколько дверей...

Кардинал сделал королю знак, которым хотел сказать: это по тому делу, о котором я вам говорил.

– Я знаю это всё, сказал король, потому что всё это было сделано по моему приказанию.

– Следовательно, сказал де-Тревиль, по приказанию вашего величества схватили и одного из моих мушкетеров, совершенно невинного, и, среди наглой черни, в сопровождении двух гвардейцев, как злодеи, водили этого благородного молодого человека, проливавшего десять раз кровь свою за ваше величество и готового всегда проливать её.

– Как! сказал тронутый король, – разве так было дело?

– Г. де-Тревиль не говорил, сказал кардинал с величайшим спокойствием, – что этот невинный мушкетер, этот благородный молодой человек за час перед тем, напал со шпагою на четверых комиссаров, которым дано было мною предписание исследовать чрезвычайно важное дело.

– Я сомневаюсь, чтобы вы могли доказать это, сказал де-Тревиль с своею гасконской откровенностью и военною резкостью, – потому что за час перед тем, Атос, который, как доложу вашему величеству, человек самой знатной фамилии, отобедал у меня, и потом разговаривал с герцогом де-ла-Тремулем и графом де-Шалю, бывшими также в то время у меня.

Король посмотрел на кардинала.

– Протокол служит доказательством, отвечал кардинал на немой вопрос короля, – а избитые мушкетером люди составили протокол, который

имею честь представить вашему величеству.

– Стоит ли протокол приказного честного слова военного? отвечал гордо де-Тревиль.

– Замолчите, Тревиль, сказал король.

– Если г. кардинал имеет подозрение против одного из моих мушкетеров, сказал де-Тревиль, то справедливость кардинала так известна, что я сам прошу произвести следствие.

– В том доме, где произошла эта сцена, продолжал хладнокровно кардинал, – живет, кажется, один беарнец, друг мушкетера.

– Вы подразумеваете д'Артаньяна.

– Я говорю о молодом человеке, которому вы покровительствуете, г. де-Тревиль.

– Да, это справедливо.

– Не подозреваете ли вы, что этот молодой человек давал дурные советы...

– Атосу, человеку вдвое старше его? сказал Де-Тревиль, – нет; притом же д'Артаньян провел вечер у меня.

– А! сказал кардинал, кажется, все были вечером у вас?

– Вы сомневаетесь в моих словах? сказал Де-Тревиль, краснея от гнева.

– Нет, сохрани Бог! сказал кардинал, но только скажите, в котором часу он был у вас?

– О! это я могу сказать вам наверное, потому что когда он пришел ко мне, я посмотрел на часы, было половина десятого, хотя я думал, что уже было позже.

– А в котором часу он вышел из вашего отеля?

– В половине одиннадцатого, часом позже этого происшествия.

– Наконец, отвечал кардинал, и минуты не сомневавшийся в правдивости де-Тревиля, и чувствуя, что терял верх в споре, – Атос был взят в этом доме в улице Могильщиков?

– Разве запрещается другу навестить друга? мушкетеру моей роты быть в братских отношениях с гвардейцем роты Дезессара?

– Да, когда дом, где живет друг его, находится в подозрении.

– Этот дом в подозрении, Тревиль, сказал король, – может быть, вы этого не знали?

– Действительно, государь, я этого не знал. Во всяком случае он может быть в подозрении весь, кроме той части, в которой живет д'Артаньян, потому что я могу сказать утвердительно, если верить его словам, что это самый преданнейший слуга вашего величества и самый глубочайший

почитатель кардинала.

– Не этот ли д'Артаньян однажды ранил Жюссака при несчастной встречи у монастыря Кармелиток? спросил король, взглянув на кардинала, покрасневшего с досады.

– И на другой день Бернажу. Да, да, государь, это он: у вашего вѣличества хорошая память.

– Ну, чем же мы решим? сказал король.

– Это касается больше вашего вѣличества чем меня, сказал кардинал. – Я утверждаю, что арестованный виноват.

– А я отвергаю это, сказал де-Тревиль. – Но у его вѣличества есть судьи, пусть они решат.

– Это правда, сказал король, – передадим дело судьям, и пусть они рассудят.

– Только очень жаль, сказал де-Тревиль, – что в наши несчастные времена самая честная жизнь, самая неоспариваемая добродетель не охраняет человека от позора и гонения. Я вам ручаюсь, что армия не будет довольна, если ее будут подвергать таким притеснениям из-за какого-нибудь полицейского дела.

Это было сказано неосторожно; но де-Тревиль сказал это с намерением. Ему хотелось взрыва, потому что при взрыве бывает огонь, а огонь освещает.

– Из-за какого-нибудь полицейского дела! вскричал король, повторяя слова де-Тревиля; – имеете ли вы об этих делах понятие? Знайте своих мушкетеров и не бесите меня. По-вашему, если по несчастию арестуют одного мушкетера, то вся Франция в опасности. Сколько шума из-за одного мушкетера! Я велю арестовать десятерых из них, черт возьми! сотню! всю роту! и не хочу слышать ни слова.

– Если только мушкетеры находятся в подозрении у вашего вѣличества, то они уже виноваты, и я готов отдать вам мою шпагу, потому что после обвинения солдат моих, я не сомневаюсь, что кардинал обвинит и меня; так лучше же я сдамся пленным вместе с Атосом, уже арестованным, и д'Артаньяном, которого конечно арестуют.

– Перестанете ли вы, гасконская голова? сказал король.

– Государь, сказал де-Тревиль, нисколько не понижая голоса, – прикажите возвратить мне моего мушкетера, или пусть его судят.

– Его будут судить, сказал кардинал.

– Тем лучше; в таком случае я попрошу позволения его вѣличества защищать его в суде.

Король боялся взрыва.

– Если кардинал, сказал он, – не имеет личных побуждений...

Кардинал предупредил короля.

– Извините, сказал он. – Если ваше величество видите во мне предубежденного судью, то я отказываюсь.

– Послушайте, сказал король, – клянетесь ли вы мне именем моего отца, что Атос был у вас во время происшествия и не участвовал в нем?

– Клянусь вашим славным отцом, вами самим, которого я люблю и уважаю больше всего на свете.

– Подумайте, государь, сказал кардинал: – если мы отпустим пленного, нельзя будет узнать правды.

– Атос всегда будет готов к ответу, когда приказным угодно будет допрашивать его, сказал де-Тревиль. – Он не убежит, кардинал, будьте спокойны, я отвечаю за него.

– В самом деле он не убежит, сказал король; – его всегда найдут, как говорит де-Тревиль. Притом же, сказал он, понижая голос, и с умоляющим видом смотря на кардинала, – мы этим дадим им повод быть беспечными: это политика.

Такая политика Людовика XIII заставила Ришельё улыбнуться.

– Приказывайте, государь, сказал он, – вы имеете право миловать.

– Право помилования прилагается только к виновным, сказал де-Тревиль, настаивавший на своем, – а мой мушкетер невинен. Вы, государь, окажете не милость, а правосудие.

– Он в Фор л’Евеке? сказал король.

– Да, государь, и в секретной тюрьме, как последний из преступников.

– Черт возьми! сказал король, – что же делать?

– Подпишите приказ об его освобождении, вот и все тут, сказал кардинал; я думаю так же, как и ваше величество, что поручительства г. де-Тревиля совершенно достаточно.

Де-Тревиль почтительно поклонился, с радостью, не без примеси страха; он предпочел бы упрямое сопротивление кардинала этой внезапной уступчивости.

Король подписал указ об освобождении Атоса, и де-Тревиль немедленно унес его.

Когда он выходил, кардинал дружески улыбнулся ему и сказал королю:

– У ваших мушкетеров между начальниками и солдатами существует прекрасная гармония, государь; это хорошо для службы и заставляет уважать их всех.

«Он непременно сделает мне какую-нибудь неприятность, сказал про себя де-Тревиль; – его никогда не переспоришь. Но надо поспешить: король

может сейчас же переменить мнение; и притом все-таки труднее посадить снова человека в Бастилию или в Фор л'Евек, чем удержать пленника, который уже там сидит.

Де-Тревиль торжественно вошел в Фор л'Евек и освободил мушкетера, которого не покидало его спокойное равнодушие.

Потом при первом свидании с д'Артаньяном он сказал ему: вы прекрасно ускользнули, это вам награда за удар шпаги Жюссаку. Правда, остается еще за Бернажу, но не слишком полагайтесь на это.

Де-Тревиль был прав, не доверяя кардиналу и думая, что не все еще кончено, потому что как только капитан мушкетеров затворил за собою дверь, кардинал сказал королю:

— Теперь, когда мы вдвоем, то поговорим серьезно, если угодно вашему величеству, государь. Бокингем был в Париже пять дней и уехал только сегодня утром.

XVI. Канцлер Сегие

Невозможно представить себе, какое впечатление произвели эти слова на Людовика XIII. Он то краснел, то бледнел, и кардинал тотчас заметил, что снова приобрел верх над ним.

– Бокингем в Париже! сказал король. – Что же он здесь делает?

– Без сомнения, составляет заговор с врагами вашими, гугенотами и Испанцами.

– Нет, нет! Он составляет заговор против чести моей с г-жей де-Шеврёз, г-жей де-Лонгвиль и Конде!

– О, государь, какая мысль! Королева слишком благоразумна, и главное, слишком любит ваше величество.

– Женщина слаба, г. кардинал, сказал король; – а что касается до любви ее ко мне, то я знаю уже эту любовь.

– Все-таки я утверждаю, сказал кардинал, – что герцог Бокингем приезжал в Париж по причине чисто политической.

– А я уверен, что он приезжал совсем по другой причине, г. кардинал; и если королева виновна, то горе ей!

– Впрочем, сказал кардинал, – как ни неприятно мне подумать о подобной измене, но ваше величество наводите меня на эту мысль: г-жа де-Ляннуа, которую, по приказанию вашего величества, я допрашивал несколько раз, сказала мне сегодня утром, что в предпрошедшую ночь ее величество легла спать очень поздно, что сегодня утром она много плакала, и что она весь день писала.

– Ну, так, сказал король: – это, без сомнения, к нему. Кардинал, я хочу иметь бумаги королевы.

– Но как взять их, государь? Мне кажется, что ни я, ни ваше величество не может взять на себя подобного поручения.

– Как поступили с женой маршала д'Анкр? вскричал король в сильном гневе: – обыскали ее шкафы, наконец обыскали ее самое.

– Жена маршала д'Анкр была, государь, не больше как Флорентинская искательница приключений, между тем как августейшая супруга вашего величества, Анна Австрийская, королева Франции, т. е. одна из величайших принцесс на свете.

– Тем больше ее вина, герцог! Чем больше она забыла свое высокое положение, тем ниже упала. Впрочем я давно уже решил покончить со всеми этими интригами, политическими и любовными. У нее есть какой-то

ла-Порт.

– Которого, признаюсь, я считаю главным действующим лицом во всем этом, сказал кардинал.

– Так вы думаете также, что она меня обманывает? спросил король.

– Я думаю и повторяю вашему величеству, что королева составляет заговор против власти своего короля, но не против чести его.

– А я говорю вам, что против того и другого, я говорю вам, что королева не любит меня, что она любит другого, что она любит этого низкого Бокингема! Отчего вы не арестовали его, когда он был в Париже?

– Арестовать герцога! арестовать первого министра короля Карла I! Подумали ли вы, государь? Сколько было бы шуму! И если бы подозрения вашего величества насколько-нибудь оправдались, в чем я все-таки сомневаюсь, какой был бы скандал!

– Но так как он вел себя как бродяга и вор, то надо было...

Людовик XIII не договорил, испугавшись сам того что хотел сказать, между тем как Ришельё, вытянув шею, бесполезно ожидал слова, которого король не сказал.

– Надо было?...

– Ничего, сказал король, – ничего. Но в то время, пока он был в Париже, вы не теряли его из виду?

– Нет, государь.

– Где он жил?

– В улице ла-Гарп, № 75.

– Где это?

– Возле Люксембурга.

– И вы уверены, что он не видался с королевой?

– Я полагаю, что королева слишком уважает свои обязанности, государь.

– Но у них была переписка: это к нему королева писала целый день. Герцог, я хочу иметь эти письма.

– Но, государь...

– Герцог, я хочу их иметь, чего бы это ни стоило.

– Позвольте заметить вашему величеству...

– Разве вы тоже изменяете мне, г. кардинал, что вы всегда противитесь моей воле? Разве вы тоже в союзе с Испанцами и Англичанами, с г-жей де-Шеврёз и с королевой?

– Государь, отвечал со вздохом кардинал. – Кажется, я не подал повода к подобному подозрению.

– Вы слышали, кардинал, я хочу иметь эти письма?

- Есть одно только средство.
- Какое?
- Поручить это канцлеру Сегие. Это совершенно относится к обязанностям его звания.
- Послать за ним сейчас же!
- Он должен быть у меня, государь; я посылал за ним, и уходя в Лувр приказал просить его подождать, если он придет.
- Пошлите за ним сейчас же!
- Приказание вашего величества будет исполнено, но...
- Но что?
- Но королева, может быть, не захочет повиноваться.
- Моему приказанию?
- Да, если она не будет знать, что это приказание короля.
- Хорошо! Чтоб она не сомневалась, я сам предупрежу ее.
- Ваше величество не забудете, что я сделал все что мог, чтобы предупредить разрыв.
- Да, герцог, я знаю, что вы очень снисходительны к королеве, может быть даже слишком снисходительны, и мы об этом поговорим после.
- Когда угодно будет вашему величеству; но я всегда буду счастлив тем, государь, что приношу себя в жертву доброму согласию, которое всегда желаю видеть между вами и королевой Франции.
- Хорошо, кардинал, хорошо, пошлите же за канцлером, а я пойду к королеве.

И Людовик XIII пошел в коридор, соединявший его кабинет с комнатами Анны Австрийской.

У королевы были в это время придворные дамы ее: г-жа де-Гито, г-жа де-Сабле, г-жа де-Мопбазои и г-жа де-Гемене. В одном углу сидела испанская горничная ее, донна Естефана, следовавшая за ней из Мадрида. Г-жа де-Гемене читала; все слушали ее со вниманием, кроме королевы, которая нарочно устроила это чтение, чтобы, притворяясь слушающею, можно было мечтать на свободе.

Мысли ее, украшенные последним отблеском любви, все-таки были печальны. Анна Австрийская, лишившаяся доверенности своего мужа, преследуемая ненавистью кардинала, не могшего простить ей, что она отвергла нежные чувства его, имея перед глазами пример королевы матери, которую ненависть эта мучила во всю жизнь ее, хотя Мария Медичи, если верить запискам того времени, сначала питала к кардиналу то чувство, в котором Анна Австрийская всегда ему отказывала. Анна Австрийская видела как падали один за другим самые преданные слуги ее, самые

искренние советники, самые дорогие любимцы. Она как будто обладала пагубным свойством приносить несчастье всему, к чему прикасалась; Дружба ее была роковым знаком, вызывавшим преследование. Г-жи де-Шеврёз и де-Верне были изгнаны, наконец ла-Порт не скрывал от своей госпожи, что он с часу на час ожидал что его арестуют.

В то время когда королева была погружена в самые мрачные мысли, дверь отворилась и вошел король.

Чтение тотчас прекратилось, все дамы встали, и наступило глубокое молчание.

Король не сделал никакого приветствия и, становясь перед королевой, сказал ей нетвердым голосом:

– К вам придет канцлер и сообщит вам то, что я ему поручил.

Несчастливая королева, которой беспрестанно угрожали разводом, изгнанием и даже судом, побледнела под румянами и не могла удержаться, чтобы не спросить:

– Зачем же он придет, государь? Что такое скажет мне канцлер, чего ваше величество не можете сказать мне сами.

Король, не отвечая, повернулся на пятках, и почти в ту же минуту капитан гвардии Гито объявил о приходе канцлера.

Когда канцлер вошел, король вышел уже чрез другую дверь.

Канцлер вошел, полу-улыбаясь, полу-краснея. Так как мы, вероятно, не раз еще встретим его в продолжении этой истории, то не худо познакомить с ним читателей.

Этот канцлер был большой забавник. Де-Рош ла-Масль игумен Нотр-Дамской церкви, бывший некогда камердинером кардинала, рекомендовал Сегие кардиналу, как человека вполне ему преданного. Кардинал поверил ему и не жалел об этом.

Сделавшись канцлером, он ревностно служил кардиналу в ненависти его к королеве матери и мщении против Анны Австрийской, поощрял судей в деле Шале; наконец, обладая полною доверенностью кардинала, так хорошо им заслуженной, он достиг того, что на него возложили странное поручение, для исполнения которого он явился теперь к королеве.

Королева стояла еще, когда он вышел, но как только она его заметила, села опять на кресло, сделав знак своим дамам, чтобы они сядились на свои подушки и табуреты, и гордо спросила его:

– Что вам угодно, зачем вы явились сюда?

– Чтобы сделать, по приказанию короля и совсем уважением, которым я обязан вашему величеству, подробный обыск в ваших бумагах.

– Как! обыск в моих бумагах? но это низко!

– Извините меня, я в этом случае только орудие короля. Разве его величество не был здесь сейчас и не просил вас приготовиться к этому обыску?

– Обыскивайте; кажется, меня считают преступницей; Естепана, дайте ключи от моих столов.

Канцлер для соблюдения Формы осмотрел столы, но он знал, что не в столе королева спрятала важное письмо, написанное ею в тот день.

Перерывая по двадцати раз все ящики столов, канцлер, при всей его нерешительности, должен был наконец покончить дело, т. е, обыскать саму королеву. Он подошел к Анне Австрийской и с большим смущением сказал ей:

– Теперь мне остается сделать самое главное разыскание.

– Какое? спросила королева, не понимавшая, или не хотевшая понять, в чем было дело.

– Его величество уверен, что вы сегодня писали письмо; ему известно, что оно не было отослано. Письма этого нет ни в котором столе, между тем оно должно быть где-нибудь.

– Неужели вы осмелитесь поднять руку на вашу королеву? сказала Анна Австрийская, выпрямляясь во весь рост и устремив на канцлера угрожающий взгляд.

– Я верный подданный короля, государыня, и сделаю все, что его величество прикажет.

– Да, это правда, сказала Анна Австрийская, шпионы кардинала донесли ему верно. Я писала сегодня письмо и это письмо не отправлено. Оно здесь! И королева показала рукой на свой корсаж.

– Дайте же мне это письмо, сказал канцлер.

– Я отдам его только королю, сказала Анна.

– Если бы король хотел, чтобы оно отдано было ему, то он сам спросил бы его у вас. Но, повторяю вам, что он поручил мне просить его у вас, и если вы не отдадите его мне...

– Ну?

– То он поручил мне взять его.

– Как, что вы хотите сказать?

– Что мне разрешено отыскать подозрительную бумагу, если бы пришлось даже беспокоить особу вашего величества.

– Какой ужас, вскричала королева.

– Так не угодно ли вам, государыня, отдать его добровольно.

– Но это низкое насилие!

– Приказание короля, извините меня.

– Я этого не позволю, нет, нет; лучше смерть! вскричала гордая королева, и кровь ее вскипела.

Канцлер низко поклонился, потом с явным намерением не отступить ни на шаг в исполнении возложенного на него поручения, он подошел к Анне Австрийской, в глазах которой показались слезы.

Королева, как мы сказали, была прекрасна. Поручение было опасное; но король до такой степени ревновал королеву к Бокингему, что не думал уже ревновать к кому-нибудь другому.

Сегие решился на все и протянул руку к тому месту, где, по признанию королевы, находилось письмо.

Анна Австрийская, бледная как мертвец, отступила на один шаг назад и, опираясь левою рукой на стоявший за ней стол, чтобы не упасть; она вынула правую рукой письмо из-за корсажа и протянула его канцлеру.

– Возьмите, вот письмо, сказала она дрожащим голосом, возьмите его и освободите меня от вашего ненавистного присутствия.

Канцлер, дрожавший от волнения, взял письмо, поклонился до земли и вышел.

Едва только дверь за ним затворилась, как королева, почти без чувств, упала на руки своих дам.

Канцлер отнес письмо королю, не прочитав ни одного слова. Король взял его дрожащею рукой, и искал адреса; но его не было; он побледнел, медленно открыл его, потом, увидя из первых слов, что оно было писано к Испанскому королю, быстро прочитал.

В нем был целый план атаки на кардинала. Королева просила брата своего и императора Австрийского, недовольных политикой Ришельё, главною мыслию которого было унижение Австрийского дома, объявить войну Франции и условием мира поставить удаление кардинала; но о любви во всем письме не было ни слова.

Обрадованный король спросил, ушел ли кардинал из Лувра. Ему сказали, что он в рабочем кабинете ожидает приказа его величества.

Король тотчас пошел к нему.

– Герцог, сказал он, вы правы, я ошибся; вся эта интрига политическая и в письме нет ни слова о любви, а зато есть много о вас. Вот оно.

Кардинал взял письмо и прочитал его с величайшим вниманием; окончив, он еще раз прочитал его.

– Вот, ваше величество, сказал он, вы видите, до чего дошли мои враги: вам угрожают двумя войнами, если вы меня не удалите. На вашем месте, государь, я уступил бы таким настойчивым требованиям, и я с своей стороны с истинным удовольствием удалился бы от дел.

– Что вы там говорите, герцог?

– Я говорю, государь, что я теряю здоровье в этой постоянной борьбе и в вечной работе. Я говорю, что, по всей вероятности, я не перенесу трудов осады ла-Рошели, и что лучше бы было, если бы вы назначили туда или Конде, или Бассомпиера, или кого-нибудь из военных, а не меня: я принадлежу церкви и меня отвлекают беспрестанно от моего призвания и заставляют заниматься такими делами, к которым я вовсе не способен. Вы были бы без меня счастливее во внутренних делах, государь, и без сомнения приобрели бы больше славы во внешних.

– Понимаю, герцог, будьте спокойны, сказал король; те, кто назван в этом письме, будут наказаны, как они заслуживают того, и сама королева также.

– Что вы говорите, государь? Сохрани Бог, если из-за меня королева будет иметь хотя малейшую неприятность! она всегда считала меня своим врагом, государь, хотя ваше величество можете засвидетельствовать, что я всегда горячо принимал ее сторону, даже против вас. Вот если б она изменила вашему величеству в отношении чести, это другое дело, тогда я первый сказал бы: «Не жалейте, государь, не жалейте виновную!» К счастью, этого нет и ваше величество получили новое доказательство этого.

– Это справедливо, кардинал, сказал король, вы были правы как всегда; но королева все-таки заслуживает полного гнева моего.

– Вы сами, государь, подверглись ее гневу, и если бы она серьезно побранила ваше величество, я не удивился бы: ваше величество строго с ней поступили.

– Так я всегда буду поступать с моими врагами и с вашими, герцог, как бы они высоко ни стояли и какой бы опасности я не подвергался, действуя с ними строго.

– Королева мой враг, но не ваш, государь; напротив она преданная, покорная и безукоризненная супруга; позвольте же мне, государь, заступиться за нее перед вашим величеством.

– Ну, пусть она первая сделает шаг к примирению.

– Напротив, государь, вы дайте пример; Вы первые были не правы, потому что подозревали королеву.

– Мне первому начать! сказал король, – никогда!

– Государь, умоляю вас.

– Да и как же я начну первый?

– Сделайте то, что наверное было бы ей приятно.

– Что?

– Дайте бал; вы знаете, как королева любит танцы; я отвечаю вам, что

гнев ее пройдет, если вы покажете такое внимание.

– Кардинал, вы знаете, как я не люблю все светские удовольствия.

– Тем больше королева будет вам за это признательна, потому что ей известно нерасположение ваше к этому удовольствию; притом это будет для нее случай надеть те прекрасные бриллианты, которые вы подарили ей когда-то в день ее ангела, и которых она еще ни разу не надевала.

– Увидим, кардинал, увидим, сказал король, который на радости, что королева оказалась виновною в преступлении, мало его занимавшем, и невиновною в том, которого он очень боялся, совершенно готов был помириться с ней. – Увидим, но, право, вы слишком снисходительны.

– Государь, сказал кардинал, предоставьте строгость министрам, снисхождение есть добродетель королей, окажите его и вы увидите, что не будете жалеть об этом.

Затем кардинал, услышав, что било одиннадцать часов, низко поклонился, прося у короля позволения уйти и умоляя его помириться с королевой.

Анна Австрийская, ожидавшая, по случаю отнятого у нее письма, каких-нибудь упреков, была очень удивлена, когда увидела на другой день, что король делает попытки к примирению с ней. Первая мысль ее была не соглашаться; гордость женщины и достоинство королевы были так глубоко оскорблены в ней, что она не могла так скоро этого забыть; но убежденная советами своих придворных дам, она показала наконец вид, что начинает забывать обиду. Король воспользовался первым признаком согласия на примирение, чтобы сказать ей, что в скором времени он предполагает дать праздник.

Праздник был такою редкостью для Анны Австрийской, что при объявлении об этом, как предсказывал кардинал, последние следы гнева исчезли, если не из сердца ее, то по крайней мере с лица. Она спросила, когда будет этот праздник; но король отвечал, что ему надо условиться об этом с кардиналом.

В самом деле, король каждый день спрашивал кардинала, когда будет назначен праздник, и каждый день кардинал под каким-нибудь предлогом откладывал назначение дня. Так прошло десять дней.

На восьмой день после описанной нами сцены кардинал получил из Лондона письмо, заключавшее в себе только следующие слова:

«Они у меня; но я не могу выехать из Лондона, потому что у меня нет денег; пришлите мне пятьсот пистолей и через четыре дня по получении их я буду в Париже».

В тот день, когда кардинал получил письмо, король обратился к нему с

обыкновенным вопросом о празднике.

Ришельё начал считать по пальцам и говорить про себя:

– Она говорит, что приедет через четыре или пять дней по получении денег; надо четыре или пять дней, пока деньги дойдут, потом четыре или пять дней ей на дорогу, итого десять дней; да если принять в расчет противные ветры, несчастные случаи, женскую слабость, то всего наберется двенадцать дней.

– Ну, герцог, спросил король, сосчитали?

– Да, государь, сегодня у нас 20 сентября; городские старшины дают праздник 3 октября. Это будет чудесно, потому что не будет и вида, что вы ищите примирения с королевой.

Потом кардинал прибавил:

«Кстати, государь, не забудьте сказать ее величеству накануне этого дня, что вы желаете видеть, как идут к ней бриллиантовые наконечники, которые вы ей подарили.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I. Семейство Бонасиё

Это уже во второй раз кардинал говорил с королем о бриллиантовых наконечниках. Людовик XIII был поражен этой настойчивостью и думал, что тут скрывается какая-нибудь тайна.

Уже несколько раз король чувствовал себя униженным тем, что полиция кардинала, хотя не достигшая совершенства новейшей полиции, была превосходна и знала лучше, чем он сам, все что делалось в его семействе. А потому ему хотелось узнать что-нибудь из разговора с Анной Австрийской и, возвратясь к кардиналу, сообщить ему тайну, что должно было возвысить короля в глазах его министра.

Он пошел к королеве и, по обыкновению, начал разговор угрозами окружавшим его. Анна Австрийская опустила голову, дала ему высказать все, не отвечая и ожидая, пока он кончит; но не того хотел Людовик XIII, убежденный, что кардинал имел заднюю мысль и готовил ему ужасный сюрприз, как он умел это делать. Людовик XIII хотел иметь с ней разговор, который объяснил бы ему сколько-нибудь это дело. Продолжая настойчиво разговор, он достиг своей цели.

Анна Австрийская, утомлена пустыми нападками, сказала: государь, вы говорите мне не все что у вас на сердце. Что же я сделала? какое преступление? Не может быть, чтобы ваше величество подняли этот шум из-за письма, написанного моему брату.

Король, пораженный в свою очередь этими словами, не знал, что отвечать, и ему пришло на мысль сказать теперь о том, о чем он не должен бы был говорить раньше как накануне праздника. Он сказал ей с величием:

– Скоро будет бал в ратуше; я слышал, что, желая сделать честь нашим почтенным старшинам, вы явитесь там в парадном платье, и главное, с бриллиантовыми наконечниками, которые я подарил вам в именины.

Вот мой ответ.

Ответ был ужасен. Анна Австрийская думала, что Людовик XIII знал все и что только по настоянию кардинала скрывал это семь или восемь дней, хотя скрытность была в его характере. Она очень побледнела, оперлась на столик чудно красивою рукой, походившей в эту минуту на восковую, испуганными глазами смотрела на короля и не говорила ни слова.

– Понимаете? сказал король, наслаждавшийся ее полным недоумением, которого причины он не понимал.

– Да, государь, понимаю, прошептала королева.

– Вы будете на этом бале?

– Да.

– С наконечниками?

– Да.

Бледность королевы увеличилась, если только это было возможно; король заметил это и наслаждался ею с той холодной жестокостью, которая была самой дурной чертой его характера.

– Итак, это решено, сказал король. – Вот все, что хотел вам сказать.

– А в какой день будет этот бал? спросила Анна Австрийская.

И Людовик XIII бессознательно чувствовал, что не должен отвечать на этот вопрос, потому что королева произнесла его почти умирающим голосом.

– Очень скоро, сказал он, но я не помню хорошенько которого числа, я спрошу у кардинала.

– Так это кардинал уведомил вас об этом празднике? вскричала королева.

– Да, отвечал удивленный король. – Но к чему вы об этом спрашиваете?

– Это он советовал вам предложить мне быть с наконечниками?

– То есть...

– Это он, государь, это он!

– Хорошо, не все ли равно, – он, или я? Разве в этом приглашении есть что-нибудь преступное?

– Нет, государь.

– Так вы будете?

– Да, государь.

– Хорошо, сказал король, уходя; – хорошо, я буду надеяться.

Королева сделала реверанс, не столько из вежливости, сколько потому, что колена подгибались под ней.

Король ушел очень довольный.

– Я погибла, шептала королева, – я погибла, потому что кардинал знает все и подстрекает короля, который еще ничего не знает, но скоро также узнает все. Я погибла! Боже мой! – Она встала на колени на подушку и молилась, поддерживая голову дрожащими руками.

Действительно ее положение было ужасно. Бокингем уехал в Лондон, г-жа де-Шеврёз была в Туре. Окруженная надзором сильнее, чем когда-нибудь, королева чувствовала, что одна из ее женщин изменяла ей, но не знала, которая.

Ла-Порт не мог оставить Лувра; у нее не было ни одной души, которой бы она могла довериться.

Итак, видя угрожавшее несчастье и чувствуя себя всеми оставленною, она начала рыдать.

– Не могу ли я чем помочь вашему величеству, сказал вдруг голос, полный приятности и участия.

Королева быстро обернулась, потому что по выражению голоса нельзя было не узнать в нем голоса друга.

И точно, в одной из дверей комнаты королевы показалась хорошенькая г-жа Бонасиё: она убирала в кабинете платье и белье в то время, когда вошел король; ей нельзя было выйти, и потому она слышала все.

Королева пронзительно вскрикнула, увидев, что к ней так неожиданно вошли, потому что будучи встревожена, она не вдруг узнала женщину, данную ла-Портом.

– Не бойтесь ничего, государыня, сказала Бонасиё, выражая жестами и слезами участие в тоске королевы; я предана вашему величеству телом и душой, и как ни велико расстояние между нами, как ни мало я здесь значу, я, кажется, нашла средство выручить ваше величество из беды.

– Вы! о, небо! вскричала королева. – Посмотрите-ка на меня хорошенько; все изменяют мне. Могу ли я вам довериться?

– О, государыня, вскричала женщина, падая на колени, клянусь вам, что я готова умереть за ваше величество.

Это восклицание было сделано из глубины души и потому в справедливости его нельзя было сомневаться.

– Да, продолжала Бонасиё, – здесь есть изменники, но клянусь вам именем Пресвятой Богородицы, что никто не предан вашему величеству так, как я, Эти наконечники, которые король желает на вас видеть, отданы вами герцогу Бокингему, не так ли? Они были уложены в шкатулке розового дерева, если я не ошибаюсь? Не так ли это было?

– О, Боже мой, Боже мой, шептала королева, и зубы ее скрежетали от ужаса.

– Да, продолжала Бонасиё, – эти наконечники нужно достать.

– Без сомнения нужно, сказала королева; – но что сделать, чтобы достигнуть этого?

– Нужно послать кого-нибудь к герцогу.

– Но кого?... кого?... кому я могу доверять?

– Доверьте мне, государыня; сделайте мне эту честь, королева, и я найду, кого послать.

– Но нужно будет писать?

- Это необходимо. Два слова руки вашего величества и ваша печать.
- По в этих двух словах будет мое осуждение, развод, изгнание?
- Да, если они попадут в бесчестные руки.

Но я ручаюсь вам, что эти два слова будут доставлены по адресу.

– О, Боже мой! так я должна вручить вам мою жизнь, честь и доброе имя!

– Да, должны, государыня, и я спасу все это!

– Но, по крайней мере, скажите мне, как?

– Мой муж выпущен два или три дня тому назад и мне еще некогда было с ним повидаться. Он достойный и честный человек и не имеет ни к кому ни любви, ни ненависти. Он сделает все, что я захочу: он поедет по моему приказанию, не зная, что он везет и отдаст письмо вашего величества, не зная даже, что оно ваше, по адресу, который вы дадите.

Королева взяла госпожу Бонасиё за обе руки с страстным восторгом, смотрела на нее, как будто желая проникнуть в глубину ее души и, не увидев ничего, кроме искренности, в ее прекрасных глазах, нежно обняла ее и сказала:

– Сделай это и ты спасешь мне жизнь, спасешь мне честь.

– О, не увеличивайте услуги, которую я буду иметь счастье вам оказать; мне нечего спасать и вашему величеству, потому что вы жертва вероломных заговоров.

– Это правда, дитя мое, сказала королева.

– Пожалуйте же мне письмо, государыня, время не терпит.

Королева побежала к столу, на котором были чернила, бумага и перья, написала две строчки, запечатала письмо своею печатью и отдала его г-же Бонасиё.

– Да, сказала королева, мы забыли о самой необходимой вещи.

– О какой?

– О деньгах.

Бонасиё покраснела.

– Да, это правда, сказала она, и я должна признаться вашему величеству, что у моего мужа...

– Что у твоего мужа их нет, хочешь ты сказать?

– Нет, у него есть деньги, но он очень скуп. Это его недостаток. Впрочем, не беспокойтесь, ваше величество, мы найдем средство...

– Дело в том, что и у меня их нет, сказала королева (кто читал записки госпожи Моттевиль, тот не удивится этому ответу); но подожди.

Анна Австрийская побежала к своей шкатулке с драгоценностями.

– Постой, сказала она, вот перстень, как уверяют, высокой цены; он

достался мне от брата моего, короля испанского; он мой и я могу им располагать. Возьми этот перстень, обрати его в деньги и пусть твой муж едет.

– Через час все будет исполнено.

– Ты видишь адрес, прибавила королева так тихо, что едва можно было расслышать: милорду герцогу Бокингему, в Лондоне.

– Письмо будет доставлено ему лично.

– Великодушное дитя! сказала Анна Австрийская.

Бонасиё поцеловала руки королевы, спрятала письмо за пазуху и исчезла с легкостью птицы.

Через десять минут она была уже дома. Как она сказала королеве, она не успела еще видетсья с мужем после его освобождения и потому она не знала о перемене, которая в нем произошла в отношении к кардиналу. Эту перемену утвердили в нем два или три визита графа Рошфора, сделавшегося лучшим его другом. Граф уверил его без большого труда, что в похищении его жены не было ничего преступного и что это была только политическая предосторожность.

Она нашла Бонасиё одного: бедняжка с большим трудом приводил в порядок все в доме, где он нашел мебель почти изломанную и шкафы почти пустые, так как правосудие не из числа тех трех вещей, которые, по словам Соломона, не оставляют после себя следов. Служанка его убежала тотчас по арестовании своего хозяина. На бедную девушку напал такой страх, что она ушла пешком из Парижа в Бургон, свою родину.

Как только достойный торговец возвратился домой, то уведомил жену о счастливом своем возвращении; она поздравила его и отвечала, что первую свободную от занятий минуту она посвятит свиданию с ним.

Пять дней он дожидался этой свободной минуты; в других обстоятельствах это показалось бы Бонасиё очень долго; но свидание с кардиналом и дружба Рошфора дали ему множество предметов для размышлений, и известно, что ничто не сокращает так времени как размышления.

Тем более, что размышления Бонасиё представляли ему все в розовом свете. Рошфор называл его другом, любезным Бонасиё, и беспрестанно твердил ему, что кардинал его очень уважает. Торговец видел себя уже на пути почестей и счастья.

Жена Бонасиё также рассуждала; но, надо сказать, вовсе не о честолюбии; невольно мысли ее беспрестанно обращались к прекрасному молодому человеку, очень молодцеватому и, казалось, очень влюбленному. Вышедши 18-ти лет замуж за Бонасиё, она жила постоянно в кругу друзей

своего мужа, мало способных возбуждать какое-нибудь чувство в женщине, которой сердце было более возвышенно чем обыкновенно бывает в этом звании, и потому она оставалась нечувствительною к пошлым любезностям. Но особенно в это время звание дворянина имело большое влияние на сословие мещан, а д'Артаньян был дворянин; кроме того он носил гвардейский мундир, который, после мушкетерского, больше всех нравился дамам. Он был, как мы сказали, красив, молод, смел, он говорил о любви, как человек, который любит и жаждет любви; а этого слишком достаточно, чтобы вскружить голову женщине 23-х лет, какою была в это время Бонасиё.

Хотя супруги не виделись восемь дней и в эту неделю с каждым из них случились важные происшествия, но они встретились с каким-то предубеждением; впрочем Бонасиё обнаружил истинную радость и встретил жену с открытыми объятиями.

Она подставила ему лоб.

– Поговорим немножко, сказала она.

– Как? спросил удивленный Бонасиё.

– Да, мне нужно поговорить с вами о весьма важном деле.

– Да и мне нужно сделать вам несколько довольно серьезных вопросов. Объясните мне пожалуйста сколько-нибудь историю вашего похищения.

– Теперь совсем не о том речь, сказала Бонасиё.

– А о чем же? о моем заключении?

– Я узнала о нем в тот же день; но как вы не были виноваты ни в чем, даже ни в какой интриге, и как ни вы, ни кто другой не знали, за что вы были арестованы, то я не придавала этому происшествию больше важности чем оно заслуживало.

– Вы об этом очень легко говорите, возразил Бонасиё, оскорбленный недостатком участия к себе жены; знаете ли, что я на сутки был заключен в Бастилию?

– Сутки прошли скоро, и потому не будем говорить о вашем заключении, а обратимся к тому, что привело меня сюда.

– Как? что привело вас ко мне! Разве это не желание увидеться с мужем, с которым вы были разлучены восемь дней? спросил торговец, задетый за живое.

– Во-первых, оно, а потом другое дело.

– Говорите!

– Дело величайшей важности, от которого, может быть, зависит наше будущее счастье.

– Наше счастье очень переменилось с тех пор, как я вас видел, и я не удивляюсь, если через несколько месяцев многие будут нам завидовать.

– Да, особенно если вы последуете наставлениям, которые я вам дам.

– Мне?

– Да, вам. Нужно сделать доброе и святое дело и в то же время выиграть много денег.

Бонасиё знала, что, говоря мужу о деньгах, она задевала его слабую струну.

Но человек, хотя бы это был торговец, поговорив десять минут с кардиналом Ришельё, делался совсем другим человеком.

– Выиграть много денег? сказал Бонасиё с легкой улыбкой.

– Да, много.

– А сколько, около?

– Может быть, тысячу пистолей.

– По этому делу, о котором вы хотите со мной говорить, очень важно?

– Да.

– Что же нужно сделать?

– Вы поедете тотчас; я дам вам бумагу, которую вы ни под каким предлогом не выпустите из рук и отдадите по адресу в собственные руки.

– А куда я поеду?

– В Лондон.

– Я, в Лондон! Да вы шутите; мне нечего делать в Лондоне.

– Но другим нужно чтобы вы туда ехали.

– Кто эти другие? Я предупреждаю вас, что я ничего больше не буду делать наобум и что я хочу знать, не только чем, но и для кого я рискую.

– Знатная особа посылает вас и знатная особа вас ожидает; вознаграждение превзойдет ваши желания; вот все что я могу вам обещать.

– Опять интрига! все интриги! Благодарю, теперь я им не верю, и кардинал вразумил меня насчет их.

– Кардинал! вскричала Бонасиё. – Вы видели кардинала?

– Он позвал меня, отвечал гордо торговец.

– И вы были так неблагоразумны, что пошли по его приглашению.

– Я должен сказать вам, что не от меня зависело пойти или не пойти, потому что меня вели два солдата. Правду сказать, что как я тогда не знал кардинала, то был бы очень рад, если бы мог отделаться от этого визита.

– Что же, он бранил вас, делал вам угрозы?

– Он протянул мне руку и назвал меня своим другом, – своим другом, слышите ли, сударыня? Я друг великого кардинала!

– Великого кардинала!

– Не откажете ли вы ему в этом прозвании?

– Я не отказываю ему ни в чем, но скажу вам, что благосклонность министра непрочна, и что нужно быть безумным, чтобы привязаться к министру. Есть власти выше его, которые не зависят от каприза человека или от исхода какого-нибудь происшествия; к этим-то властям нужно привязываться.

– Очень жаль, что я не знаю другой власти кроме власти великого человека, которому я имею честь служить.

– Вы служите кардиналу?

– Да, сударыня, и как слуга его, я не позволю, чтобы вы увлекли меня в заговор против безопасности государства, и чтобы вы служили интригам женщины, у которой не французское, а испанское сердце. К счастью, бдительный взор великого кардинала наблюдает за всем и проникает в глубину сердец.

Бонасиё повторил слово в слово фразу, сказанную графом Рошфором; но бедная женщина, рассчитывавшая на своего мужа и в этой надежде отвечавшая за него королеве, пришла от этих слов в ужас как при виде опасности, в которую она попала, так и бессилия своего. Впрочем, зная слабость и особенно жадность своего мужа, она не отчаивалась добиться того что ей было нужно.

– А! вы кардиналист! вскричала она; вы служите партии тех, кто обижает вашу жену и оскорбляет вашу королеву.

– Частные интересы ничего не значат пред общественными. Я за тех, кто спасает государство, сказал с важностью Бонасиё.

Это было другое выражение графа Рошфора, которое он запомнил, и воспользовался случаем вставить в разговор.

– А знаете ли вы, что такое государство, о котором говорите? сказала Бонасиё, подымая плечи. Довольствуйтесь лучше званием мещанина без всякой хитрости и обратитесь в ту сторону, которая представляет вам больше выгод.

– А что вы скажете об этом, госпожа проповедница? сказал Бонасиё, ударяя по мешку, туго набитому серебром.

– Откуда эти деньги?

– Вы не угадываете?

– От кардинала?

– От него и от друга моего, графа Рошфора.

– От графа Рошфора, который меня похитил?

– Может быть.

– И вы принимаете деньги от этого человека!

– Ведь вы сказали мне, что это похищение чисто политическое?

– Да, но оно имело целью заставить меня изменить моей госпоже, вынудить из меня муками признания, которые могли подвергнуть опасности честь, а может быть, и жизнь августейшей госпожи моей.

– Ваша августейшая госпожа, возразил Бонасиё, изменница-испанка, и то что сделал кардинал хорошо сделано.

– Я знала, что вы трус, скряга и глупец; но не знала, что вы низкий человек!

Бонасиё, никогда не выдавший свою жену рассерженною, и уступая супружескому гневу, сказал: что вы говорите?

– Я говорю, что вы подлец! продолжала Бонасиё, замечая, что она снова приобретала влияние на мужа. – А, вы занимаетесь политикой и притом кардинальской! А, вы продаете себя душой и телом за деньги демону!

– Нет, кардиналу.

– Кардинал и сатана это все равно.

– Молчите, молчите, нас могут услышать.

– Да, вы правы, и мне стыдно будет за вашу низость.

– Но чего же вы от меня хотите?

– Я сказала вам чтобы вы ехали тотчас же, чтобы вы исполнили добросовестно поручение, которого я вас удостаиваю, и с этим условием, я забываю все, прощаю вас, и еще больше, возвращаю вам мою дружбу (при этих словах она протянула ему руку).

Бонасиё был трус и скряга, но он любил жену; поэтому он тронулся. Мужчина пятидесяти лет не может долго сердиться на женщину двадцати трех лет. Жена это заметила, что он колеблется и сказала:

– Что же, вы решились?

– Но подумайте немножко, любезный друг, о том чего вы от меня требуете. Лондон далеко от Парижа, очень далеко, может быть поручение, которое вы мне делаете, не безопасно.

– Это ничего не значит, если вы избежите опасностей.

– Постойте, постойте, я решительно отказываюсь, я боюсь интриг. Я видел Бастилию. Брру! Это ужасно, Бастилию! На меня нападает страх при одной мысли о ней. Мне угрожали пытками. Знаете ли вы, что такое пытки? Деревянные клинья, которые вбивают между колен, пока не треснут кости! Нет, я решительно не еду, наконец, почему вы сами не едете туда? Право, я, кажется, ошибался до сих пор насчет вас; я думал, что вы мужчина, и притом из самых отчаянных.

– А вы баба, жалкая, глупая и низкая баба! А, вы боитесь; хорошо,

если вы не поедете сейчас же, я велю арестовать вас по приказанию королевы и посадить вас в Бастилию, которой вы так боитесь.

Бонасиё впал в глубокую задумчивость; он взвесил мысленно силу гнева обеих сторон, кардинала и королевы, – гнев кардинала оказался значительно тяжелее.

– Велите арестовать меня именем королевы, сказал он, – а я объявлю, что я из партии кардинала.

Вдруг г-жа Бонасиё заметила, что она зашла слишком далеко и испугалась. Она с ужасом посмотрела на это глупое лицо с непоколебимым убеждением, как лицо испуганного глупца.

– Хорошо, пусть будет так, сказала она. – Может быть вы и правы: мужчины больше понимают в политике чем женщины, а особенно вы, так как вы говорили с кардиналом. Впрочем это жестоко, что мой муж, на любовь которого я, кажется, могла рассчитывать, обращается со мной так нелюбезно и не хочет исполнить моей прихоти.

– Это потому, что ваши прихоти могут завести очень далеко, возразил торжествующий Бонасиё, и я им не доверяю.

– Хорошо, я откажусь от них, сказала жена его, вздыхая; – не будем больше говорить о них.

– Если бы, по крайней мере, вы сказали мне, что я буду делать в Лондоне, сказал Бонасиё, вспомнив, хотя немножко поздно, что Рошфор советовал ему стараться узнать секреты жены.

– Бесплезно знать вам об этом, сказала она, отступая с безотчетною недоверчивостью от предмета разговора; – дело шло о безделице, которых обыкновенно желают женщины, о покупке, при которой можно было много выиграть.

Но чем больше она остерегалась, тем больше он думал, что тайна, которой она не хотела ему открыть, важна. И потому он решился сейчас же сбегать к графу Рошфору и сказать, что королева ищет человека, чтобы послать в Лондон.

– Извините, если я вас оставляю, любезная госпожа Бонасиё, сказал он; – не зная, что вы придете, я назначил свидание одному из моих друзей; я приду чрез минуту, и если вы хотите подождать меня полминуты, я только что покончу с этим другом, возвращусь и, как теперь уже довольно поздно, то провожу вас в Лувр.

– Благодарю, отвечала Бонасиё; – вы не так храбры, чтобы могли быть мне сколько-нибудь полезным; я возвращусь в Лувр очень хорошо и одна.

– Как вам угодно. Скоро вы опять ко мне придете?

– Без сомнения: я надеюсь, что на будущей неделе у меня будет

свободное время от службы, и я воспользуюсь им, чтобы побывать у вас и привести в порядок наши дела, которые, кажется, немножко расстроены.

– Хорошо, я буду ждать. Вы не сердитесь на меня?

– Я? Нисколько!

– Так до свидания.

– До свидания.

Бонасиё поцеловал руку своей жены и быстро удалился.

Когда муж ее ушел, г-жа Бонасиё, оставшись одна, подумала: только и не доставало этому дураку, чтобы сделаться кардиналистом! А я отвечала за него королеве, обещала несчастной госпоже моей – О, Боже мой, Боже мой! она примет меня за одну из тех жалких женщин, которыми наполнен дворец, чтобы присматривать за ней! А! Бонасиё, я никогда не любила вас очень, а теперь хуже: я вас ненавижу, и даю слово, что за это вы мне заплатите.

В эту минуту удар в потолок заставил ее поднять голову, и чей го голос сказал ей:

– Любезная госпожа Бонасиё, отворите мне дверь в коридор, я сойду к вам.

II. Любовник и муж

– А! госпожа Бонасиё, позвольте мне сказать вам, что у вас несносный муж, сказал д'Артаньян, входя в дверь, которую она ему отворила.

– Так вы слышали наш разговор? живо спросила Бонасиё, смотря с беспокойством на д'Артаньяна.

– Весь.

– Как же это, Боже мой?

– Известным мне способом, которым я слышал уже и прежде разговор ваш с сбирами кардинала.

– Что же вы поняли из того, что мы говорили?

– Многое: во-первых, что ваш муж, к счастью, прост и глуп; потом, что вы находитесь в затруднении, чему я очень рад, потому что это дает мне случай предложить себя к вашим услугам, а кто знает, может быть, я готов броситься в огонь для вас; наконец, королеве нужно, чтобы храбрый, умный и преданный человек сделал поездку в Лондон. Я имею по крайней мере два из этих качеств, и вот я к услугам.

Бонасиё не отвечала; но сердце ее билось радостно, и в глазах ее блистала тайная надежда.

– А чем вы меня обеспечите, спросила она, – если я соглашусь доверить вам это поручение?

– Любовью моей к вам; говорите, приказывайте, что нужно делать?

– Боже мой, Боже мой, шептала она, – должна ли я вам доверить такую тайну? Вы чуть не дитя!

– А! я вижу, что вам нужно чтобы кто-нибудь поручился за меня.

– Признаюсь, это много успокоило бы меня.

– Вы знаете Атоса?

– Нет.

– Портоса?

– Нет.

– Арамиса?

– Нет. Кто эти господа?

– Королевские мушкетеры. Знаете ли вы капитана их, де-Тревилья?

– О! этого я знаю, но не лично, а потому, что много раз слыхала у королевы, что о нем говорили как о храбром и честном дворянине.

– Вы не боитесь, что он изменит вам для кардинала; не так ли?

– О, верно, нет.

– Хорошо, откройте ему вашу тайну и спросите его, можно ли мне доверить ее, как бы важна, драгоценна и ужасна она ни была?

– Но это не моя тайна, и я не могу так открыть ее.

– Вы хотели доверить ее Бонасиё, с отчаянием сказал д'Артаньян.

– Как доверяют письмо дуплу дерева, крылу голубя или ошейнику собаки.

– А впрочем, вы видите, что я вас люблю.

– Вы говорите, что любите.

– Я честный человек!

– Я верю.

– Я храбр.

– О, в этом я уверена!

– Если так, то испытайте меня.

Бонасиё посмотрела на молодого человека, все еще не решаясь. Но в его глазах было столько огня, в голосе такая уверенность, что она не могла противостоять увлечению довериться ему. Впрочем, она была в таких обстоятельствах, когда нужно бывает рисковать всем и на все. Королева погибла бы также от чрезмерной осторожности, как и от слишком большого доверия. Притом надо признаться, что невольное чувство расположения к этому молодому покровителю придало ей решимость высказаться.

– Послушайте, сказала она: – я соглашаюсь с вашими убеждениями и уступаю уверениям вашим. Но клянусь вам Богом, что если вы мне измените, и враги мои простят меня, то я убью себя и обвиню вас в моей смерти.

– А я, клянусь вам Богом, сказал д'Артаньян, – что если я буду схвачен во время исполнения приказаний, которые вы мне дадите, то я умру, прежде чем сделаю или скажу что-нибудь могущее вредить чьей-нибудь чести.

Тогда она доверила ему ужасную тайну, часть которой он узнал случайно прежде перед Самаритянскою церковью.

Это было их взаимное объяснение в любви. Д'Артаньян сиял радостью и гордостью. Тайна, которою он обладал, женщина, которую он любил, доверенность и любовь – делали его исполином.

– Я еду сейчас же, сказал он.

– Как, вы едете! сказала Бонасиё, – а ваш полк, а капитан?

– Клянусь, вы заставили меня забыть обо всем этом, любезная Констанция; да, вы правы, мне нужен отпуск.

– Еще препятствие, шептала Бонасиё.

– О, не беспокойтесь, я его одолею, сказал после минутного молчания д'Артаньян.

– Как это?

– Я пойду сегодня вечером к де-Тревилю и поручу ему выпросить для меня эту милость у зятя его Дезессара.

– Теперь о другом деле.

– О каком? спросил д'Артаньян, – видя что Бонасиё затруднялась высказаться.

– Может быть, у вас нет денег?

– «Может быть» лишнее, сказал д'Артаньян, улыбаясь.

– Так возьмите этот мешок, сказала Бонасиё, – открывая шкаф, и вынимая оттуда мешок, который полчаса назад так любезно ласкал ее муж.

– Мешок кардинала! сказал с хохотом д'Артаньян, который, подняв половицы пола, не проронил ни слова из разговора торговца с его женой.

– Да, мешок кардинала, отвечала Бонасиё: – Видите, что он имеет почтенную наружность.

– Право, вдвое веселее спасти королеву за деньги кардинала.

– Вы любезный и милый молодой человек, сказала Бонасиё; – поверьте, что королева не останется неблагодарна.

– О! я уже чрезмерно вознагражден. Я вас люблю, и вы позвольте мне сказать вам это. Чуть больше счастья, чем я мог надеяться.

– Тише! сказала Бонасиё дрожа.

– Что?

– На улице говорят.

– Это голос...

– Моего мужа. Да, я узнала его!

Д'Артаньян побежал к двери и запер ее на задвижку.

– Он не войдет, пока я не уеду, сказал он, а когда я уеду, вы отворите ему.

– Но я должна бы тоже уйти. А как же оправдать пропажу денег, если я останусь!

– Вы правы, нужно уйти.

– Как уйти? Он увидит, когда мы выйдем.

– В таком случае нужно пойти ко мне.

– Вы говорите это таким голосом, что мне делается страшно.

Бонасиё сказала эти слова со слезами на глазах.

Д'Артаньян видел эти слезы и смущенный, растроганный бросился к ее ногам и сказал:

– У меня вы будете безопасны, как в храме, даю вам в том слово

дворянина.

– Пойдем, сказала она, – я доверяюсь вам, мой друг.

Д'Артаньян осторожно отодвинул задвижку, и оба, легкие как тени, скользнули чрез внутреннюю дверь в коридор и вошли без шума по лестнице, в комнату д'Артаньяна.

Войдя к себе, молодой человек запер для верности дверь; они подошли оба к окну и через щелку ставни увидели Бонасиё, разговаривавшего с человеком в плаще.

Увидев человека в плаще, д'Артаньян вскочил и обнажив до половины шпагу, кинулся к двери.

Это был Менгский знакомец.

– Куда вы, сказала Бонасиё, – вы погубите нас!

– Я поклялся убить этого человека, сказал д'Артаньян.

– Ваша жизнь теперь не принадлежит вам. Именем королевы запрещаю вам подвергаться опасности кроме опасности путешествия.

– А своим именем вы ничего не приказываете?

– Своим именем я прошу вас об этом, сказала Бонасиё с сильным волнением. Но послушаем; кажется, говорят обо мне.

Д'Артаньян приблизился к окну и приставил ухо.

Бонасиё отворил дверь и увидев, что в комнате пусто, возвратился к человеку в плаще.

– Она ушла, сказал он, – она верно возвратилась в Лувр.

– Вы уверены, отвечал незнакомец, – что она не подозревала с каким намерением вы ушли?

– Уверен, отвечал Бонасиё с самодовольством; это женщина очень посредственного ума.

– Гвардейский кадет дома?

– Не думаю; как видите, ставня закрыта и в щели не видно света.

– Все равно, надо бы в этом увериться.

– Как же?

– Постучать в дверь.

– Хорошо, постучите.

– Я спрошу у его слуги.

Бонасиё вошел в свою квартиру, прошел через ту дверь, через которую только что прошли наши беглецы, дошел до дверей д'Артаньяна и постучался.

Никто не ответил. Планше на этот вечер был отпущен к Портосу. Д'Артаньян не издал никакого знака.

В ту минуту когда Бонасиё постучал пальцем в дверь, у обоих

молодых людей забились сердца.

– Там никого нет, сказал Бонасиё.

– Все-таки войдем к вам; мы будем там безопаснее чем на пороге.

– Ах, Боже мой, прошептала Бонасиё, мы ничего не услышим.

– Напротив, сказал д'Артаньян, – мы услышим еще лучше.

Д'Артаньян поднял три или четыре доски, которые делали из его комнаты Дионисиево ухо, разостлал ковер на полу, встал на колени и сделал знак Бонасиё наклониться к отверстию как он.

– Вы уверены, что никого нет? сказал незнакомец.

– Я отвечаю за это, сказал Бонасиё.

– И вы думаете, что ваша жена...

– Возвратилась в Лувр.

– Не говоривши ни с кем кроме вас?

– Я уверен в этом.

– Это важный вопрос, понимаете?

– Да; следовательно, новость, которую я вам сообщил, имеет значение...

– Очень большое, любезный Бонасиё, я не скрываю от вас этого.

– Так кардинал будет доволен мной.

– В этом я не сомневаюсь.

– Великий кардинал!

– Вы хорошо помните, что в разговоре с вами ваша жена не произнесла ни одного собственного имени?

– Кажется, что нет.

– Она не назвала ни г-жу де-Шеврёз, ни господина Бокингема, ни госпожу Верне?

– Нет, она говорила только, что хотела послать меня в Лондон в интересах одной знатной особы.

– Изменник! прошептала Бонасиё.

– Молчите, сказал д'Артаньян, взяв ее за руку.

– Вы сделали очень глупо, продолжал человек в плаще, что не притворились, будто берете на себя поручение; письмо было бы у вас! Государство, безопасности которого угрожают, было бы спасено, а вы...

– А я?

– А вам кардинал дал бы дворянскую грамоту.

– Он сказал вам это?

– Да, я знаю, что он хотел сделать вам этот сюрприз.

– Успокойтесь, сказал Бонасиё, – жена моя обожает меня, и время еще не ушло.

– Глупец! прошептала Бонасиё.
– Молчите, сказал д'Артаньян, сжимая крепче ее руку.
– Как, время еще не ушло? спросил человек в плаще.
– Я пойду в Лувр, спрошу госпожу Бонасиё, скажу ей, что передумал и принимаю поручение, возьму письмо и побегу к кардиналу.
– Хорошо, спешите; я возвращусь скоро, чтобы узнать об успехе вашего дела.

Незнакомец вышел.

– Бесчестный! сказала Бонасиё, относя это прозвание к своему мужу.
– Молчите, повторил д'Артаньян, сжимая еще крепче ее руку.
Ужасный крик прервал разговор д'Артаньяна и г-жи Бонасиё. Муж ее, заметив похищение мешка, кричал: воры! воры!

– О, Боже мой! сказала Бонасиё, – он созовет весь квартал.

Бонасиё долго кричал; но как подобные случаи бывали нередко, и репутация дома торговца была с некоторого времени не очень хорошая, то никто не пришел на крик. Видя это, он вышел на улицу, продолжая кричать и слышно было по голосу, что он ушел по направлению к улице Бак.

– Так как он ушел, то теперь пора и вам идти, сказала Бонасиё; будьте смелы и главное благоразумны и помните, что вы принадлежите королеве.

– Ей и вам! сказал д'Артаньян. Будьте покойны, прекрасная Констанция, я буду достоин ее признательности; но буду ли я по возвращении достоин вашей любви?

Яркий румянец на щеках был на это ответом.

Через несколько минут д'Артаньян вышел, закутанный в большой плащ, из-под которого виднелись ножны длинной шпаги.

Бонасиё следила за ним глазами так долго, как обыкновенно следит женщина за любимым мужчиной; но как только он исчез на углу улицы, она упала на колени и сказала:

– О, Боже, спаси королеву, спаси меня!

III. План путешествия

Д'Артаньян пошел сейчас же к де-Тревилю; полагая, что кардинал через несколько минут будет извещен обо всем через проклятого незнакомца, по-видимому, его агента, д'Артаньян основательно думал, что не должен терять ни минуты.

Сердце молодого человека было переполнено радостью. Случай, представлявший ему приобретение славы и денег, с самого начала порадовал его сближением с обожаемою им женщиной, так что этот случай представлял ему большее счастья, чем он желал.

Де-Тревиль был в зале с своею обыкновенною свитой дворян. Д'Артаньян, который был в доме коротко знаком, прошел прямо в кабинет и велел сказать ему, что ожидает его по важному делу. Он пробыл там не больше пяти минут, как де-Тревиль вошел. При виде радости на лице молодого человека достойный капитан сейчас же догадался, что действительно у него была какая-нибудь новость.

Во все время дороги д'Артаньян думал, довериться ли де-Тревилю, или только просить у него открытый лист по секретному делу. Но де-Тревиль был всегда так хорош с ним, так предан королю и королеве и так искренно ненавидел кардинала, что он решился сказать ему все.

– Вы меня звали, молодой друг мой, сказал де-Тревиль.

– Да, капитан, и надеюсь, вы извините меня, что я вас потревожил, когда узнаете о каком важном деле мне нужно поговорить с вами.

– Говорите.

– Дело идет ни больше ни меньше, как о чести, а может быть, и о жизни королевы, сказал д'Артаньян, понижая голос.

– Что вы говорите? спросил де-Тревиль, осмотревшись кругом и обратив вопросительный взгляд на д'Артаньяна.

– Я говорю, что случай открыл мне тайну.

– Которую вы сохраните, молодой человек, я надеюсь, хотя бы это стоило жизни.

– Но я должен открыть ее вам, капитан, потому что вы одни можете оказать мне помощь в исполнении поручения, данного мне от ее величества.

– Это ваша тайна?

– Нет, капитан, это тайна королевы.

– Уполномочены ли вы от ее величества доверить ее мне?

– Нет, капитан, мне предписано напротив строжайше хранить эту тайну.

– Зачем же вы хотите изменить ей в отношении ко мне?

– Потому что без вас я не могу ничего сделать и потому что я боюсь, чтобы вы не отказали мне в той милости, о которой я хочу просить, если не будете знать, с какою целью я прошу.

– Сохраните вашу тайну, молодой человек, и говорите, чего вы хотите.

– Я желал бы, чтобы вы попросили для меня у господина Дезессара отпуск на пятнадцать дней.

– Когда?

– В эту же ночь.

– Вы уезжаете?

– Я еду по поручению.

– Можете ли вы сказать мне – куда?

– В Лондон.

– Имеет ли кто-нибудь интерес в том, чтобы вы не достигли своей цели?

– Я думаю, кардинал дал бы все на свете, чтобы помешать мне успеть в этом деле.

– И вы едете одни?

– Один.

– В таком случае вы не доедете в Бонди, поверьте слову де-Тревилья.

– Отчего же?

– Вас убьют.

– Я умру, исполняя свой долг.

– Но поручение ваше не будет исполнено.

– Это правда, сказал д'Артаньян.

– Поверьте мне, продолжал де-Тревиль, – что в предприятиях такого рода нужно быть четверым, чтобы приехать одному.

– Да, вы правы, капитан, сказал д'Артаньян; – но вы знаете Атоса, Портоса и Арамиса и знаете, могу ли я ими располагать.

– Не доверяя им тайны, которой я не хотел знать.

– Мы поклялись однажды навсегда в слепой доверенности и беспредельной преданности друг другу; впрочем вы можете сказать им, что вполне доверяете мне, и они не будут недоверчивее вас.

– Я могу послать каждому из них отпуск на пятнадцать дней, вот и все; Атосу, страдающему постоянно от раны, к Форжеским водам, а Портосу и Арамису для сопровождения ах друга, которого они не хотят оставить в таком болезненном положении, Выдача отпуска будет служить

доказательством, что я позволил им ехать.

– Благодарю, капитан, за вашу беспредельную доброту.

– Найдите их сейчас же и чтобы все было сделано в эту же ночь. Да напишите прежде просьбу к господину Дезессару. Может быть, по следам вашим дел шпион и посещение ваше, известное в таком случае кардиналу, примет законный вид.

Д'Артаньян написал просьбу, и де-Треви́ль, взяв ее из рук его, дал слово, что раньше двух часов утра четыре отпуска будут доставлены в квартиру путешественников.

– Сделайте одолжение, пошлите мой отпуск к Атосу, сказал д'Артаньян. Я боюсь иметь неприятную встречу у себя дома.

– Будьте покойны, прощайте, счастливого пути.

– Да, кстати, сказал де-Треви́ль.

Д'Артаньян воротился.

– Есть ли у вас деньги?

Д'Артаньян постучал по кошельку, бывшему у него в кармане.

– Довольно? спросил де-Треви́ль.

– Триста пистолей.

– Хорошо, с этим можно уехать на край света. Ступайте.

Д'Артаньян поклонился, де-Треви́ль протянул руку, которую он пожал с уважением и признательностью. С самого приезда в Париж он не мог нахвалиться этим превосходным человеком, считая его всегда достойным уважения, честным и великим.

Оттуда он пошел прямо к Арамису, которого не видал с того знаменитого вечера, когда преследовал г-жу Бонасиё. Всякий раз, когда он его видал, он замечал на лице его выражение глубокой печали.

И в этот вечер Арамис сидел мрачный и задумчивый; д'Артаньян начал допрашивать его о причине этой глубокой задумчивости; Арамис сказал, что причина эта – комментарий на 18-ю главу Св. Августина, который он должен был написать по латыни к будущей неделе, и что это очень озабочивало его.

Друзья поболтали еще несколько минут, как пришел слуга де-Треви́ля с запечатанным пакетом.

– Что это такое? спросил Арамис.

– Отпуск, которого вы просили, отвечал слуга.

– Я не просил отпуска.

– Молчи и бери, сказал д'Артаньян. – Вот вам пол-пистоля за ваши труды, мой друг; скажите г. де-Треви́лю, что Арамис искренно благодарит его. Ступайте.

Слуга поклонился чуть не до полу и вышел.

– Что это значит? спросил Арамис.

– Возьми что тебе нужно для двухнедельного путешествия и иди за мной.

– Но мне нельзя оставить Париж теперь, не зная...

Арамис остановился.

– Что с ней сделалось, не правда ли? продолжал за него д'Артаньян.

– С кем? спросил Арамис.

– С женщиной с вышитым платком, которая была здесь.

– Кто тебе сказал, что здесь была женщина? спросил Арамис, побледневший, как смерть.

– Я видел ее.

– А ты знаешь, кто она?

– По крайней мере догадываюсь.

– Послушай, сказал Арамис: – так как ты много знаешь, то не знаешь ли, что сделалось с этой женщиной?

– Я думаю, что она возвратилась в Тур.

– В Тур? да, это так; ты ее знаешь. Но как же она уехала в Тур, ничего не сказавши мне?

– Она боялась, чтоб ее не арестовали.

– Почему же она не писала ко мне?

– Потому что боялась подвергнуть тебя опасности.

– Д'Артаньян, ты возвращаешь мне жизнь. Я думал, что она презирает меня и изменила мне. Я был так счастлив, когда увиделся с ней! Я и не воображал, что для меня она рискует своей свободой, а иначе зачем же ей было приезжать в Париж?

– За тем же, зачем мы сегодня едем в Англию.

– А зачем это? спросил Арамис.

– Ты это узнаешь после, Арамис, а теперь позволь мне остаться скромным, как девушка.

Арамис улыбнулся, вспомнив сказку, которую он рассказывал однажды вечером своим друзьям.

– Ну, если она уехала из Парижа и ты в этом уверен, д'Артаньян, то меня ничто здесь не удерживает; я готов следовать за тобой. Ты говоришь, что мы отправляемся?

– Теперь к Атосу и если ты хочешь идти со мной, то прошу поторопиться, потому мы и то уж много времени потеряли. Да скажи Базену...

– Базен едет с нами? спросил Арамис.

– Может быть. Во всяком случае не худо, если бы он проводил нас теперь к Атосу.

Арамис позвал Базена и приказал ему идти вместе с ними к Атосу. Потом Арамис взял плащ, шпагу и три пистолета и открыл несколько ящиков, думая найти там какие-нибудь завалившиеся пистолы. Но когда убедился, что поиски его напрасны, то пошел за д'Артаньяном, думая о том, как это гвардейский юнкер знал, также как и он, кто была женщина, которую он у себя принимал и знал лучше его, что с ней после случилось.

Выходя, Арамис положил руку на плечо д'Артаньяна, пристально посмотрел на него и сказал:

- Ты ни с кем не говорил об этой женщине?
- Решительно ни с кем.
- Даже с Атосом и Портосом?
- Ни слова.
- Это хорошо.

Успокоившись на счет этого важного дела, Арамис продолжал путь вместе с д'Артаньяном и скоро они пришли к Атосу.

Они нашли его с отпуском в одной руке и с письмом де-Тревилья в другой.

– Не можете ли вы объяснить мне, что значит отпуск и письмо, которые я получил? спросил удивленный Атос.

«Любезный Атос! Зная, что здоровье ваше расстроено, я согласен, чтобы вы отдохнули две недели. Поезжайте на воды Форжеские, или другие, по вашему усмотрению, и выздоравливайте скорее.

Преданный вам Тревиль.»

- Отпуск и письмо значат, что ты должен следовать за мной, Атос.
- К Форжеским водам?
- Туда, или куда-нибудь.
- По службе короля?
- Короля, или королевы, мы служим их Величествам.

В эту минуту вошел Портос.

– Черт знает, что за странности, сказал он, – давно ли это в роте мушкетеров дают отпуск тем, кто его не просит?

– С тех пор, сказал д'Артаньян, как у них есть друзья, которые за них просят.

- А, сказал Портос, – тут, кажется, есть что-то новое.
- Да, мы едем, сказал Арамис.
- Куда? спросил Портос.
- Право, я об этом не знаю, сказал Атос, – спроси у д'Артаньяна.
- В Лондон, господа, сказал д'Артаньян.
- В Лондон? спросил Портос. – А что мы будем делать в Лондоне?
- Этого я не могу сказать вам, господа, вы должны довериться мне.
- Но чтобы ехать в Лондон, нужны деньги, прибавил Портос, а у меня их нет.
- И у меня нет, сказал Арамис.
- И у меня нет, сказал Атос.
- У меня есть, сказал д'Артаньян, вынимал из кармана свое богатство и кладя его на стол. – В этом кошельке триста пистолей: возьмем каждый по 75 – этого довольно, чтобы съездить в Лондон и обратно. Впрочем, успокойтесь, мы не все приедем в Лондон.
- Отчего?
- Потому что, по всей вероятности, некоторые из нас останутся на дороге.
- Разве мы идем на войну?
- И на самую опасную, предупреждаю вас.
- Вот что! а так как мы рискуем быть убитыми, сказал Портос, – то я по крайней мере желал бы знать, за что.
- Ты от этого ничего не выиграешь! сказал Атос.
- Впрочем, сказал Арамис, – я мнения Портоса.
- Дает ли вам отчет король в своих приказаниях? Нет, он вам просто говорит: господа, в Гасковии или во Фландрии война, идите туда сражаться, – и вы идете. За что? Об этом вы даже и не беспокоитесь?
- Д'Артаньян прав, сказал Атос: – мы все трое получили отпуск от Тревиля и триста пистолей Бог знает откуда. Пойдем на смерть туда, куда велят. Стоит ли жизнь того, чтобы делать столько вопросов? Д'Артаньян, я готов следовать за тобой.
- И я тоже, сказал Портос.
- И я, сказал Арамис, – тем больше, что мне не жаль оставить Париж, мне нужно развлечение.
- Не беспокойтесь, господа, развлечения будет довольно, сказал д'Артаньян.
- А когда мы едем? спросил Атос.
- Сейчас же, отвечал д'Артаньян; нельзя терять ни минуты.
- Эй, Гримо, Планше, Мускетон, Базен! закричали молодые люди

своим слугам: – вычистите нам сапоги и приведите из гостиницы лошадей!

Действительно, каждый мушкетер оставлял свою лошадь и лошадь своего слуги в гостинице, как в казарме.

Планше, Гримо, Мускетон и Базен побежали туда.

– Теперь составим план компании, сказал Портос: – куда мы поедем прежде всего?

– В Кале, сказал д'Артаньян: – это кратчайшая дорога в Лондон.

– Хорошо, сказал Портос, – вот мое мнение.

– Говори!

– Если мы поедем вчетвером, это покажется подозрительно; д'Артаньян даст каждому из нас наставление; я поеду вперед по Булонской дороге, через два часа выедет Атос по Амьенской дороге; Арамис поедет после нас по Нойонской дороге; что касается до д'Артаньяна, он поедет по какой хочет в платье Планше, а Планше поедет с нами вместо д'Артаньяна в гвардейском мундире.

– Господа, сказал Атос: – по моему мнению, не следует вмешивать в это дело лакеев: бывают случаи, что и дворяне изменяют тайне, а лакеи почти всегда продают ее.

– План Портоса мне кажется не выполнимым, сказал д'Артаньян, – потому что я сам не знаю, какие наставления дать вам. Мне поручено доставить письмо, вот и все. У меня нет и я не могу снять трех копий с этого письма, потому что оно запечатано; поэтому нужно, по моему мнению, ехать вместе. Письмо вот в этом кармане. Если меня убьют, один из вас возьмет его и поедете дальше; если его убьют, возьмет третий и так дальше; только бы один доехал, вот все, что нужно.

– Bravo, д'Артаньян! я согласен с твоим мнением, сказал Атос. Но надо быть основательным; я еду на воды, а вы меня провожаете; вместо Форжеских вод, я буду пользоваться морскими – это в моей воле. Если нас задержат, я покажу письмо Тревиля, а вы свои отпуски; если на нас нападут, мы будем защищаться; если нас будут судить, мы будем стоять горой, что не имели другого намерения, кроме того, чтобы покупаться несколько раз в море; легко управиться с каждым из четверых отдельно, но все вместе мы постоим за себя. Вооружим наших лакеев пистолетами и мушкетами; если против нас вышлют армию, примем сражение, и тот, кто останется жив, как сказал д'Артаньян, доставит письмо.

– Хорошо сказано, вскричал Арамис, – ты не часто говоришь, Атос, но когда говоришь, то напоминаешь Иоанна Златоустого. Я принимаю план Атоса, а ты, Портос?

– И я тоже, сказал Портос, если он нравится д'Артаньяну. Так как

письмо у д'Артаньяна, то без сомнения он начальник экспедиции; пусть он решит, и мы исполним.

– Хорошо, сказал д'Артаньян, – я решаю, что мы принимаем план Атоса и через полчаса едем.

– Решено! закричали хором три мушкетера. И каждый, протянув руку к кошельку, взял семьдесят пять пистолей и начал приготавливаться к отъезду в назначенный час.

IV. Путешествие

В два часа утра наши четыре смельчака выехали из Парижа через Сен-Денискую заставу. Было темно и они, неволею покоряясь влиянию ночи, молчали и везде ожидали засады.

На рассвете языки их развязались, а с появлением солнца возвратилась веселость; как накануне сражения, сердце билось, глаза выражали удовольствие; они чувствовали, что жизнь, которую предстояло, может быть, потерять, вещь вовсе не дурная.

Впрочем, вид поезда был самый воинственный: вороные лошади мушкетеров, их воинственная осанка, военная привычка ехать правильно, открывали невольно самое строгое инкогнито.

За ними ехали слуги, вооруженные с головы до ног.

Все шло хорошо до Шантильи, куда они приехали около восьми часов утра. Нужно было позавтракать. Они спешили пред гостиницей, над которой была вывеска, изображавшая св. Мартина, отдававшего половину своей одежды бедному. Слугам приказали не расседлывать лошадей и быть готовыми вскоре отправиться дальше.

Они вошли в общую залу и сели за стол.

Один дворянин, приехавший по Даммартинской дороге, сидел за этим же столом и завтракал. Он начал разговор о дожде и хорошей погоде, путешественники отвечали ему, он пил за их здоровье, они ответили ему тем же.

Но в ту минуту как Мускетон доложил, что лошади готовы, и они начали вставать из-за стола, незнакомец предложил Портосу выпить за здоровье кардинала. Портос отвечал, что с большим удовольствием, если незнакомец в свою очередь выпьет за здоровье короля. Незнакомец отвечал, что он не знает другого короля, кроме кардинала. Портос назвал его пьяницей; незнакомец обнажил шпагу.

– Ты сделал глупость, сказал Атос, – но делать нечего, теперь отступить нельзя, убей этого человека и догоняй нас, как можно скорее.

Все трое сели на лошадей и поехали полной рысью, между тем как Портос обещал заколоть своего противника по всем правилам фехтовального искусства.

– Почему этот человек привязался к Портосу, а не к кому-нибудь другому? спросил Арамис.

– Потому что Портос говорил громче всех, тот и принял его за

начальника, сказал д'Артаньян.

– Я всегда говорил, что этот гасконский кадет, – колодезь мудрости, прошептал Атос.

И путешественники продолжали путь.

В Бове они остановились часа на два, как для того, чтобы дать отдых лошадям, так и для того, чтобы подождать Портоса. Но как Портос не приезжал и не прислал никакого известия, то поехали дальше. Проехав одну милю за Бове, в одном месте, где дорога шла между двумя откосами, они встретили восемь или десять человек, которые, пользуясь случаем, что мостовая была испорчена, делали вид, будто чинят ее, а сами копали ямы и делали грязные колеи.

Арамис боялся замарать сапоги в этом искусственном болоте и начал сильно бранить работников. Атос хотел удержать его, но уже было поздно. Работники начали смеяться над путешественниками и своим нахальством вывели из терпения даже хладнокровного Атоса, который наскочил на одного из них.

Тогда все они отошли к канаве и взяли оттуда по ружью; от этого вышло, что наши путешественники должны были проехать буквально под выстрелами. Арамису пуля пролетела через плечо, а Мускетону попала в мясистые части под крестцом. Впрочем, только Мускетон упал с лошади и то не потому, что был тяжело ранен, а потому, что не видал своей раны и предполагал ее опасней, чем она была.

– Это засада, сказал д'Артаньян, – не стрелять и ехать дальше.

Арамис, не смотря на рану, схватился за гриву лошади и скакал на других. Лошадь Мускетона догнала их и скакала вместе с ними без седока.

– Это у нас будет запасная лошадь, сказал Атос.

– Вместо нее я желал бы иметь лучше шляпу, сказал д'Артаньян, мою шляпу снесло пулей. Счастье, право, что письмо было не там.

– А ведь они убьют бедного Портоса, когда он поедет мимо них, сказал Арамис.

– Если бы Портос был на ногах, он теперь уж догнал бы нас, сказал Атос – Я думаю, что пьяница протрезвился.

Они скакали ещё часа два, хотя лошади так устали, что можно было опасаться, что они скоро откажутся скакать.

Путешественники ехали проселочною дорогою, надеясь, что там будет меньше беспокойства, но в Кревкёре Арамис объявил, что не может ехать дальше и действительно, нужно было много мужества, которое скрывалось под изящною его наружностью и вежливыми манерами, чтобы доехать до

этого места. Как только остановились, он побледнел и нужно было поддержать его, чтоб он не упал с лошади. Его сняли с лошади у дверей трактира и оставили ему Базена, который, впрочем, в случае стычки мог скорее им помешать, чем принести пользу; а сами поехали в надежде переночевать в Амиене.

– Черт возьми, сказал Атос во время пути, из нас осталось только двое господ и двое слуг; а уж не буду так глуп, и ручаюсь, что меня не заставят ни разинуть рот, ни обнажить шпагу до Кале. Клянусь в том...

– Не клянись, сказал д'Артаньян, – поедем галопом, если только наши лошади согласятся.

Путешественники дали шпоры своим лошадям, которые уступая сильному понуждению, еще нашли силы. Приехали в Амиен в полночь и остановились в гостинице Золотой Лилии.

Содержатель гостиницы, казалось, честнейший человек в свете, принял путешественников со свечой в одной руке и с бумажным колпаком в другой. Он хотел поместить каждого из путешественников в особую превосходную комнату; по несчастью эти комнаты были на разных концах гостиницы. Д'Артаньян и Атос отказались, хозяин отвечал, что у него не было других комнат, достойных их превосходительств; но путешественники объявили, что они будут спать в одной комнате на тюфяках, положенных на полу. Хозяин не хотел было, но как они настаивали, то он должен был сделать согласно их желанию.

Только что они сделали себе постели и заперли дверь, как со двора постучался кто-то в спальню; они окликнули, и, узнав по голосу своих лакеев, отворили окно.

Точно, это были Планше и Гримо.

– Гримо одного довольно караулить лошадей, сказал Планше; а я, если господам угодно, лягу поперек их двери, тогда они могут быть уверены, что никто к ним не войдет.

– А на чем же ты ляжешь? спросил д'Артаньян.

– Вот моя постель, отвечал Планше, указывая на пук соломы.

– Хорошо, ты говоришь дело, сказал д'Артаньян; наружность хозяина не нравится мне, он слишком вежлив.

– Мне тоже, сказал Атос.

Планше влез в окно и лег поперек двери между тем как Гримо заперся в конюшне, ручаясь, что в пять часов утра он и четыре лошади будут готовы.

Ночь прошла довольно спокойно; около двух часов пробовали отворить двери, но как Планше проснулся и закричал: «кто там?», то

отвечали, что ошиблись и ушли.

В четыре часа утра услышали большой шум в конюшнях, Гримо хотел разбудить конюхов, но конюхи прибили его. Когда путешественники отворили окно, то увидели, что несчастный лежал без чувств, с головой, разбитой вилами.

Планше вышел на двор и хотел оседлать лошадей, но лошади были разбиты ногами. Лошадь Мускетона скакала накануне без седока пять или шесть часов, могла бы продолжать путь, но по непонятной ошибке, ветеринарный врач, которого пригласили, кажется, для того, чтобы пустить кровь лошади хозяина, пустил ее лошади Мускетона.

Это сильно беспокоило путешественников. Все эти происшествия могли быть делом случая, но они могли быть также плодом заговора. Атос и д'Артаньян вышли из дому, между тем как Планше пошел узнать, нельзя ли поблизости купить четырех лошадей.

У дверей стояли две оседланные свежие и сильные лошади. Это было очень кстати. Он спросил, где были хозяева этих лошадей; ему сказали, что они ночевали в гостинице и пошли расплатиться с хозяином.

Атос сошел вниз, чтобы заплатить хозяину, между тем д'Артаньян и Планше стояли у дверей, ведущих на улицу; трактирщик был в своей удаленной и низенькой комнатке и просил Атоса войти туда.

Атос вошел без опасения и подал ему два пистоля; хозяин сидел один перед своей конторкой, один из ящиков которой был полуоткрыт. Он взял деньги Атоса, повертел их в руках и вдруг закричал, что монета фальшивая и объявил, что он велит задержать его и его товарища, как делателей фальшивой монеты.

– Мошенник! сказал Атос, подходя к нему, я отрежу тебе уши.

В ту же минуту четыре человека, вооруженные с головы до ног, вышли из боковой двери и бросились на Атоса.

– Меня схватили, закричал Атос изо всей силы, – беги д'Артаньян, скорее! и выстрелил из двух пистолетов.

Д'Артаньян и Планше не ждали повторения. Они отвязали лошадей, стоявших у дверей, вскочили на них, дали им шпоры и поскакали во весь дух.

– Знаешь ли, что сделалось с Атосом? спросил д'Артаньян Планше во время пути.

– Ах, барин, сказал Планше, я видел, что от двух его выстрелов двое из них упали к его ногам, а потом видно было через стеклянную дверь, что он боролся с остальными.

– Храбрый Атос! прошептал д'Артаньян. Грустно подумать, что с ним

нужно расстаться. Впрочем, может быть, в двух шагах нас ожидает то же самое. Вперед, Планше, вперед, ты славный малый!

– Я говорил вам, барин, что пикардийца узнают на деле; впрочем, здесь моя родина и это ободряет меня.

Продолжая скакать без отдыха, они прибыли в Сент-Омер. Здесь они дали издохнуть лошадям и, закусив, стоя на улице, отправились дальше.

За сто шагов до Кале, лошадь д'Артаньяна упала, и не было возможности поднять ее на ноги; кровь шла у нее из носу и глаз; оставалась лошадь Планше, но она остановилась и никак не хотела идти дальше.

К счастью, это было в ста шагах от города; они оставили лошадей на большой дороге и побежали к пристани. Планше показал своему господину дворянина, ехавшего с своим слугой не более как в пятидесяти шагах перед ними.

Они живо догнали его; казалось, он был очень занят. Сапоги его были в пыли и он спрашивал, может ли он сейчас же отправиться в Англию.

– Ничего нет легче, отвечал шкипер судна, готового к отплытию; – но сегодня утром пришло приказание не пропускать никого без особенного позволения кардинала.

– У меня оно есть, сказал дворянин, вынимая из кармана бумагу; вот оно!

– Прикажете прописать его у губернатора порта, сказал шкипер, и поедемте со мной.

– А где мне найти губернатора?

– На его даче.

– А где его дача?

– В четверти мили от города; видите, при подошве холма, черепичную крышу?

– Очень хорошо! сказал дворянин.

И он отправился со своим лакеем по дороге к даче губернатора.

Д'Артаньян и Планше следовали за ним в пятистах шагах.

За городом д'Артаньян прибавил шагу и догнал дворянина при опушке леса.

– Господин, сказал д'Артаньян, вы кажется очень спешите.

– Как нельзя больше.

– Очень жаль, сказал д'Артаньян, потому что я тоже очень спешу и хотел просить вас оказать мне маленькую услугу.

– Какую?

– Позвольте мне проехать первому.

– Невозможно, сказал дворянин, я сделал шестьдесят миль в сорок

восемь часов и завтра в полдень должен быть в Лондоне.

– Мне очень прискорбно; но как я приехал первый, то я и войду первым.

– Мне очень прискорбно; но я приехал вторым, а войду первым.

– Я еду по службе короля! сказал дворянин.

– А я по своим делам! сказал д'Артаньян.

– Вы, кажется, ищете ссоры?

– А вы что думали?

– Чего же вам нужно?

– Хотите знать?

– Конечно.

– Хорошо, мне нужно позволение на выезд, которое у вас есть; у меня нет его, а оно мне нужно.

– Вы, кажется, шутите?

– Я никогда не шучу.

– Пустите меня!

– Не пущу.

– Милый молодой человек, я разможу вам голову. Любен, подай пистолеты!

– Планше, сказал д'Артаньян, справляйся с лакеем, а я справлюсь с господином.

Планше, ободренный первой удачей, кинулся на Любена, и, как он был очень силен, то повалил его спиной на землю, и стал ему коленом на грудь.

– Делайте свое дело, барин, сказал Планше, – а я свое сделал.

Видя это, дворянин обнажил шпагу и бросился на д'Артаньяна; но он имел дело с хорошим противником. В три секунды д'Артаньян нанес ему три удара шпагой, приговаривая при каждом:

– Это за Атоса, это за Портоса, это за Арамиса.

При третьем ударе дворянин упал без чувств. Д'Артаньян думал, что он умер, или по крайней мере лишился чувств и подошел к нему, чтобы взять приказание кардинала; но в то время, как он протянул руку за ним, раненый, не выпуская из рук шпаги, нанес ему удар острием в грудь, говоря:

– Вот и тебе!

– А вот это за меня! последний и лучший! закричал взбешенный д'Артаньян, прикалывая его к земле четвертым ударом.

В этот раз дворянин закрыл глаза и лишился чувств.

Д'Артаньян видел, в который карман было положено позволение на выезд и взял его оттуда. Оно было написано на имя графа Варда.

Потом, бросив последний взгляд на красивого молодого человека, лет двадцати пяти, которого он оставил лежащим на земле, может быть, мертвым, он вздохнул о странностях судьбы, заставляющей людей уничтожать друг друга для выгоды других, совершенно им чуждых людей, не знающих даже о их существовании.

Но он скоро был отвлечен от этих мыслей Любеном, кричавшим во все горло и просившим помощи.

Планше положил ему руку на горло и сжал его изо всех сил.

– Барин, сказал он. – пока я буду его держать так, он не будет кричать, в этом я уверен; но как только я его отпущу, он закричит снова. Я узнаю в нем Нормандца, а это преупрямый народ.

И точно, как ни было стиснуто горло Любена, он все-таки старался издавать звуки.

– Постой, сказал д'Артаньян; и взяв свой платок, засунул ему в рот.

– Теперь, сказал Планше, привяжем его к дереву.

Это было сделано как следует; потом они притащили туда же графа Варда, и как уже начинало темнеть. а привязанный и раненый были в лесу, то очевидно, что они должны были остаться там до утра.

– Теперь, сказал д'Артаньян, к губернатору!

– Но вы, кажется, ранены? спросил Планше.

– Это ничего, займемся прежде важнейшим, после подумаем о моей ране, которая впрочем, кажется, не очень опасна.

И они отправились большими шагами на дачу почтенного чиновника. Доложили о приходе графа Варда, д'Артаньян вошел.

– У вас есть позволение, подписанное кардиналом? спросил губернатор.

– Да, отвечал д'Артаньян, вот – оно.

– А, оно в порядке, и вас хорошо рекомендуют, сказал губернатор.

– Очень просто, сказал д'Артаньян, – я один из вернейших его слуг.

– Кажется, кардинал хочет помешать кому-то проехать в Англию?

– Да, какому-то д'Артаньяну, беарнскому дворянину, который выехал из Парижа с троими друзьями, в намерении проехать в Лондон.

– Вы знаете его лично? спросил губернатор.

– Кого?

– Этого д'Артаньяна.

– Как нельзя лучше.

– Опишите мне его наружность.

Д'Артаньян описал ему подробно наружность графа Варда.

– С ним есть кто-нибудь?

- Да, слуга, по имени Любен.
- За ними будут следить, и если удастся захватить их, кардинал может быть покоем, их доставят в Париж под надежным конвоем.
- Если вы это сделаете, господин губернатор, сказал д'Артаньян, то окажете кардиналу большую услугу.
- Вы увидите его, граф, по возвращении.
- Без всякого сомнения.
- Скажите ему, пожалуйста, что я верный слуга его.
- Непременно.

Обрадованный этим обещанием, губернатор прописал паспорт и отдал его д'Артаньяну.

Д'Артаньян, не теряя времени на бесполезную вежливость, откланялся, поблагодарил и вышел.

Как только вышел, он побежали вместе с Планше и, сделав большой круг, они избежали леса и вошли в город другими воротами.

Судно все еще было готово к отплытию и шкипер дожидался на пристани.

- Ну что? сказал он, увидев д'Артаньяна.
- Вот подписанный паспорт, сказал тот.
- А другой господин?
- Он не поедет сегодня, сказал д'Артаньян, – но не беспокойтесь, я заплачу за обоих.
- В таком случае поедем, сказал шкипер.
- Поедем, повторил д'Артаньян. Он вскочил с Планше в лодку и через пять минут они были на судне.

Когда они отплыли на полмили в море д'Артаньян увидел свет и услышал выстрел.

Этот пушечный выстрел означал, что гавань заперта.

Пора было заняться раной; по счастью рана была действительно не очень опасна; острие шпаги встретило ребро и скользнуло по кости; кроме того рубашка прильнула сейчас же к ране, так что из нее вытекло только несколько капель крови.

Д'Артаньян был совершенно утомлен; ему постлали матрас на палубе, он бросился на него и заснул.

На рассвете другого дня он был в трех или четырёх милях от берегов Англии: ветер был слаб и потому судно шло тихо.

В десять часов судно бросило якорь в Луврской гавани.

В половине одиннадцатого д'Артаньян вышел на берег Англии и сказал:

– Наконец я приехал!

Но это было еще не все: нужно было добраться до Лондона. В Англии почты были хорошо устроены.

Д'Артаньян и Планше взяли билеты, почтальон скакал впереди, и через четыре часа они прибыли к заставе столицы.

Д'Артаньян не знал Лондона и ни слова не говорил по-английски; но он написал на бумажке имя Бокингема, и поэтому каждый мог указать ему дворец герцога.

Герцог был на охоте в Виндзоре с королем.

Д'Артаньян спросил доверенного слугу герцога, сопровождавшего его во всех путешествиях и говорившего отлично по-французски и сказал ему, что приехал из Парижа по весьма важному делу, и что ему нужно сейчас же видеть герцога.

Уверенность, с которою говорил д'Артаньян убедила Патриция (это было имя министра у Министра).

Он велел оседлать двух лошадей и взялся проводить молодого гвардейца. Что касается до Планше, то его сняли с лошади совсем окоченевшего: бедняга совсем ослабел, тогда как д'Артаньян казался тверд как железо.

Они приехали в замок; король и Бокингом охотились за птицами в болотах за две или три мили от замка.

В двадцать минут они прискакали в назначенное место. Патриций тотчас узнал голос своего господина, призывавшего своего сокола.

– Как доложить герцогу? спросил Патриций.

– Молодой человек, который поссорился с ним на новом мосту против намаритинской церкви.

– Странная рекомендация!

– Вы увидите, что она не хуже всякой другой.

Патриций поскакал галопом, догнал герцога и доложил ему о посланном точно так, как ему было сказано.

Бокингом сейчас же догадался, что это д'Артаньян, и опасаясь, не случилось ли во Франции чего-нибудь особенного, он спросил только где посланный и, узнав издали гвардейский мундир, поскакал галопом прямо к д'Артаньяну.

Патриций из скромности остался в стороне.

– Не случилось ли с королевой несчастья? спросил Бокингом, – выражая всю свою любовь этими словами.

– Не думаю, впрочем, она находится в большой опасности, от которой только ваша светлость можете ее спасти.

– Я? сказал Бокингем; – как? я так счастлив, что могу быть ей чем-нибудь полезен! говорите, говорите!

– Возьмите это письмо, сказал д'Артаньян.

– Это письмо? а от кого?

– От ее величества, как я думаю.

– От ее величества! сказал Бокингем, побледнев так сильно, что д'Артаньян думал, не дурно ли ему.

Герцог сломал печать.

– Что это за дыра? сказал он, показывая д'Артаньяну то место, где письмо было проколото насквозь.

– Ах, я этого и не видал; это от шпаги графа Варда. которою он проколол мне грудь.

– Вы ранены? спросил Бокингем.

– О, нет, и сказал д'Артаньян, это только царапинка.

– О, Боже! что я прочел? Патриций останься здесь, или нет, догони короля, где бы он ни был, и скажи его величеству, что я покорнейше прошу его извинить меня, но что по весьма важному делу мне нужно быть в Лондоне, поедemте со мной, д'Артаньян!

И они отправились галопом по дороге к столице.

V. Графиня Винтер

Дорогою герцог расспрашивал д'Артаньяна обо всем, что он знал. Соображая то, что он слышал от этого молодого человека, с собственными воспоминаниями, он мог составить себе довольно верное понятие об опасности положения королевы, о чем можно было впрочем догадаться и на письма, как оно ни было кратко и неясно. Но всего больше он удивлялся тому, что кардинал, для которого очень важно было, чтоб этот молодой человек не попал в Англию, не мог задержать его на дороге. Заметив это удивление, д'Артаньян рассказал ему, какие предосторожности были приняты и как, благодаря преданности троих друзей своих, которых он оставил в разных местах по дороге окровавленными, он доехал, отделавшись ударом шпаги, прорвавшим письмо королевы, за который он отплатил графу Варду такою ужасною монетою.

Слушая этот рассказ, полный простоты, герцог смотрел по временам на молодого человека, как будто удивляясь и не понимая, как столько благоразумия, храбрости и преданности соединялось в нем, тогда как по лицу ему нельзя было дать и двадцати лет.

Лошади летели как ветер, и в несколько минут они были у Лондонской заставы. Д'Артаньян думал, что, приехав в город, герцог замедлит ход своей лошади, но было не так: он продолжал путь во весь опор, не беспокоясь нимало о том, что мог опрокинуть по дороге людей, и действительно, в Сити были два или три таких случая; но Бокингом даже не оглядывался на тех, кого он опрокидывал. Д'Артаньян следовал за ним посреди криков, очень похожих на проклятия.

Въехавши на двор своего дома, Бокингом соскочил с лошади и, не беспокоясь, о том, куда она пойдет, бросил повод ей на шею и побежал к крыльцу.

Д'Артаньян сделал то же самое, беспокоясь впрочем немножко за этих благородных животных, которых достоинство он успел узнать; но он скоро утешился, увидев трех или четырех лакеев, выбежавших из кухонь и конюшен и взявших тотчас лошадей.

Герцог шел так скоро, что д'Артаньян едва поспевал за ним. Он прошел несколько таких изящных зал, о коих самые знатные вельможи Франции и понятия не имели, и прошел наконец в спальню, которая была образцом вкуса и богатства. В алькове этой комнаты была дверь, закрытая обоями; герцог отпер ее золотым ключиком, который висел у него на шее

на золотой цепочке. Из скромности д'Артаньян остановился за дверью, но как только Бокингом переступил через порог и заметил, что молодой человек колеблется, то воротился и сказал ему:

– Войдите, и если вы имеете счастье бывать у ее величества, расскажите ей о том, что вы здесь увидите.

Ободренный этим приглашением, д'Артаньян вошел за герцогом, который запер за собой дверь. Это была комнатка, обитая персидскою шелковою материей с золотым шитьем, и освещенная множеством свечей. Над возвышением, в роде жертвенника, под балдахином из голубого бархата с белыми и красными перьями помещен был портрет Анны Австрийской во весь рост. Сходство было так совершенно, что д'Артаньян вскрикнул от удивления: можно было подумать, что королева сейчас заговорит.

На жертвеннике под портретом стояла шкатулка с бриллиантовыми наконечниками.

Герцог подошел к жертвеннику, преклонил колена, открыл шкатулку и, вынимая из нее большой бант из голубой ленты, усеянной бриллиантами, сказал:

– Вот эти драгоценные наконечники, с которыми я поклялся умереть. Королева дала мне их; она же берет их обратно; да будет во всем ее воля.

Потом он начал целовать один за другим эти наконечники, с которыми должен был расстаться.

Вдруг он ужасно вскрикнул.

– Что такое? спросил с беспокойством д'Артаньян, – что с вами случилось, милорд?

– То, что все пропало, отвечал Бокингом, побледнев как мертвец; – двух наконечников недостает: их только десять.

– Вы потеряли их, милорд, или думаете, что их украли у вас?

– У меня их украли, отвечал герцог, – и это дело кардинала. Посмотрите, ленты, к которым они были прикреплены, отрезаны ножницами.

– Если б я мог знать, милорд, кого вы подозреваете в этой краже... Может быть, они еще у него в руках.

– Пойдите, пойдите, сказал герцог. – Только один раз я надевал эти наконечники на балу у короля, неделю назад, в Виндзоре. Графиня Винтер, с которою я был в ссоре, подходила ко мне на этом балу. Это примирение было мщение ревнивой женщины. С того дня я не видал их. Эта женщина – агент кардинала.

– Они есть во всем свете, сказал д'Артаньян.

– О, да, да, сказал Бокингем, сжимая зубы от гнева; – это страшный враг. Впрочем, когда будет этот бал?

– В будущий понедельник.

– В будущий понедельник! Еще пять дней, этого нам совершенно достаточно. Патриций! закричал герцог, отворив дверь, – Патриций!

– Позвать моего ювелира и секретаря.

Слуга вышел с быстротой и молчанием, доказывавшими, что он привык повиноваться без возражений.

Но хотя приказано было прежде позвать ювелира, секретарь пришел первый, потому что жил в замке. Когда он вошел, Бокингем сидел за столом в своей спальне и писал приказания.

– Г-н Гжаксон! сказал он, – вы отправитесь сейчас же к лорд-канцлеру и скажите, что я поручаю ему исполнить эти приказания. Я желаю, чтоб они были обнародованы тотчас.

– А если лорд-канцлер спросит меня о причинах, заставивших вашу светлость принять такую необыкновенную меру, то что прикажете отвечать?

– Что мне так угодно, и что я никому не даю отчета в своих действиях.

– Можно ли будет передать этот ответ его величеству, сказал улыбаясь секретарь, – если, может быть, его величество полюбопытствует спросить, почему ни один корабль не может выйти из гаваней Великобритании?

– Это правда, отвечал Бокингем; – в таком случае пусть он скажет королю, что я решился на войну, и что эта мера первый шаг к вражде с Францией.

Секретарь поклонился и вышел.

– Вот с этой стороны мы спокойны, сказал Бокингем, обращаясь к д'Артаньяну – Если наконечники еще не отправлены во Францию, то они не будут там прежде вас.

– Как это?

– Я наложил эмбарго на все суда, находящиеся в настоящее время в гаванях его величества, и без особенного дозволения ни одно из них не может сняться с якоря.

Д'Артаньян с удивлением смотрел на этого человека, употреблявшего для своих любовных дел неограниченную власть, которою он был облечен по доверию короля. Бокингем угадал по выражению лица его, о чем он думал, и улыбнулся.

– Да, сказал он, – Анна Австрийская настоящая моя царица; по одному ее слову я готов изменить своему отечеству и королю. Она требовала, чтоб я не посылал Рошельским протестантам пособия, которое я им обещал, и я

сделал это. Я не сдержал обещания, но это ничего, зато я послушался ее приказания, и не правда ли, что я щедро вознагражден за это, потому что за это послушание я получил ее портрет!

Д'Артаньян удивлялся, на каких тонких и невидимых нитях висят иногда судьбы народов и жизнь людей.

Он был в самой глубокой задумчивости, когда вошел ювелир. Это был Ирландец, один из искуснейших мастеров, который сам признавался, что он наживал от герцога сто тысяч ливров в год.

– Господин Орельи, сказал герцог, уводя его в комнатку, – посмотрите на эти бриллиантовые наконечники и скажите, чего стоит каждый из них.

Ювелир бросил беглый взгляд на изящную отделку их, рассчитал ценность каждого бриллианта и, без всякого колебания, сказал:

– Тысячу пятьсот пистолей за штуку, милорд.

– А сколько времени нужно, чтобы сделать два таких наконечника. Видите, тут двух недостает.

– Неделю, милорд.

– Я заплачу по три тысячи пистолей, чтоб они были готовы послезавтра.

– Будут, милорд.

– Вы драгоценный человек, господин Орельи; но это еще не все: эти наконечники никому нельзя доверять; их надо сделать здесь во дворце.

– Это невозможно, милорд, никто кроме меня не может сделать так, чтобы не заметно было разницы между новыми и старыми.

А если так, любезный мой господин Орельи, то вы мой пленник; и если бы вы захотели сейчас выйти отсюда, то не могли бы, и потому решайтесь. Позовите мне ваших подмастерьев, которые будут вам нужны, и инструменты, какие нужно принести сюда.

Ювелир знал герцога, перед которым всякое возражение было бы бесполезно, и потому сейчас же решился.

– Вы позволите мне предупредить об этом жену, милорд? сказал он.

– О, вам будет позволено даже видаться с ней, любезный господин Орельи. Ваш плен будет приятен вам, будьте покойны, и как всякое беспокойство требует вознаграждения, то вот вам, сверх платы за работу, расписка в тысячу пистолей за то, чтобы вы забыли о скуке, которую я вам причиняю.

Д'Артаньян не мог опомниться от удивления, видя как свободно этот министр располагал людьми и миллионами.

Ювелир написал своей жене письмо со вложением расписки в тысячу пистолей и просил взамен ее прислать ему лучшего из своих подмастерьев,

собрание бриллиантов, цену и названия которых он ей назначил, и необходимые для того инструменты по приложенному списку.

Бокингом отвел его в назначенную для него комнату, которая в полчаса превратилась в мастерскую.

Потом он поставил у всех дверей часовых, которым было приказано не впускать туда решительно никого, кроме Патриция. Само собою разумеется, что ювелиру Орельи и его подмастерью было решительно запрещено выходить под каким бы то ни было предлогом.

Устроив это дело, герцог обратился к д'Артаньяну и сказал:

– Теперь, молодой друг мой, вся Англия наша, чего же вы хотите? чего бы вы желали?

– Постель, сказал д'Артаньян, – потому что, признаюсь вам, в настоящую минуту она для меня всего нужнее.

Бокингом дал д'Артаньяну комнату, соседнюю со своею. Он хотел иметь молодого человека под рукою не потому, что не доверял ему, а для того, чтоб ему было с кем говорить беспрестанно о королеве.

Через час было опубликовано в Лондоне приказание не выпускать из гаваней ни одного судна во Францию, даже и почтовых пакетботов.

По общему мнению, это было объявлением войны между двумя королевствами.

В назначенный день, в одиннадцать часов, два наконечника были готовы; они были до такой степени похожи на старые, что Бокингом не мог отличить их, и самые опытные знатоки могли бы в этом ошибиться.

Он велел сейчас же позвать д'Артаньяна.

– Посмотрите, сказал он, – вот наконечники, за которыми вы приехали; будьте свидетелем, что я сделал все, что во власти человека.

– Будьте покойны, милорд, я расскажу о всем что вижу, но ваша светлость отдадите мне их без шкатулки?

– Шкатулка затруднила бы вас. Впрочем она мне тем дороже, что только она и останется. Скажите, что я ее оставил у себя.

– Я исполню ваше поручение слово в слово, милорд.

– Теперь, сказал Бокингом, – пристально смотря на молодого человека, – скажите когда и чем могу я с вами расквитаться?

Д'Артаньян покраснел до глаз. Он видел, что герцог хочет подарить ему что-нибудь и мысль, что кровь его и его товарищей будет куплена английским золотом, возбудила в нем странное отвращение.

– Объяснимся, милорд, отвечал д'Артаньян – и взвесим прежде хорошенько наши поступки, чтобы не вышло недоразумения. Я нахожусь в службе короля и королевы Франции, состою в гвардейской роте Дезессара,

особенно преданного их величествам, также как и зять его де-Тревиль. И потому все это и сделал для королевы, а не для вашей светлости. Кроме того, может быть, я не сделал бы ничего, если бы не хотел угодить одной особе, которая точно так – моя царица как королева – ваша.

– Да, сказал герцог улыбаясь, – я, кажется, даже знаю эту особу, это...

– Милорд, я не сказал ее имени, живо прервал молодой человек.

– Вы правы, сказал герцог, – так этой особе я должен быть благодарен за ваше самоотвержение.

– Точно так, милорд, потому что в эту самую минуту ходит слух о войне, и, признаюсь, я вижу в вашей светлости англичанина, следовательно, врага, которого мне гораздо приятней было бы встретить на поле битвы, чем в Виндзорском замке, или в луврских коридорах. Впрочем, это не помешает мне исполнить в точности мое поручение, хотя бы это стоило жизни. Но повторяю вашей светлости, что вам так же мало нужно благодарить меня за то, что я сделал для себя при этом втором свидании, как и за то, что сделал для вас при первом.

– О таких людях, как вы, у нас говорят; «горд как Шотландец».

– А у нас: «горд как Гасконец». Гасконцы – это Французские Шотландцы.

Д'Артаньян поклонился герцогу и хотел уйти.

– Что это, вы уходите, но куда и как?

– Да, это правда, я и забыл.

– Черт возьми, Французы ни о чем не заботятся!

– Я и забыл, что Англия остров, на котором вы король.

– Подите в гавань, спросите бриг Сунд, отдайте это письмо капитану, он отвезет вас в маленькую гавань, где верно вас не ожидают и где обыкновенно пристают только рыбацьи лодки.

– Как называется эта пристань?

– Сен-Балери: но погодите; приехавши туда, вы войдете в дрянной трактир без названия и без вывески, настоящий притон матросов; вы наверное его найдете, потому что там только один и есть.

– Потом?

– Вы спросите хозяина и скажите ему Forword.

– Что это значит?

– Это пароль. Он даст вам оседланную лошадь и укажет дорогу, по которой вам нужно ехать; вы найдете на дороге четыре запасные лошади для перемены. Если хотите, оставьте в тех местах, где вы их найдете, ваш адрес в Париже, и они будут туда доставлены; вы знаете двух из них и, кажется, оценили их как любитель. Это те, на которых мы приехали с вами,

помните? ручаюсь, что и другие две не хуже этих. – Эти четыре лошади снаряжены по-походному. Как вы ни горды, надеюсь, что вы не откажетесь принять одну из них и предложить остальные три вашим товарищам: они пригодятся вам во время войны. Цель оправдывает средства, как говорите вы, Французы.

– Да, милорд, я принимаю, и с Божией помощью мы сделаем хорошее употребление из ваших подарков.

– Теперь вашу руку, молодой человек; может быть мы встретимся на поле битвы, но, покуда, надеюсь, расстанемся друзьями.

– Да, милорд, в надежде скоро сделаться врагами.

– Не беспокойтесь, это скоро будет.

– Надеюсь на ваше слово, милорд.

Д'Артаньян поклонился герцогу и быстро пошел к гавани.

Против Лондонской башни он нашел назначенное судно, отдал письмо капитану, который предъявил его губернатору гавани и тотчас возвратился.

Пятьдесят судов были готовы к отплытию.

Пробираясь между ними, д'Артаньян увидел на одном из них ту женщину из Мёнга, которую неизвестный дворянин называл миледи, и которая так понравилась д'Артаньяну; но тотчас попутный ветер несли корабль так быстро, что через минуту ничего не стало видно.

На другой день в девять часов утра он прибыл в Сен-Валери.

Д'Артаньян в ту же минуту отправился к назначенному трактиру и узнал его по крикам, которые слышались оттуда; там говорили о войне между Англией и Францией, как о решенном деле, и веселые матросы пировали.

Д'Артаньян прошел через толпу, подошел к хозяину и сказал Forword. В ту же минуту хозяин позвал его с собою на двор, привел его в конюшню, где стояла оседланная лошадь и спросил, не нужно ли ему еще что-нибудь.

– Мне нужно знать дорогу, сказал д'Артаньян.

– Поезжайте в Бланжи, а оттуда в Невшателъ; войдите там в гостиницу Золотой Короны, скажите хозяину пароль, и вы получите такую же оседланную лошадь.

– Сколько я вам должен? спросил д'Артаньян.

– Все щедро заплачено, сказал хозяин, – поезжайте с Богом!

– Аминь, отвечал молодой человек и поскакал.

Через четыре часа он был в Невшателе.

Он исполнил в точности данные ему наставления; в Невшателе, также как в Сен-Валери он нашел приготовленную для него оседланную лошадь; он хотел переложить пистолеты из прежнего седла в новое, но нашел в

сумках седла такие же пистолеты.

– Ваш адрес в Париже?

– В гвардейских казармах, в роте Дезессара.

– Хорошо, отвечал хозяин.

– Куда ехать? спросил д'Артаньян.

– В Руан; но город останется у вас вправо. Вы остановитесь в деревеньке Экюи, там только один трактир – Щит Франции. Не судите о нем по наружности; в его конюшнях найдется лошадь не хуже этой.

– Пароль тот же?

– Тот же самый.

– Прощайте, хозяин!

– Счастливого пути! Не нужно ли вам чего-нибудь?

Д'Артаньян сделал знак головой, что ему ничего не нужно, и поскакал во весь опор.

В Экюи повторилась та же сцена: он нашел такого же предупредительного хозяина и свежую оседланную лошадь; он дал свой адрес и поскакал в Понтуаз. Там он переменил в последний раз лошадь, и в девять часов он въехал галопом на двор дома де-Тревиля.

Он сделал около шестидесяти миль в двенадцать часов.

Де-Тревиль принял его так, как будто виделся с ним в то же утро, только пожал ему руку немного крепче обыкновенного и объявил ему, что рота Дезессара в карауле в Лувре, и что он может отправиться туда.

VI. Балет Мерзелон

На другой день во всем Париже только и говорили о бале, который городские старшины давали королю и королеве, и на котором их величества обещали танцевать знаменитый балет Мерлезон, любимый балет короля.

Целую неделю в Ратуше делались приготовления к этому торжественному вечеру. Устроены были возвышения для приглашенных дам; заготовлено двести белых восковых свечей, что было в то время неслыханною роскошью; наконец пригласили двадцать лучших скрипачей и предложили им плату вдвое больше обыкновенной за то, чтоб они играли всю ночь.

В десять часов утра де-ла-Кост, прапорщик королевской гвардии, в сопровождении двух полицейских и нескольких лейб-гвардейских стрелков пришел к городскому секретарю Клементу и спросил у него ключ от дверей всех комнат и конторок Ратуши. Ключи эти сейчас же были вручены ему; к каждому из них был привязан билетик с надписью, откуда он. С этой минуты де-ла-Кост должен был охранять все двери и входы.

В одиннадцать часов пришел капитан гвардии Дюалье и привел с собою пятьдесят стрелков, которые расставлены были при всех дверях Ратуши.

В три часа пришли две роты гвардии: Французская и Швейцарская. Французская состояла из половины роты Дюалье и половины роты Дезессара.

В шесть часов вечера начали съезжаться приглашенные; они входили в большую залу и садились на приготовленных для них подмостках.

В девять часов приехала хозяйка бала. Так как она была на этом бале, после королевы, самая значительная особа, то старшины встретили ее и проводили в ложу напротив ложи королевы.

В десять часов приготовили сладкие закуски для короля в маленькой зале со стороны церкви Св. Иоанна против серебряного городского буфета, который охраняли четыре стрелка.

В полночь раздались громкие крики и многочисленные приветствия: король ехал из Лувра в Ратушу по улицам, освещенным разноцветными фонарями.

Старшины города в своих плащах и шесть сержантов с восковыми свечами встретили короля, на лестнице и купеческий голова приветствовал его; в ответ на это приветствие король извинился, что поздно приехал,

оправдываясь тем, что кардинал задержал его разговором о государственных делах до одиннадцати часов.

Его величество, в парадном платье, был сопровождаем братом своим, графом Соассонским, великим приором, герцогом де-Лонгвиль, герцогом д'Эльбёф, графом д'Аркур, графом де-ла-Рош-Гюйон, господином де-Лианкур, господином де-Барада, графом де-Крамайль и кавалером де-Сувре.

Все заметили, что король был печален и озадачен.

Один кабинет был приготовлен для короля, другой для его брата. В каждом из них были маскарадные костюмы. Точно такие же приготовления были сделаны для королевы и для хозяйки бала. Кавалеры и дамы свиты их величеств должны были одеваться по-двое в приготовленных для того комнатах.

Входя в кабинет, король приказал доложить ему, когда приедет кардинал.

Через полчаса по прибытии короля снова слышались восклицания: они давали знать о приезде королевы. Старшины с сержантами тем же порядком встретили свою знаменитую гостью, как и короля.

Королева вошла в залу: заметили, что она была так же печальна как король, и кроме того утомлена. Как только она вошла, отдернулся занавес одной маленькой ложи и показалось бледное лицо кардинала, одетого испанским кавалером.

Глаза его устремились на королеву, и на губах его показалась улыбка ужасной радости: на королеве не было бриллиантовых наконечников.

Королева принимала несколько времени приветствия городских старшин и дам.

Вдруг у одной из дверей залы явились король вместе с кардиналом. Кардинал что-то говорил ему очень тихо, а король был очень бледен.

Король прошел сквозь толпу и, без маски, с едва завязанными лентами камзола, подошел к королеве, и сказал ей изменившимся голосом:

— Отчего же, скажите, вы не надели на себя бриллиантовых наконечников, зная, что мне приятно было бы видеть их на вас?

Королева оглянулась кругом и увидела позади себя кардинала с дьявольскою улыбкой на лице.

— Государь, отвечала она также изменившимся голосом, — я боялась, чтобы с ними не случилось чего-нибудь в этой толпе.

— И худо сделали, я подарил вам их для того, чтобы вы наряжались в них. Я вам говорю, что вы худо сделали.

Голос короля дрожал от гнева; все это заметили, но никто не понимал,

что бы такое могло случиться.

– Государь, сказала королева, – я могу послать за ними в Лувр и тем исполнить желание вашего величества.

– Так и сделайте это, и притом как можно скорее, потому что через час начнется балет.

Королева поклонилась в знак покорности и пошла в свой кабинет в сопровождении придворных дам.

Король ушел в свой кабинет.

В зале произошло на несколько минут смятение и замешательство.

Все заметили, что между королем и королевой что-то случилось; но они оба говорили так тихо, что, как толпа, из уважения, отодвинулась от них на несколько шагов, то никто не мог слышать их разговора. Музыка громко играла, но ее не слышали.

Король вышел первый из своего кабинета; он был в изящнейшем охотничьем костюме, брат его и кавалеры были также в костюмах охотников. Король любил всего больше этот наряд, и в нем он казался действительно первым дворянином королевства.

Кардинал подал королю ящичек.

Король открыл его и увидел два бриллиантовые наконечника.

Что это значит? спросил он кардинала.

– Ничего, отвечал он: – только если королева наденет наконечники, в чем я сомневаюсь, то сосчитайте их, государь, и если их будет только десять, то спросите у ее величества, кто мог похитить у нее эти два.

Король посмотрел вопросительно на кардинала; но не успел ничего сказать, как раздались общие крики удивления. Если король казался первым дворянином своего королевства, то королева была, без сомнения, красивейшая женщина Франции.

Охотничий туалет был ей к лицу как нельзя больше: на ней была поярковая шляпа с белыми перьями, бархатный перламутрового цвета сюртук с бриллиантовыми застежками и атласная голубая юбка, вся шитая серебром. На левом плече ее блистали наконечники, прикрепленные бантом того же цвета как перья и юбка.

Король задрожал от радости, а кардинал от гнева; впрочем, они были так далеко от королевы, что не могли сосчитать ее наконечников: видно было, что они на ней, но дело в том, было ли их десять, или двенадцать?

В эту минуту музыка дала сигнал к балету.

Король подошел к хозяйке бала, а его высочество, брат его – к королеве. Встали на места, и балет начался.

Король танцевал против королевы и проходя мимо ее, он всякий раз

пожирал глазами эти наконечники, которых он не мог сосчитать.

Холодный пот покрыл лоб кардинала.

Балет продолжался час; – он состоял из шестнадцати фигур.

Балет кончился среди рукоплесканий всей залы, каждый отвел свою даму на место; но король воспользовался правом оставить свою даму и быстро приблизился к королеве.

– Благодарю вас, сказал он, – за внимание, которое вы оказали моим желаниям, но у вас, кажется, не достаёт двух наконечников и вот, я принес их вам.

При этих словах, он подал королеве два наконечника, переданные ему кардиналом.

Королева притворилась удивленною и спросила:

– Как, государь, вы дарите мне ещё два? у меня их будет тогда уже четырнадцать!

Когда король сосчитал наконечники на плече ее величества, их оказалось точно двенадцать.

Король позвал кардинала и спросил его строгим голосом:

– Что же это значит, господин кардинал?

– Это значит, государь, что я желал бы подарить эти два наконечника ее величеству, но, не смея предложить ей сам, употребил это средство.

С улыбкой, доказывавшей, что эта находчивая учтивость не ввела ее в обман, Анна Австрийская отвечала ему:

– Я тем более благодарна вам за них, что, я уверена, эти два наконечника, стоят вам столько же, сколько другие двенадцать стоили его величеству.

Потом поклонившись королю и кардиналу, королева пошла в комнату, где она одевалась, с тем чтобы переодеться.

Знатные лица, с которыми мы познакомились в этой главе, отвлекли на время наше внимание от того, кому Анна Австрийская была обязана неслыханною победой над кардиналом. Он, неизвестный и никем не замеченный, стоял в толпе у одной из дверей и смотрел оттуда на эту сцену, понятную только для четверых: короля, королевы, кардинала и его.

Королева ушла в свою комнату и д'Артаньян собирался уйти, как вдруг почувствовал, что кто-то слегка дотронулся до его плеча. Он обернулся и увидел молодую женщину с лицом, закрытым маской из черного бархата. Несмотря на эту предосторожность, принятую впрочем скорее для других чем для него, он в ту же минуту узнал свою обыкновенную руководительницу, легкую и умную госпожу Бонасиё.

Накануне они едва виделись у швейцара Жермена, куда д'Артаньян

вызвал ее. Поспешность, с которою ей хотелось сообщить королеве приятную новость о счастливом возвращении ее посланного, была причиной, что любовники едва обменялись несколькими словами. Д'Артаньян пошел за Бонасиё, движимый чувствами любви и любопытства. Пока они шли и по мере того как коридоры пустели, д'Артаньяну хотелось остановить ее, схватить и полюбоваться ею хоть минуту. Но, быстрая как птица, она ускользнула из рук его, а когда он хотел говорить, она клала себе на рот палец с повелительным и полным прелести жестом, напоминавшим ему, что он находится под влиянием сильной власти, которой он должен был слепо повиноваться и не позволявшей ему ни малейшей жалобы. Наконец, после нескольких переходов, Бонасиё отворила дверь и ввела молодого человека в совершенно темный кабинет. Там она сделала ему снова знак молчания и, отворив вторую дверь, скрытую за обоями, причем он увидел яркий свет, она исчезла.

Д'Артаньян остался неподвижен, спрашивая себя, где он; но вскоре теплый и благоуханный воздух, доходивший до него, самый почтительный и изящный разговор двух или трех женщин и повторенное несколько раз слово величество ясно показали ему, что он находится в кабинете, смежном с комнатой королевы.

Молодой человек стоял в ней и ждал.

Королева была весела и счастлива, что, казалось, удивляло окружавших ее, привыкших видеть ее почти всегда озабоченною. Королева объясняла свою веселость прелестью праздника, удовольствием, которое доставил ей балет, и так как нельзя противоречить королеве, все равно смеется ли она, или плачет, то все восхваляли любезность городских старшин Парижа.

Хотя д'Артаньян совсем не знал королеву, но скоро отличил ее голос, сперва по несколько иностранному ее выговору, потом по чувству господства, невольно отражающемуся в словах королевы. Он слышал, что она подходила к отворенной двери и отходила назад и даже два или три раза видел ее тень.

Наконец вдруг рука, достойная обожания по своей форме и белизне, протянулась из-за дверей; д'Артаньян понял, что это была его награда; он бросился на колени, взял эту руку и почтительно приложил ее к губам; тогда рука эта исчезла, оставив в руке его перстень; дверь тотчас затворилась и д'Артаньян снова остался в совершенной темноте.

Д'Артаньян надел перстень на палец и снова ждал: ясно было, что еще не все кончилось. За наградой его самоотвержения должна бы следовать награда за любовь. Хотя балет кончился, но бал еще только начинался;

ужин был назначен в три часа, а часы на церкви Св. Иоанна пробили несколько времени назад три четверти третьего.

Поэтому шум голосов в соседней комнате мало-помалу утихал и удалялся; потом дверь кабинета отворилась и Бонасиё вошла.

– Наконец, это вы! сказал д'Артаньян.

– Тише! сказала она, прикладывая руку к его губам, – тише! идите отсюда той же дорогой, которой пришли.

– А когда же я увижу вас?

– Возвратясь домой, вы найдете записку, из которой все узнаете. Идите, идите!

При этих словах она отворила дверь в коридор и вывела д'Артаньяна из кабинета.

Д'Артаньян слушался как дитя, без сопротивления и без возражения; что доказывало, что он действительно был влюблен.

VII. Свидание

Д'Артаньян пошел домой чуть не бегом и хотя было больше трех часов утра и ему надо было проходить самыми опасными кварталами Парижа, но он не имел ни одной неприятной встречи. Известно, что судьба покровительствует пьяным и влюбленным.

Он нашел у себя наружную дверь полуотворенною, вошел на лестницу и сделал несколько легких ударов в дверь, условленных между ним и слугою.

Планше, которого он отпустил из ратуши часа за два, приказав себя ждать, отпер ему дверь.

– Приносил кто-нибудь ко мне письмо? живо спросил д'Артаньян.

– Никто не приносил, отвечал Планше, – но здесь есть письмо, которое само пришло.

– Что ты говоришь, дурак?

Я говорю, что когда я пришел домой, ключ от вашей комнаты был у меня в кармане, и я ни разу не вынимал его, а между тем нашел в вашей спальне на столе письмо.

– А где это письмо?

– Я оставил его там, где оно было, барин. Не естественное дело, чтобы письма приходили сами. Если бы еще окно было отворено, или по крайней мере не плотно притворено, я бы ни слова не сказал, а то нет, все было плотно заперто. Берегитесь, барин, тут наверно кроется какое-нибудь колдовство.

В это время молодой человек бросился в спальню и вскрыв письмо от госпожи Бонасиё, прочел следующее:

«Вас хотят благодарить и передать вам благодарность других. Приходите в десять часов вечера в Сен-Клу против павильона на углу дома д'Эстре.

К. Б.»

Читая это письмо, д'Артаньян чувствовал, что сердце его сжималось судорожно, то мучительно, то приятно, как обыкновенно бывает у влюбленных.

Это была первая записка, полученная им и первое назначенное ему

свидание. Сердце его, переполненное радостью, замирало при входе в земной рай, называемый любовью.

Планше, увидав, что господин его то краснеет, то бледнеет, сказал:

– Ну, что, барин, не угадал ли я, что это было дело дурное?

– Ты ошибаешься, Планше, отвечал д'Артаньян, – и в доказательство этого вот тебе экую, выпей за мое здоровье.

– Благодарю вас, барин, за экую и обещаю вам исполнить в точности ваше приказание; но все-таки письма, входящие в запертые дома...

– Падают с неба, мой друг, падают с неба.

– Так вы довольны, барин?

– Любезный Планше, я счастливейший человек в свете!

– А могу ли воспользоваться вашим счастьем и идти спать?

– Да, можешь.

– Да благословит вас небо, барин, но все-таки это письмо...

И Планше ушел, кивая головой, с видом сожаления о том, что не мог поколебать спокойствия д'Артаньяна.

Оставшись один, д'Артаньян перечитывал несколько раз письмо, целовал по сто раз каждую строчку, написанную рукой его прекрасной любовницы. Наконец он лег, заснул и видел золотые сны.

В семь часов утра он встал и позвал Планше, который явился по второму зову и следы вчерашнего беспокойства еще заметны были на его лице.

– Планше, сказал д'Артаньян, – я ухожу, может быть, на весь день и потому ты свободен до семи часов вечера, а в семь часов будь готов и приготовь двух лошадей.

– Так и есть, сказал Планше, мы, кажется, опять поедем таскаться по всему свету?

– Ты возьмешь свое ружье и пистолеты.

– А что, не говорил ли я? Вот видите, я был в этом уверен; проклятое письмо!

– Успокойся же, глупец, мы поедем не больше как на прогулку.

– Да, на такую же приятную как тогда, под дождем пуль и между засадами!

– Впрочем, если вы боитесь, господин Планше, я поеду без вас; я лучше люблю путешествовать один, чем иметь товарища труса.

– Вы обижаете меня, барин; вы, кажется, видели меня на деле.

– Да, но ты, кажется, издержал в один раз всю свою храбрость.

– Вы увидите, что при случае у меня еще найдется храбрость, только прошу вас не слишком расточать ее, если хотите, чтобы ее достало надолго.

– Надеешься ли ты, что тебе достанется на сегодняшний вечер?
– Надеюсь.
– Хорошо, я на тебя полагаюсь.
– В назначенный час я буду готов; но у вас в гвардейской конюшне, кажется, только одна лошадь.
– Может быть, теперь только одна; но к вечеру будет четыре.
– Разве мы ездили за ремонтом?
– Без сомнения, отвечал д'Артаньян – и вышел, повторив ему свое приказание.

Бонасиё стоял у дверей. Д'Артаньяну хотелось пройти мимо его, не вступая в разговор; но торговец поклонился ему так приятно и благосклонно, что жилец его не только должен был ответить ему тем же, но и вступить в разговор.

Впрочем, как же не иметь снисхождения к мужу, жена которого назначила вам свидание в тот же вечер? Д'Артаньян подошел к нему с таким ласковым видом, как только мог.

Разговор естественно клонился к содержанию несчастного в тюрьме. Бонасиё не знал, что д'Артаньян слышал разговор его с неизвестным человеком из Мёнга и рассказал своему жильцу о преследованиях этого чудовища (Лаффема), которого во все время рассказа называл палачом кардинала, и распространялся о Бастилии, о железных запорах, о калитках, об отдушниках, решетках и орудиях пытки.

Д'Артаньян слушал его с приметным схождением и, когда он кончил, сказал ему;

– А знаете ли вы, кто похитил госпожу Бонасиё? я спрашиваю об этом потому, что никогда не забуду, что этому несчастному случаю я обязан приобретением приятного знакомства с вами.

– Нет, сказал Бонасиё; – они были так осторожны, что не сказали мне этого, да и жена моя в свою очередь клялась всем на свете, что не знала. Но скажите, что вы делали в эти дни, продолжал он с полным добродушием; я давно не видал ни вас, ни друзей ваших и верно не на Парижских улицах вы так запылили свои сапоги и платье, что Планше с трудом отчистил их.

– Вы правы, любезный господин Бонасиё, я сделал с друзьями своими маленькое путешествие.

– Далеко отсюда?

– О, нет, не более сорока миль: мы проводили Атоса к Форжеским водам, где и остались мои товарищи.

– А вы возвратились? так ли я говорю? продолжал Бонасиё с лукавым видом. – Любовницы не дают продолжительного отпуска таким

прекрасным юношам как вы, и вас с нетерпением ожидают в Париже, не правда ли?

– Да, правда, смеясь, отвечал молодой человек, – я признаюсь вам в этом тем охотнее, что, как я вижу, от вас ничего нельзя скрыть, любезный господин Бонасиё. Да, повторяю вам, меня ожидали довольно нетерпеливо.

Легкое облачко показалось на лице Бонасиё, но такое легкое, что д'Артаньян не заметил его.

– И вас вознаградят за скорое возвращение? продолжал торговец, с изменением голоса, которого д'Артаньян тоже не заметил.

– Полноте притворяться святошей, сказал д'Артаньян смеясь.

– Нет, я заговорил об этом только для того, чтоб узнать, поздно ли вы возвратитесь домой.

– К чему этот вопрос, любезный хозяин? спросил д'Артаньян, – разве вы хотите ждать меня?

– Нет; но со времени моего арестования и покражи, случившейся у меня, я пугаюсь всякий раз, когда слышу, что отпирают дверь, особенно ночью. Баба, скажете вы; но что же делать! ведь я не военный.

– Ну. так не пугайтесь, если я возвращусь в час, в два, или в три часа утра; да если я и совсем не возвращусь, тоже не пугайтесь.

В этот раз Бонасиё так побледнел, что д'Артаньян не мог не заметить этого и не спросить, что с ним случилось.

– Ничего, ничего, отвечал Бонасиё. – С тех пор как меня постигли несчастья, со мной иногда вдруг делается дурнота; вот и теперь я чувствую озноб. Не обращайтесь на это внимания и не заботьтесь ни о чем кроме вашего счастья.

– В таком случае мне есть о чем заботиться, потому что я счастлив.

– Погодите, еще не совсем; ведь вы сказали вечером.

– Так что же? и вечер придет! может быть, и вы ожидаете его с таким же нетерпением как я. Может быть сегодня вечером госпожа Бонасиё посетит жилище своего супруга.

– Госпоже Бонасиё некогда сегодня вечером, с важностью отвечал муж; – служба удерживает ее в Лувре.

– Тем хуже для вас, любезный хозяин; тем хуже, когда я счастлив, то мне хотелось бы, чтобы все были счастливы, но это, кажется, невозможно.

И молодой человек удалился, помирал со смеху от этой шутки, понятной, по его мнению, только ему.

– Желаю веселиться! отвечал Бонасиё могильным голосом.

Но д'Артаньян был уже так далеко, что не мог слышать этого; да если бы и слышал, то при расположении духа, в каком он был, вероятно, он и не

заметил бы этого.

Он отправился в дом де-Тревиля; накануне он виделся с де-Тревилем так не долго, что не успел хорошенько поговорить.

Он застал де-Тревиля в большой радости. Король и королева были очень благосклонны к нему на бале. Зато кардинал был несносен.

В час утра он уехал под предлогом нездоровья, тогда как их величества возвратились в Лувр в шесть часов утра.

– Теперь, сказал де-Тревиль, понижая голос и внимательно осматривая все углы комнаты, чтоб увериться, что никого нет, – теперь поговорим о вас, молодой друг мой; я вижу, что счастливое возвращение ваше доставило королю радость, королеве торжество, а кардиналу унижение. Теперь вам нужно держаться крепко.

– Чего же мне бояться, отвечал д'Артаньян, – если я буду иметь счастье пользоваться благосклонностью их величеств?

– Поверьте мне, – всего. Кардинал не такой и неловок, чтобы забыл мистификацию, не рассчитавшись с мистификатором. А этот мистификатор, как мне хорошо известно, гасконец.

– Вы думаете, что кардиналу все известно, так же как вам, и что он знает, что в Лондон ездил я?

– Ах, черт возьми, вы были в Лондоне. Не оттуда ли вы привезли бриллиант, блестящий у вас на руке? Берегитесь, любезный д'Артаньян, не хорошо принимать подарки от неприятелей; на этот случай, кажется, есть латинский стих... постойте...

– Без сомнения есть, отвечал д'Артаньян, не знавший даже первоначальных правил латинского языка и приводивший в отчаяние учителя своим незнанием.

– Наверное есть, сказал де-Тревиль, имевший понятие о литературе, – и господин Бенсерад когда-то приводил мне его... ах, вот он:

Timeo Danaos et dona ferentes

Это значит: не доверяйся неприятелю, когда он делает тебе подарок.

– Этот бриллиант не от неприятеля, сказал д'Артаньян, – а от королевы.

– От королевы? Ого! и точно это царский подарок, – он стоит тысячу пистолей. Через кого королева доставила вам этот подарок?

– Она сама отдала мне его.

– Где?

– В кабинете, смежном с комнатою, где она переодевалась.

– Как?

– Она дала мне поцеловать свою ручку.

– Вы поцеловали ручку королевы? спросил де-Тревиль, пристально смотря на него.

– Её величество удостоила меня этой милости.

– И в присутствии свидетелей? Неблагодарная! тысячу раз неблагодарная!

– Нет, капитан, успокойтесь, никто этого не видал.

Он рассказал де-Тревилю, как все это случилось.

– О женщины, женщины! сказал старый воин, – я узнаю вас по романическому воображению вашему; все, что имеет вид таинственности, пленяет вас! Итак, вы видели руку и больше ничего, так что если вы встретите королеву, то не узнаете ее и если она встретит вас, не узнает кто вы.

– Нет, но по этому бриллианту...

– Послушайте, хотите ли я дам вам совет добрый и дружеский?

– Вы сделаете мне этим честь, капитан.

– Хорошо! ступайте к первому ювелиру, какого увидите, и продайте ему этот бриллиант за такую цену, какую он вам предложит; какой бы он жид ни был, все-таки даст вам восемьсот пистолей. Нельзя узнать, откуда вы получите пистолы, молодой человек, но этот перстень может открыть тайну того, кто его носит.

– Продать этот перстень, доставшийся мне от моей государыни! Никогда! сказал д'Артаньян.

– Поверните же, по крайней мере, камнем внутрь, простачек: ведь всякий знает, что гасконский кадет не найдет такой драгоценности в шкатулке своей матери.

– Так вы думаете, что я должен ожидать чего-нибудь неприятного? спросил д'Артаньян.

– Я вам скажу, молодой человек, что тот, кто спит на mine, фитиль которой уже зажжен, может считать себя вне опасности в сравнении с вами.

– Черт возьми! что же мне делать? Сказал д'Артаньян: его уже начинала беспокоить уверенность, с которою говорил с ним де-Тревиль.

– Быть осторожным всегда и во всем. У кардинала отличная память и длинные руки; поверьте мне, он сыграет с вами славную штуку.

– Какую же?

– Почему же я знаю? Известно, что он хитер как демон; самое меньшее, чего вы можете себе ожидать, это то что вас схватят.

– Как, кто смеет схватить человека, состоящего в службе его величества?

– Однако же с Атосом не очень церемонились. Во всяком случае, молодой человек, вспомните, что я тридцать лет при дворе и потому слушайте и верьте: не будьте беззаботны в надежде на свою неприкосновенность, иначе вы погибли. Я вам скажу совсем напротив: считайте всех за врагов. Если с вами захотят завести ссору, избегайте ее, хотя бы вас дразнил десятилетний мальчик; если на вас нападут днем или ночью, отступайте без стыда; когда вы пойдете через мост, пробуйте каждую доску, не провалится ли она; когда пойдете мимо строящегося дома, посматривайте вверх, чтобы на вас не упал камень; если вы поздно возвращаетесь домой, берите с собой вооруженного слугу, в котором вы уверены. Не доверяйтесь никому: Ни другу, ни брату, ни любовнице, а особенно любовнице.

Д'Артаньян покраснел.

– Отчего я должен больше всего быть недоверчивым к своей любовнице?

– Потому что любовница это любимое и самое действительное оружие кардинала: женщина продаст вас за десять пистолей. Вспомните Далиле, если вы читали Св. Писание.

Д'Артаньян вспомнил о свидании, назначенном ему в тот же вечер госпожой Бонасиё; но должно сказать к чести нашего героя, что дурное мнение де-Тревиля о женщинах вообще не внушало ему ни малейшего подозрения к хорошенькой хозяйке его.

– Да, кстати, сказал де-Тревиль, – а куда же девались три ваши товарища?

– Я хотел спросить вас, не получили ли вы каких-нибудь сведений о них.

– Никаких.

– Я оставил их по дороге в Шантильи.

Портоса, вызванного на дуэль; в Кревкёре Арамиса с пулей в плече; в Амиене Атоса, обвиненного в делании фальшивой монеты.

– Вот что! сказал де-Тревиль, как это вы ускользнули?

– Чудом, капитан, надо сознаться: я отделался ударом шпаги в грудь и за то приколол к земле графа де-Варда как бабочку к обоям. Это было недалеко от Кале.

– Этого не доставало! графа де-Варда, человека преданного кардиналу, брата Рошфора. Пойдите, мне пришла счастливая мысль.

– Скажите, капитан.

– На вашем месте я поступил бы вот как: между тем как меня кардинал велел бы разыскивать в Париже, я бы потихоньку поехал по Пикардийской дороге и стал бы собирать сведения о своих спутниках. Черт возьми, разве они не заслуживают некоторого внимания с вашей стороны?

– Добрый совет, капитан, я завтра же поеду.

– Завтра! а отчего же не сегодня?

– Сегодня у меня есть в Париже очень важное дело.

– Ах, молодой человек, какая-нибудь любовница! Берегитесь, повторяю вам, – женщина погубила всех нас и еще раз погубит. Поверьте мне и поезжайте сегодня вечером.

– Невозможно, капитан.

– Разве вы дали слово?

– Да.

– Это другое дело; но обещайте мне, что если вас в эту ночь не убьют, то завтра вы едете.

– Извольте.

– Не нужно ли вам денег?

– У меня есть пятьдесят пистолей; этого, кажется довольно.

– А вашим товарищам?

Я думаю, у них есть. Мы выехали из Парижа, имея каждый по семидесяти пяти пистолей.

– Мы увидимся до вашего отъезда?

– Я думаю нет, капитан, если не случится чего-нибудь особенного.

– Так счастливый путь!

– Благодарю, капитан.

Д'Артаньян откланялся, тронутый совершенно отеческою заботливостью де-Тревиля о его мушкетерах.

Он зашел к Атосу, Портосу и Арамису и никого из них не застал дома. Лакеев их тоже не было, и дома ничего не слыхали ни о господах, ни о слугах.

Он справился бы о них у их любовниц, но он не знал любовниц Портоса и Арамиса, а у Атоса ее не было.

Проходя мимо гвардейских казарм, он заглянул в конюшни: из четырех лошадей три уже были дома.

Удивленный Планше уже вычистил двух из них.

– А, барин, сказал Планше, заметив д'Артаньяна, – как я рад, что вас вижу!

– А от чего ты рад? спросил молодой человек.

– Имеете ли вы доверие к хозяину нашему, Бонасиё?

– Я? нисколько.

– И хорошо делаете, барин.

– К чему этот вопрос?

– А к тому, что пока вы с ним разговаривали, я смотрел на вас и заметил, что он два или три раза переменялся в лице.

– Вот что!

– Вы этого не заметили, потому что были заняты полученным вами письмом, а я напротив, озадаченный странным способом появления этого письма, внимательно следил за выражением лица Бонасиё.

– И как ты его находишь?

– Изменническим.

– Право?

– Да, кроме того, как только вы его оставили и исчезли в конце улицы, Бонасиё взял шляпу, запер дверь и побежал в противную сторону.

– Ты прав, Планше; все это кажется мне очень подозрительным, и, не беспокойся, мы не заплатим ему за квартиру, пока все это не объяснится положительно.

– Вы шутите, барин, но увидите, что я говорю правду.

– Что же делать, Планше, чему быть, тому не миновать.

– Так вы не отказываетесь от вечерней прогулки?

– И не думал, Планше; чем больше я сержусь на Бонасиё, тем сильнее мне хочется идти на свидание, назначенное мне этим письмом, которое так тревожит тебя.

– Так вы окончательно решились...

– Непременно, мой друг; так что в девять часов ты будь здесь готов, я приду за тобой.

Планше, видя, что нет никакой надежды убедить своего господина отказаться от его предположения, тяжело вздохнул и принялся чистить третью лошадь.

Д'Артаньян, как человек весьма основательный, вместо того чтобы идти домой, пошел обедать к тому гасконцу священнику, который угощал его с товарищами шоколадом, когда у них не было денег.

VIII. Павильон

В девять часов д'Артаньян был в казармах, он нашел Планше готовым; четвертая лошадь была доставлена.

Планше вооружился ружьем и пистолетом. Д'Артаньян надел шпагу и заткнул за пояс два пистолета; потом они оба сели на лошадей и выехали без шума. Ночь была темная и никто не видал, как они выехали. Планше ехал за своим господином в десяти шагах.

Д'Артаньян проехал по набережной, выехал из города в ворота Конференции и поехал по дороге в Сен-Клу, которая тогда была гораздо красивее чем теперь.

Пока они ехали городом, Планше сохранял почтительное расстояние от своего господина; но как только дорога начинала делаться пустынною и более темною, он приближался понемногу; так что когда они въехали в Булонский лес, он ехал уже рядом с господином. Не будем скрывать, что колебание деревьев и отражение лунного света на их мрачных вершинах причиняли ему какое-то беспокойство. Д'Артаньян заметил, что с ним делается что-то необыкновенное.

– Что с вами, господин Планше?

– Не правда ли, барин, что леса похожи на церкви?

– Чем же, Планше?

– Тем, что нет возможности громко говорить в лесу, так же как и в церкви.

– Отчего же у тебя нет смелости громко говорить, Планше, чего ты боишься?

– Боюсь, что услышат.

– Боишься, что услышат! наш разговор не безнравственный любезный Планше; против него ничего нельзя сказать.

– Ах, барин, сказал Планше; – возвращаясь к своей постоянной мысли, сколько суровости в бровях Бонасиё и как отвратительно движение его губ!

– Черт просит тебя думать об этом Бонасиё!

– Барин, мы думаем о чем можем, а не о чем хотим.

– Потому что ты трус, Планше.

– Не смешивайте благоразумия с трусостью, барин; благоразумие – добродетель.

– Так ты добродетелен, Планше, да?

– Барин, посмотрите, кажется там блестит дуло ружья? Не нагнуться

ли нам?

– В самом деле, пробормотал д'Артаньян, вспомнив наставления де-Тревиля; эта скотина в самом деле напугает меня; и он пустил лошадь рысью.

Планше пустился за ним как тень, тоже рысью.

– Барин, мы всю ночь проведем так? спросил он.

– Нет, Планше, ты уже приехал.

– Как, я приехал? а вы барин?

– Я пойду немножко подальше.

– Вы меня оставите здесь одного?

– А ты боишься?

– Нет, я хотел только сказать, что ночь будет очень холодная; что от холода можно получить ревматизм и что человек с ревматизмом плохой слуга, особенно такому деятельному барину как вы.

– Хорошо, если тебе холодно, зайди в трактир, видишь, вон там, и жди меня у ворот завтра в шесть часов утра.

– Барин, я с благодарностью пропил экю, который мне дали утром, так что не осталось ни одного су, чтобы согреться.

– Вот тебе полпистоля. До завтра.

Д'Артаньян сошел с лошади, отдал узду Планше и быстро пошел, закутавшись в плащ.

– Боже мой, какая стужа! сказал Планше, когда потерял из виду своего господина, и желая поскорее согреться, он постучал в дверь домика, украшенного всеми принадлежностями деревенского кабака.

Между тем д'Артаньян продолжал путь по проселочной дороге и приблизился к Сен-Клу; но вместо того чтобы выйти по большой улице, он обогнул замок, вышел в переулочек и вскоре очутился против назначенного павильона. С одной стороны переулка была высокая стена, на углу которой был павильон, а с другой плетень, защищавший от прохожих садик, в глубине которого стояла бедная хижина.

Он пришел на место свидания, и как не было назначено сигнала, которым бы он мог дать знать о себе, то он ждал.

Не слышно было ни малейшего шума как будто за сто миль от Парижа. Д'Артаньян, осмотревшись, прислонился к плетню. Позади плетня, сада и хижины, густой туман покрывал огромное пространство, в котором спал Париж, где блесело несколько светлых точек, мрачных звезд этого ада.

Но для д'Артаньяна все принимало счастливый вид, всякая мысль улыбалась ему и даже темнота казалась ему прозрачною. Час свидания наступил.

И точно, спустя несколько секунд часы на башне Сен-Клу медленно пробили десять.

Было что-то мрачное в этих звуках, раздававшихся среди ночи.

Но каждый удар гармонически отзывался в сердце молодого человека.

Глаза его устремились на павильон, находившийся на углу стены; все окна его были закрыты ставнями, кроме одного в первом этаже.

В этом окне виден был слабый свет, серебривший колеблющиеся листья двух или трех лип, сгруппировавшихся вне парка. Очевидно, что за этим окном, так приятно освещенным, хорошенькая Бонасиё ожидала его.

Питаясь этою приятною мыслью, д'Артаньян терпеливо ждал полчаса, устремив взоры на это прекрасное маленькое жилище; д'Артаньян видел часть потолка его, с золотыми украшениями, доказывавшими, что и все остальное должно быть там роскошно отделано.

На башне Сен-Клу пробило половину одиннадцатого. Д'Артаньян не понимал от чего в эту минуту дрожь пробежала по его жилам: может быть холод его пробирал, а он хотел объяснить это нравственным чувством.

Потом ему пришла мысль, не ошибся ли он, может быть, не в одиннадцать ли часов назначено свидание.

Он подошел к окну, вынул из кармана письмо и прочел его еще раз: оказалось, что не ошибся, что свидание назначено в десять.

Он пошел на прежнее место; тишина и уединение начинали его беспокоить. Пробило одиннадцать.

Д'Артаньян начал серьезно бояться, не случилось ли чего-нибудь с госпожой Бонасиё.

Он ударил в ладони три раза – это обыкновенный сигнал влюбленных; но ему не ответил никто, даже и эхо.

Тогда он с каким-то отчаянием думал, что она, ожидая его, заснула.

Он подошел к стене и пробовал влезть по ней, но она была недавно выштукатурена, и потому он только понапрасну изломал ноги.

В это время он взглянул на деревья и как ветви одного из них выходили на дорогу, то он надеялся, что с этого дерева он может посмотреть в павильон.

Влезть на это дерево было легко. Впрочем д'Артаньяну было только 20 лет, и потому он не забыл еще свои школьные похождения.

В минуту он был на дереве и смотрел сквозь стекла во внутренность павильона. Он увидел такие страшные вещи, которые заставили его задрожать с головы до ног; этот скромный свет лампы освещал сцену страшного беспорядка. Одно стекло было разбито, дверь в соседнюю комнату, полусломанная, едва держалась на петлях; стол, на котором по-

видимому, был накрыт великолепный ужин, валялся на полу; на паркете лежали разбитые бутылки и раздавленные плоды. Все показывало, что в этой комнате происходила сильная и отчаянная борьба. Д'Артаньяну показалось даже, что посреди всего этого лежали клочки одежды, а на скатерти и занавесках были кровавые пятна.

Он поспешно слез с дерева, с страшным биением сердца, и хотел посмотреть, нет ли еще каких-нибудь следов насилия.

Слабое мерцание света посреди тихой ночи помогло д'Артаньяну заметить тогда то, чего он прежде не замечал, потому что не имел причины обратить на это внимания; а именно, что земля была изрыта ногами людей и лошадей. Кроме того колеса кареты, приехавшей, по-видимому, из Парижа, сделали глубокую колею на мягкой земле; эта колея не шла дальше павильона, а оттуда поворачивалась к Парижу.

Наконец д'Артаньян, продолжая свои исследования, нашел подле стены разорванную женскую перчатку. Впрочем, эта перчатка была совершенно чистая, кроме той части, которою она касалась грязи. Это была одна из тех раздушенных перчаток, которые любовники любят снимать с хорошенькой ручки.

Во время этих исследований лоб его покрывался все более и более холодным потом, ужасная тоска сжимала его сердце, дыхание прерывалось; впрочем, чтоб успокоить себя, он старался думать, что павильон не имел ничего общего с госпожой Бонасиё, потому что она назначила ему свидание не в павильоне, а против павильона, и что служба, или, может быть, ревность мужа могли удержать ее в Париже.

Но все эти рассуждения уничтожались совершенно чувством глубокой печали, которое в известных случаях овладевает нами совершенно и говорит нам громко и ясно, что нас ожидает большое несчастье.

Когда д'Артаньян почти обезумел: он побежал на большую дорогу тем же путем, каким пришел сюда, пошел на пристань и стал расспрашивать перевозчика.

Перевозчик с семи часов вечера перевез даму, закутанную в черный плащ: она, казалось, очень заботилась о том, чтоб ее не узнали, но именно поэтому-то он обратил на нее особенное внимание и заметил, что она была молода и красива.

В то время, так же как и теперь, множество молодых хорошеньких женщин ездили к Сен-Клу, и все заботились о том, чтоб их не узнали; но д'Артаньян несколько не сомневался, что эта дама была Бонасиё.

Д'Артаньян воспользовался светом лампы, горевшей в хижине перевозчика и прочел еще раз записку, чтоб увериться, что свидание

действительно назначено в Сен-Клу, а не в другом месте и против павильона д'Эстре, а не в другой улице.

Все доказывало д'Артаньяну, что предчувствия не обманывали его и что случилось большое несчастье.

Бегом направился он опять к замку; ему казалось, что в его отсутствие там случилось что-нибудь новое, и что он найдет там объяснение своих недоумений.

Переулочек был так же пуст, и тот же слабый и приятный свет виднелся в окне. Дверь в сад была заперта, но он перескочил через забор, и не обращая внимания на лай цепной собаки, подошел к хижине.

Когда он постучался, никто не отвечал. Мертвое молчание царствовало в хижине, так же как и в павильоне; но как эта хижина была для него последним средством узнать что-нибудь, то он постучался еще раз.

Вскоре внутри хижины послышался легкий и робкий шум человека, который, казалось, боялся, чтоб его не услышали.

Тогда д'Артаньян перестал стучаться и просил отворить дверь таким тревожным и испуганным голосом, который мог успокоить самого робкого. Наконец старый полусгнивший ставень немножко отворился и тотчас же затворился, когда слабый свет тусклой лампы, горевшей в углу, осветил перевязь, эфес шпаги и ложе пистолетов д'Артаньяна. Впрочем, как ни быстро было это движение, д'Артаньян успел заметить голову старика.

— Ради Бога! сказал он, — послушайте меня. Кого я ждал, тот не пришел, и я умираю от беспокойства. Скажите, не случилось ли здесь в окрестностях какого-нибудь несчастья?

Окно медленно отворилось и то же лицо явилось снова, только оно было еще бледнее чем в первый раз.

Д'Артаньян откровенно рассказал свою историю, не называя только никого по имени; он рассказал, как одна молоденькая женщина назначила ему свидание против павильона, и как, не могши дождаться ее, он влез на липу и при свете лампы увидел беспорядок в комнате.

Старик слушал его внимательно, кивая головою в знак согласия, потом, когда д'Артаньян кончил, он покачал головою с таким видом, который не предвещал ничего хорошего.

— Что вы на это скажете? спросил д'Артаньян, — ради Бога, объясните мне.

— О, господин, сказал старик, — не спрашивайте меня ни о чем, потому что если я расскажу вам, что видел, поверьте мне, за это не скажут спасибо.

— Так вы видели что-нибудь? В таком случае умоляю вас, сказал д'Артаньян, бросая ему пистоль, — скажите, что вы видели и даю вам слово

дворянина, что ни одно слово ваше не сорвется с моего языка.

Старик видел столько искренности и печали на лице д'Артаньяна, что сделал ему знак молчания и сказал вполголоса:

– Около девяти часов вечера я услышал на улице шум и хотел посмотреть, что там делается; подходя к калитке, я услышал, что кто-то хочет войти в нее. Так как я беден и не боюсь быть обокраденным, то отворил калитку и увидел в нескольких шагах от нее троих мужчин. В стороне стояла запряженная карета и верховые лошади. Эти верховые лошади принадлежали очевидно мужчинам, одетым по-военному.

– А, добрые господа, сказал я, – что вам угодно?

– У тебя верно есть лестница, сказал тот, который, кажется, был начальником.

– Есть та, с помощью которой я собираю плоды.

– Дай ее нам и ступай домой, вот тебе экую за то, что мы тебя потревожили. Но помни только, что ты погиб, если расскажешь хоть одно слово из того, что ты видишь и из того, что услышишь (я уверен, что, не смотря ни на какие угрозы, ты будешь смотреть и слушать).

С этими словами он бросил экую, который я поднял, и он взял мою лестницу.

И точно, когда я запер за собой калитку, я притворился, будто пошел домой, но вышел тотчас же через заднюю дверь и пробрался в тени к кусту бузины, из-за которого я мог все видеть, будучи незамеченным.

Три человека подвели без всякого шума карету и вывели из нее человека, толстого, маленького роста, с проседью, бедно одетого в черное платье; он осторожно влез на лестницу, сурово посмотрел во внутренность комнаты, осторожно опустился и проворчал тихонько.

– Это она!

Тот, который говорил со мной, подошел тогда к двери павильона, отпер ее ключом, который был у него, и запер за собою дверь, в тоже время другие двое влезли на лестницу. Старичок остался у дверей кареты; кучер держал лошадей каретных, а лакей верховых.

Вдруг в павильоне раздался громкий крик: женщина подбежала к окну и отворила его, как будто желая из него броситься. Но как только заметила людей, отскочила назад, а они бросились за ней в комнату.

После этого я ничего не видал, но слышал, как с шумом ломали мебель. Женщина кричала и звала на помощь. Но скоро эти крики затихли; трое мужчин подошли к окну, неся на руках женщину; двое спустились с ней по лестнице и перенесли ее в карету, куда старичок сел тотчас после нее. Тот, который остался в павильоне, затворил окно, вышел сейчас же из

дверей и посмотрел в карету, чтоб увериться, что женщина там. Двое товарищей ожидали его уже на лошадях, он вскочил на седло, лакей сел подле кучера, карета поскакала галопом в сопровождении трех всадников и тем все кончилось.

После этого я больше ничего не видал и не слышал.

Д'Артаньян, пораженный этою ужасною новостью, был неподвижен и нем, между тем как потоки гнева и ревности клокотали в его сердце.

– Не отчаивайтесь же, ведь ее не убили, это главное, сказал старик, на которого немое отчаяние произвело большее впечатление, чем могли бы сделать крики и слезы.

– Не знаете ли вы хоть приблизительно, кто предводитель этой адской экспедиции?

– Я не знаю его.

– Но как вы говорили с ним, то могли видеть его.

– А, так вы хотите, чтоб я описал его?

– Да.

– Высокий, худощавый, смуглый, с черными усами и глазами и с благородною наружностью.

– Так и есть, сказал д'Артаньян, – опять он; везде он! Это, кажется, мой демон. А другой?

– Который?

– Маленький.

– О, он не господин, за это я отвечаю: между прочим при нем не было шпаги и другие обращались с ним неуважительно.

– Какой-нибудь лакей, проворчал д'Артаньян. – Ах, бедная женщина! бедная женщина! что с ней сделали?

– Вы обещали хранить тайну, сказал старик.

– И снова обещаю, будьте спокойны, я дворянин; для дворянина нет ничего дороже его слова, а это слово вам дано.

Д'Артаньян, с горестью в душе, пошел опять к перевозу. То ему не хотелось верить, что это была Бонасиё, и он надеялся увидеться с ней на другой день в Лувре; то он боялся, что она имела интригу с другим и что этот ревнивец подкараулил и похитил ее. Он не знал, что делать и предавался отчаянию.

– О, если бы друзья были со мной! вскричал он; – я по крайней мере имел бы надежду найти ее; но кто знает, что с ними случилось.

Была почти полночь; надобно было найти Планше. Д'Артаньян велел отворять себе по дороге все кабаки, в которых видел свет; но ни в одном из них не нашел Планше.

Подходя к шестому, д'Артаньян вспомнил, что поиски его напрасны. Он назначил своему слуге свидание в шесть часов и потому, где бы он ни был, он был прав.

Кроме того, ему пришло на мысль, что оставаясь вблизи того места, где случилось это происшествие, ему удастся, может быть, получить некоторые объяснения этого таинственного дела. У шестого кабака, как мы сказали, д'Артаньян остановился, вошел, спросил бутылку вина лучшего качества, и сел в самом темном углу, решившись ждать утра в таком положении; но и тут надежда обманула его; хотя он слушал с полным вниманием разговор работников, лакеев и извозчиков, составлявших общество, в котором он находился, но кроме острот, шуток и брани не слышал ничего такого, что могло бы навести его на след несчастной похищенной женщины.

Выпив свое вино, он принужден был, от нечего делать, и чтобы не возбудить подозрения, выбрать себе, по возможности, удобное положение, чтобы как-нибудь заснуть. Д'Артаньяну было двадцать лет; а в этом возрасте сон имел такие неоспоримые права, даже и над людьми, преданными отчаянию.

В шесть часов утра д'Артаньян проснулся в таком дурном расположении духа, какое всегда бывает после дурно проведенной ночи. Собраться было ему не долго; он осмотрел свои вещи, чтоб узнать, не обокрали ли его во сне, но нашел на руке перстень, кошелек в кармане и пистолеты за поясом. Тогда он встал, заплатил за вино и вышел, в надежде, не будет ли он утром счастливее в отыскании своего слуги, чем ночью. И точно, первое, что он увидел во влажном и сероватом тумане, был верный Планше, который держал двух лошадей и ждал его у дверей маленького кабака, мимо которого д'Артаньян прошел, не подозревая, что слуга его там.

IX. Портос

Вместо того, чтоб отправиться прямо домой, д'Артаньян сошел с лошади у дверей дома де-Тревиля и быстро взошел на лестницу. В этот раз он решился со всею откровенностью рассказать обо всем, с ним случившемся. Де-Тревиль мог быть очень полезен ему в этом случае; и как он почти ежедневно виделся с королевой, то без сомнения мог получить от нее какие-нибудь сведения о бедной женщине, страдавшей за свою преданность к ее особе.

Де-Тревиль выслушал рассказ молодого человека очень серьезно; во всем этом происшествии он видел не любовную интригу, а происки партии кардинала.

— Ого! тут сильно отзывается кардиналом, сказал он, когда д'Артаньян окончил рассказ.

— Но что теперь делать?

— Больше ничего, как оставить Париж, нисколько не медля. Я увижусь с королевой, расскажу ей подробности похищения бедной женщины, о котором, вероятно, она еще ничего не знает; подробности эти наведут ее на след, и, быть может, по возвращении вашем, я в состоянии буду сообщить вам хорошие вести. Положитесь на меня.

Д'Артаньян знал, что де-Тревиль, хотя и гасконец, не любил много обещать, но уж если обещал, то всегда держал слово. Он поклонился ему с чувством благодарности за прошедшее и будущее, а капитан с своей стороны, принимавший живое участие в молодом человеке, столь смелом и решительном, крепко пожал ему руку и пожелал счастливого пути.

Решившись последовать совету де-Тревиля, д'Артаньян тотчас же отправился в улицу Могильщиков, чтобы присмотреть за укладкою вещей в чемодан. Приближаясь к дому, он заметил г. Бонасиё, стоявшего в утреннем платье у дверей своего дома. Все, сказанное ему накануне осторожным Планше о подозрительном характере этого человека, пришло тогда на память д'Артаньяну, и он посмотрел на Бонасиё пристальнее чем когда-либо. В самом деле, не говоря уже о желтом, болезненном цвете лица, доказывающем разлитие желчи, что впрочем могло быть и случайным явлением, в морщинах лица г. Бонасиё виднелось постоянно что-то злое и хитрое. Бездельник смеется не так, как честный человек, и плач лицемера не похож на плач человека добродетельного. Всякая хитрость есть маска, и как бы искусно не была надета эта маска, при некотором внимании всегда

можно отличить ее от лица.

Д'Артаньяну показалось, что Бонасиё носит маску, и маску весьма не привлекательную.

Побуждаемый отвращением к этому человеку, он хотел пройти мимо, не сказав с ним ни слова, но, как и накануне, Бонасиё сам заговорил с ним.

– А, молодой человек, вы хорошо проводите время: черт возьми! уж семь часов утра. Совершенно вопреки принятым обычаям, вы возвращаетесь домой только тогда, когда другие выходят из дому.

– Вам нельзя сделать того же упрека, г. Бонасиё, сказал молодой человек, – вы образец порядочного человека; впрочем, у кого есть хорошенькая молоденькая жена, тому незачем идти искать счастья, оно само его найдет. Не правда ли, г. Бонасиё?

Бонасиё побледнел как смерть, и старался улыбнуться.

– Какой же вы шутник, г. д'Артаньян! Но скажите, пожалуйста, где вы шатались эту ночь? Кажется, что проселочные дороги не совсем удобны для прогулки.

Д'Артаньян посмотрел на свои сапоги, выпачканные грязью, но в тоже время случайно взглянул на башмаки и чулки Бонасиё, и заметил, что они были точно так же испачканы, пятна были совершенно того же свойства.

Внезапная мысль поразила д'Артаньяна; не был ли этот человечек, толстый, небольшого роста, нечто в роде лакея, одетый в платье темного цвета, с которым не уважительно обращались люди, составлявшие конвой, сам Бонасиё? Не присутствовал ли муж при похищении жены своей?

Д'Артаньяну ужасно хотелось схватить лавочника за горло и задушить; но, как мы сказали, он был благоразумен и потому удержался; однако перемена, происшедшая в лице его, была так заметна, что Бонасиё испугался не на шутку и хотел было отступить назад, но как половинка дверей, перед которой он стоял, была заперта, то это неожиданное препятствие заставило его остаться на месте.

– Ага, господин насмешник, сказал д'Артаньян, кажется, что если мои сапоги грязны, то и для ваших башмаков нужна щетка; верно, и вы шлялись где-нибудь по проселочным дорогам? В ваши лета это непростительно, в особенности же имея такую молоденькую и хорошенькую жену как ваша.

– Ах, да! отвечал Бонасиё, я был вчера в Сен-Манде, чтоб узнать о служанке, которая мне нужна; дорога прескверная и я перемарался в грязи, которой не успел еще отчистить.

Место, названное Бонасиё, еще более подкрепило подозрение д'Артаньяна. Он думал, что Бонасиё с намерением назвал Сен-Манде, потому что оно лежит в стороне, совершенно противоположной от Сен-

Клу.

Эта мысль несколько его успокоила; если Бонасиё знал, где находится его жена, то всегда можно было найти средство заставить его высказать тайну. Оставалось только убедиться, что предположение его справедливо.

– Извините, любезный Бонасиё, если я буду с вами без церемоний, сказал д'Артаньян. – От вчерашней бессонной ночи меня сильно мучит жажда, позвольте мне выпить у вас стакан воды; в этом, кажется, нельзя отказать соседу.

Не ожидая позволения хозяина, д'Артаньян быстро вошел в комнату и бросил взор на постель. Она не была измята; Бонасиё не ложился спать. Вероятно, что он воротился за час или за два пред тем, и что он проводил свою жену до того места, куда ее увезли, или по крайней мере до первой станции.

– Благодарю вас, сказал д'Артаньян, ставя стакан на стол, – я узнал, что мне было нужно. Теперь я пойду домой, чтобы приказать вычистить свои сапоги, и, если вам угодно, г. Бонасиё, то я пришлю Планше, чтоб он и вам оказал ту же услугу.

С этими словами он оставил Бонасиё, с изумлением спрашивавшего себя, уж не проговорился ли он как-нибудь.

На лестнице встретил он Планше, сильно встревоженного.

– Ах, барин, сказал Планше, лишь только завидел его; – я с нетерпением ожидал вас, чтобы сообщить вам новость.

– Что случилось? спросил д'Артаньян.

– Я держу тысячу против одного, что вы не угадаете, кто был у вас во время вашего отсутствия.

– Когда?

– С полчаса тому назад, в то время как вы были у де-Тревилья.

– Кто ж это был? говори.

– Де-Кавоа.

– Де-Кавоа?

– Так точно.

– Капитан гвардии кардинала?

– Он самый.

– Он приходил арестовать меня?

– Я думаю, что так, хотя он и был очень ласков.

– Он был очень ласков, говоришь ты?

– Как нельзя больше.

– В самом деле?

– Он приходил, по его словам, от кардинала, который очень к вам

расположен и приглашал вас с собой в Палероаль.

– Что же ты сказал ему?

– Что это невозможно, потому что вас нет дома, в чем он сам мог убедиться.

– А что он на это сказал?

– Чтобы вы непременно зашли к нему сегодня и потом прибавил вполголоса, что кардинал крайне расположен к вам, и что от этого свидания, быть может, зависит ваша будущность.

– Сети неловко расставлены, заметил молодой человек, улыбаясь.

– Я также предвидел это и отвечал ему, что вы будете в отчаянии, он спросил, куда вы отправились? Я отвечал: – В Троа, в Шампани.

– А когда он уехал туда? спросил он. Я сказал:

– Вчера вечером.

– Любезный Планше, да ты золотой человек, сказал д'Артаньян.

– Я полагал, сударь, что если вы захотите видеться с де-Кавоа, то всегда можете это сделать, сказав, что вы совсем не думали уезжать; в этом случае солгал бы я; а как я не дворянин, то мне лгать позволено.

– Успокойся, Планше, ты сохранишь свою репутацию правдивого человека; через четверть часа мы едем.

– Я только хотел это вам посоветовать; могу я спросить, куда мы отправляемся?

– Разумеется, в сторону совершенно противоположную тому месту, которое ты назвал. Да сверх того, разве не интересно тебе будет знать, что делают Гримо, Мускетон и Базен, как я желал бы узнать, что случилось с друзьями моими Атосом, Портосом и Арамисом.

– Конечно, я поеду, если вам угодно; воздух провинции теперь для нас, кажется, здоровее Парижского, и так...

– И так укладывайся, Планше, медлить нечего; я поеду вперед, чтобы не подать никакого подозрения; мы сойдемся у гвардейских казарм. Кстати, Планше, ты, кажется, прав относительно нашего хозяина, это порядочная бестия.

– О, да, поверьте мне; я редко ошибаюсь в физиономиях.

Д'Артаньян вышел первый, как они уговорились; потом, для верности, он зашел на квартиры трех друзей своих; но никакого известия об них не было; только в квартире Арамиса он нашел раздушенную записку, написанную прекрасным легким почерком. Д'Артаньян взялся доставить ее. Десять минут спустя к нему присоединился у гвардейских казарм Планше, ведя за повод четырех лошадей. Чтоб не терять времени, д'Артаньян сам оседлал свою лошадь.

– Хорошо, сказал он Планше, когда тот подвязал чемодан: – теперь оседлай остальных трех и поедем.

– Разве мы скоро приедем, каждый на двух лошадях? спросил Планше со своим насмешливым видом.

– Нет, насмешник, отвечал д’Артаньян: – но с помощью четырех лошадей мы скорее в состоянии будем привезти наших трех друзей, если только найдем их в живых.

– Сомнительно, заметил Планше, – впрочем, не должно отчаиваться в милосердии Божиим.

– Аминь, сказал д’Артаньян, пришпоривая лошадь.

И оба, выехав из гвардейских казарм, поворотили в противоположные концы улицы; один должен был выехать и Парижа через Виллетскую заставу, другой через Монмартрскую, чтобы соединиться опять у Сен-Дени. Этот стратегический маневр, будучи исполнен с величайшей точностью, увенчался совершенным успехом. Д’Артаньян и Планше приехали в одно время в Пиеррефит.

Надобно заметить, что Планше днем был храбрее, нежели ночью.

Однако же обычная его осторожность не оставляла его ни на минуту; он не забыл ни малейшего случая из прежней своей поездки и видел в каждом встречавшемся путешественнике врага своего. Во всю дорогу он почти не надел шляпы, раскланиваясь на обе стороны, за что получил строгий выговор от д’Артаньяна, который боялся, что по излишней учтивости Планше, его сочтут за лакея какого-нибудь незначительного лица.

Впрочем, или прохожие действительно были тронуты вежливостью Планше, или на этот раз не было устроено никакой засады по дороге, но путешественники наши прибыли в Шантильи без всякого приключения и остановились у гостиницы Великого Сен-Мартена, – той самой, где они останавливались и в первое свое путешествие.

Хозяин, заметив молодого человека, за которым следовал лакей, ведя двух лошадей на поводьях, почтительно вышел ему на встречу; д’Артаньян, проехав одиннадцать миль, устал и пожелал остановиться, не смотря на то, найдет ли он там Портоса или нет. Да сверх того, может быть, было бы неосторожно прямо спросить, что случилось с мушкетером. На этом основании, не спрашивая ни о ком, д’Артаньян сошел с лошади, поручил ее лакею, вошел в небольшую комнату, где обыкновенно останавливались те, кто желал остаться один, и спросил себе бутылку хорошего вина и какой можно было достать лучший завтрак, что еще более усилило хорошее мнение о нем хозяина, внушенное ему путешественником при первом

взгляде.

По этой причине приказание его было исполнено с возможною поспешностью.

В гвардейский полк поступали люди лучших фамилий и д'Артаньян, имевший лакея и четырех отличнейших лошадей, не мог не произвести выгодного для себя впечатления, не смотря на простоту своего костюма. Хозяин сам стал прислуживать ему; заметив это, д'Артаньян приказал подать два стакана и начал следующий разговор:

– Послушайте, любезный хозяин, сказал он наливая вино в стаканы: – я потребовал себе лучшего вина, и если вы меня обманули, то сами будете жалеть об этом, потому что я терпеть не могу пить один, а следовательно, вы должны пить со мною; возьмите стакан и выпьем. За чье же здоровье мы будем пить, чтоб не задеть ничьего самолюбия? Выпьемте за благосостояние вашего заведения.

– Много чести, сказал хозяин, – благодарю вас искренно за такое желание.

– Не ошибитесь, сказал д'Артаньян: – я, может быть, больше забочусь о себе нежели о вас: только в хорошо устроенных заведениях приятно останавливаться; в других, где дела идут худо, путешественник делается жертвою затруднительного положения хозяина заведения, а как мне приходится часто ездить и в особенности по этой дороге, то я желал бы, чтобы все гостиницы были в самом цветущем состоянии.

– Это правда, сказал хозяин: – мне кажется, что я уже не в первый раз имею честь вас видеть.

– Да; я, может быть, десять раз был в Шантильи, и из этих десяти раз три или четыре останавливался у вас. Не далее десяти или двенадцати дней я проезжал здесь с друзьями моими, мушкетерами; еще один из них заспорил с каким-то незнакомым человеком, который очевидно хотел затеять с ним ссору.

– Ах, да! сказал хозяин, теперь я припоминаю. Вы хотите сказать о г. Портосе?

– Именно так зовут моего товарища. Ах, любезный хозяин, скажите пожалуйста, не случилось ли с ним какого-нибудь несчастья?

– Вы, может быть, припомните, он тогда не в состоянии был продолжать своего путешествия.

– Точно, он хотел догнать нас, но мы после того не видали его.

– Он остался здесь.

– Как! он остался у вас?

– Да, сударь, в этой гостинице; мы уже начинаем сильно беспокоиться.

– О чем же?

– О некоторых издержках.

– О, на этот счет будьте спокойны, он заплатит.

– Как же вы меня утешили, сударь! Мы очень на него поиздержались, и нынешним утром еще доктор объявил нам, что если г. Портос не заплатит ему, то я должен заплатить, потому что я за ним посылал.

– Разве Портос ранен?

– Я не могу вам сказать.

– Как вы не можете мне сказать? но вам это должно быть известно больше чем всякому.

– Это так, но не всегда мы можем говорить то, что знаем, особенно же когда обещают нам за нескромность обрубить уши.

– А могу я видеть Портоса?

– Конечно. Войдите по этой лестнице и в первом этаже постучитесь у двери № 1. Только потрудитесь предупредить, что это вы.

– Зачем же это?

– Чтобы не случилось какого-нибудь несчастья.

– Какое же несчастье тут может случиться?

– Г. Портос может подумать, что стучится кто-нибудь из здешних, и в порыве гнева может заколоть или застрелить вас.

– Что же вы ему сделали?

– Мы ему напомнили о деньгах.

– А, я понимаю, Портос не любит, чтоб ему напоминали об этом, в особенности когда у него нет денег, но я знаю, что теперь они у него должны быть.

– И мы также думали; а как здесь дела ведутся в порядке, и мы сводим счет каждую неделю, то по прошествии недели мы и представили ему счет, но кажется, попали не в добрую минуту: лишь только успели заикнуться о деньгах, как он вытолкнул нас за двери; правда, что он накануне проигрался.

– Как, он играл? с кем же?

– Кто его знает; какой-то проезжий, которому он предложил сыграть партию в ландскнехт.

– Так, так! и несчастный верно все проиграл.

– Даже лошадь свою. Когда незнакомец собирался в дорогу, мы видели, что лакей его седлает лошадь г. Портоса. Мы это ему заметили, но он отвечал, чтобы мы не мешались не в свое дело, что лошадь принадлежит ему. Мы тотчас дали знать о том г. Портосу, но он велел нам сказать, что мы мошенники, что если дворянин сказал, что это лошадь его, то мы и должны верить слову дворянина.

– Я узнаю Портоса, сказал про себя д'Артаньян.

– Тогда, продолжал хозяин, – я велел ему сказать, что так как мы не можем сойтись насчет платежа, то не удостоит ли он чести соседа моего, содержателя гостиницы Золотого орла; г. Портос отвечал, что моя гостиница ему лучше нравится, и что он тут остается. Этот ответ льстил моему заведению, и потому я не мог более настаивать, чтоб он от меня выехал. Я ограничился тем, что предложил ему уступить занимаемую им комнату и перейти в третий этаж, где был свободен маленький хорошенький кабинет. На это г. Портос ответил мне, что как он ожидает с минуты на минуту свою любовницу, какую-то знатную даму при дворе, то я должен понять, что даже та комната, которую он теперь занимает, слишком недостаточна для такой важной особы.

При всем том, сознавая истину его слов, я все-таки настаивал на своем; но, не говоря дурного слова, он схватил пистолет, положил его на стол пред собой и объявил нам, что при первом слове о каком бы то ни было перемещении, внутреннем или внешнем, он разmozжит голову тому, кто станет соваться в дело лично до него касающееся. С тех пор уж никто и не входит в его комнату кроме одного слуги его.

– Так Мускетон также здесь?

– Да, пять дней спустя после отъезда, он воротился сюда в самом дурном расположении духа; должно быть и с ним случилось какое-нибудь несчастье по дороге. К сожалению, он еще нецеремоннее своего барина; он все здесь поставил вверх дном, и опасаясь, что ему иногда могут отказать в том, что ему нужно, он сам берет все без просу.

– В самом деле, отвечал д'Артаньян, – надобно отдать справедливость Мускетону, что он преданный и ловкий слуга.

– Может быть, но представьте себе, что если бы случилось три или четыре раза в году встретить такую преданность и ловкость в людях, останавливающихся здесь, то я разорился бы совершенно.

– Но Портос вам заплатит.

– Гм... сказал хозяин с видом сомнения.

– Он фаворит знатной дамы, которая не оставит его в затруднительном положении из-за такой безделицы, какую он вам должен.

– Осмелюсь я сказать то, что думаю...

– А что вы думаете?

– Или лучше сказать, то что я знаю.

– Что вы знаете?

– И знаю наверное.

– Посмотрим, что вы знаете наверное.

- Я говорю, что я знаю кто эта дама.
- Вы?
- Да, я.
- Как же вы ее знаете?
- О, если б я мог вам довериться...
- Говорите, даю вам слово дворянина, что вы не будете раскаиваться в вашем доверии.
- Согласитесь, что нужда заставляет иногда прибегать к крайним средствам.
- Что же вы сделали?
- Только то, что в праве был сделать кредитор.
- А именно?
- Г. Портос дал нам записку к этой герцогине, чтоб отнести ее на почту, так как человек его еще тогда не возвратился. Сам он не мог выходить из комнаты, а потому и должен был по неволе обратиться к нам.
- Потом?
- Вместо того чтобы послать письмо по почте, что не всегда бывает верно, я воспользовался случаем, что один из моих людей отправлялся в Париж, и приказал ему отдать письмо самой герцогине в руки. Отчасти я исполнил этим желание г. Портоса, который очень беспокоился о письме, не правда ли?
- Почти так.
- Так знаете ли, что это за знатная дама?
- Нет, я только слышал о ней от Портоса.
- Так вы не знаете, кто эта мнимая герцогиня?
- Говорю вам, что нет.
- Старуха-прокурорша, г-жа Кокнар, лет 50, и которая прикидывается еще ревнивою. Мне и то показалось странно, что герцогиня живет в Медвежьей улице.
- А как вы все это узнали?
- Потому что она ужасно рассердилась, прочитав письмо г. Портоса, назвала его ветреником и сказала, что он ранен, верно, опять из-за какой-нибудь женщины.
- А разве он ранен?
- Ах, что я сказал!
- Вы сказали, что Портос ранен.
- Да, но он строго запретил говорить об этом.
- Почему?
- Как, почему? он похвастался было заколоть того незнакомца, с

которым вы оставили его в ссоре, а вышло наоборот, – незнакомец ранил его, несмотря на все его чванство. А как г. Портос очень тщеславен со всеми, кроме своей герцогини, которую думал заинтересовать описанием своего приключения, то он и не хочет сознаться в том, что он ранен.

– Однако эта рана заставила его слечь в постель.

– Да еще какая рана, посмотрели бы вы! как еще душа держится в теле!

– Вы были при дуэли?

– Да, любопытство заставило меня подсмотреть, но так, что меня не было видно.

– А как было дело?

– Дело порешилось очень скоро. Они стали в позицию; незнакомец сделал фальшивый маневр, и все это так скоро, что когда г. Портос хотел парировать, у него уже было на три дюйма железа в груди; он упал навзничь. Незнакомец тотчас приставил шпагу к горлу, и г. Портос, видя себя во власти своего противника, сознался побежденным. Тогда незнакомец спросил его имя, и узнавши, что его зовут Портосом, а не д'Артаньяном, подал ему руку, отвел в гостиницу, сел на лошадь и уехал. А, так ему нужно было д'Артаньяна!

– Должно быть.

– Не знаете ли, куда он девался?

– Нет, я даже не знаю его имени, и с тех пор мы его не видали.

– Прекрасно; теперь я узнал, что мне было нужно. Теперь я пойду к Портосу: вы говорите, что он занимает комнату № 1?

– Да, лучшую комнату в гостинице, – комнату, которую я имел случай уже десять раз отдать.

– Ну, успокойтесь, сказал д'Артаньян с усмешкой: – Портос заплатит вам из кошелька герцогини Кокнар.

– О, прокурорша или герцогиня, это все равно, лишь бы заплатили; но она решительно отвечала, что ей уже наскучили мотовство и ветреность г. Портоса, и что он не получит от нее больше ни копейки.

– Передали вы этот ответ Портосу?

– Ну уж нет; он тогда догадался бы, как мы исполнили его поручение.

– Так он все еще ждет своих денег?

– Конечно; вчера еще написал письмо, но на этот раз слуга отнес его на почту.

– Так вы говорите, что прокурорша стара и безобразна?

– Лет пятидесяти, и как говорит Пато, вовсе не красива.

– В таком случае, будьте покойны, она смягчится; да притом же,

вероятно, Портос должен вам какую-нибудь безделицу?

– Какое безделицу! До двадцати пистолей, не считая лечения. Он ни в чем себе не отказывает; как видно, он привык хорошо жить.

– Ну, если его оставит любовница, у него найдутся друзья. Итак, любезный хозяин, не беспокойтесь ни о чем и продолжайте ухаживать за ним, как требует его положение.

– Не забудьте, что вы обещали мне ничего не говорить ни о прокурорше, ни о ране.

– Я вам дал в этом слово.

– Он убьет меня, если что-нибудь узнает.

– Не бойтесь, он не так страшен, как кажется.

С этими словами д'Артаньян оставил хозяина, несколько успокоенного относительно двух вещей, которыми он столько дорожил: кошелька и жизни.

Поднявшись на лестницу, д'Артаньян издали заметил на самой видной двери коридора огромную цифру № 1, написанную черною краской; он постучался в дверь и получив позволение, вошел.

Портос лежал в постели и для препровождения времени играл с Мускетомом в ландскнехт, чтобы не разучиться; на вертеле жарились рябчики, а по углам большого камина кипели на двух таганах кастрюли, из которых распространялся по комнате приятный запах фрикасе из цыплят и рыбы. К довершению картины, на конторке и комоде валялись порожние бутылки.

Увидев приятеля своего, Портос вскричал от радости, а Мускетон, почтительно встав, уступил свое место и пошел посмотреть за кастрюлями, над которыми, казалось, он имел особенное наблюдение.

– А, это ты, сказал Портос д'Артаньяну: – очень рад; извини, что не могу тебя встретить. Но, прибавил он с некоторым беспокойством, – знаешь ли ты что со мной случилось?

– Нет.

– Хозяин ничего не говорил тебе?

– Я просил его указать, где твоя комната и прямо вошел сюда.

Портос вздохнул свободнее.

– Что же с тобой случилось, любезный Портос? продолжал д'Артаньян.

– Когда я нападал на моего противника, которому уже успел нанести три удара и хотел окончить четвертым, нечаянно нога моя поскользнулась, и я ушибся коленом о камень.

– В самом деле?

– Уверяю честью! Счастье этому мошеннику, А то я убил бы его на месте.

– А куда он девался?

– Право, не знаю; довольно с него и этого, он поспешил убраться. Но что случилось с тобой, любезный друг?

– Так из-за этого ушиба, продолжал д'Артаньян, – ты лежишь в постели, любезный Портос?

– Да, впрочем, чрез несколько дней я надеюсь выйти.

– От чего же ты не велел перевезти себя в Париж? ведь здесь должна быть смертельная скука.

– Я так и думал; но я должен признаться тебе кое в чем.

– В чем же?

– Как мне было очень скучно, а в кармане случились те 75 пистолей, которые ты мне дал, то, чтоб развеять себя сколько-нибудь, я пригласил к себе одного проезжего сыграть партию в кости. Он согласился, и мои 75 пистолей перешли в его карман, да в добавок к тому я еще проиграл ему свою лошадь. А ты что, любезный д'Артаньян?

– Что делать, любезный Портос, нельзя же во всем быть счастливым; ты знаешь поговорку: кто несчастлив в игре, счастлив в любви. А ты в любви так счастлив, что нельзя же, чтобы игра тебе не изменила; впрочем что тебе горевать о несчастии в игре? разве у тебя нет герцогини, которая не откажет помочь тебе?

– Видишь в чем дело, любезный друг, отвечал Портос, – нимало не смущаясь; я писал было ей, чтобы она прислала мне луидоров 50, в которых я крайне нуждаюсь, находясь в таком положении.

– Ну, и что же?

– Да то, что должно быть она уехала в деревню, потому что я не получил от нее ответа.

– В самом деле?

– Уверяю тебя; а потому я послал ей еще письмо убедительнее первого. Но поговорим о тебе, любезный друг; признаюсь, я начинал было беспокоиться на твой счет.

– Но, кажется, что хозяин твой хорошо о тебе заботится, любезный Портос, сказал д'Артаньян, указывая на кастрюли и порожные бутылки.

– И так, и сяк, отвечал Портос. – Назад тому дня три или четыре, невежа подал было мне счет; но я выгнал его со счетом вон, так что я здесь, как на войне, и ты видишь, что я весь вооружен, опасаясь нападения.

– Однако кажется, что ты по временам делаешь смелые вылазки, сказал д'Артаньян, смеясь и указывая на бутылки и кастрюли.

– К несчастью, не я, отвечал Портос. – Этот проклятый ушиб не позволяет мне встать с постели, но Мускетон ходит у меня на охоту и приносит живность. Мой друг, продолжал Портос, обращаясь к Мускетону, – ты видишь, что гарнизон наш усилился, нужно прибавить и провизии.

– Мускетон, сказал д'Артаньян, – ты должен оказать мне маленькую услугу.

– Какую, сударь?

– Научи моего Планше этому искусству; может быть, когда-нибудь и мне придется быть в осаде, так я желал бы пользоваться такими же удобствами, какими пользуется твой барин.

– Ничего нет легче, скромно отвечал Мускетон. – Нужно только быть ловким. Молодость свою я провел в деревне, где отец мой в свободное время любил охотиться в чужих лесах.

– А остальное время что он делал?

– Он занимался ремеслом, которое я нахожу очень выгодным.

– Какое же это?

– Это было во время войны гугенотов с католиками; видя, что те и другие истребляют друг друга с ожесточением, во имя религии, он выдавал себя то за католика, то за гугенота, и грабил и тех и других. Обыкновенно он прогуливался с карабином на плече за плетнями по сторонам большой дороги и когда, бывало, увидит, что идет католик, он становится протестантом, наводит карабин на путешественника, и когда тот подойдет к нему на расстояние десяти шагов, он заводит с ним разговор, обыкновенно оканчивавшийся тем, что прохожий оставлял кошелек, чтобы спасти жизнь. Само собою разумеется, что при виде гугенота он делался таким ревностным католиком, что сам удивлялся, как он мог четверть часа назад усомниться в превосходстве католицизма. Я католик, хотя отец мой, верный своим правилам, воспитал старшего брата моего в вере протестантской.

– Чем кончил этот достойный человек? спросил д'Артаньян.

– Самым жалким образом. Однажды он встретился в узкой проселочной дороге с гугенотом и католиком, которых когда-то прежде обобрал и которые оба узнали его; общими силами они схватили и повесили его на дереве, потом они пришли похвастаться своим подвигом в соседний кабак, где мы с братом пили в то время вино.

– И что же вы сделали? сказал д'Артаньян.

– Выждав время, когда они вышли из кабака, мы стали караулить их на дороге, и как они разошлись в разные стороны, то один из нас напал на католика, другой на гугенота. Через два часа все было кончено, благодаря

предусмотрительности нашего отца, который воспитал нас в разных верах.

– В самом деле, Мускетон, твой отец был очень хитрый малый. Ты говоришь, что в свободное время он занимался запрещенною охотой?

– Да, и он выучил меня ставить сети и удить рыбу. А как я заметил, что наш скупой хозяин стал нам отпускать худую провизию, годную разве для мужиков, а не для таких слабых желудков как наши, то я и принялся за прежнее свое ремесло. В лесах его светлости принца я ставлю сети и закидываю уды, и с тех пор мы имеем превосходную провизию, как вы изволите видеть, рябчиков и кроликов, карпов и угрей, все пищу здоровую и не обременительную, особенно для больных.

– А кто доставляет вино, спросил д'Артаньян, – сам хозяин?

– Он и не он.

– Как так?

– То есть, доставляет он, но он не знает этого.

– Как же это, объясни, пожалуйста, Мускетон; в твоём разговоре столько поучительного.

– Вот каким образом. Я встретил однажды случайно во время своих путешествий испанца, бывавшего во многих странах и, между прочим, видевшего Новый Свет.

– Но какое отношение между Новым Светом и этими пустыми бутылками, валяющимися на конторке и комодѣ?

– Имейте терпение, между этим есть связь.

– Твоя правда, Мускетон, я слушаю.

– У этого испанца был слуга, сопровождавший его в путешествии по Мексике. Он был мой земляк, и так как в характерах наших было много сходства, то мы скоро сошлись с ним. Мы оба любили охоту; он мне рассказывал, как в степях, называемых пампами, туземцы охотятся на тигров и буйволов, и ловят их посредством простой петли, которую накидывают на шею этим страшным зверям. Сначала я не хотел верить, чтобы можно было дойти до такой степени ловкости, чтобы бросать за двадцать или тридцать шагов конец веревки именно туда, куда хочешь; но очевидный опыт убедил меня в справедливости рассказов моего земляка. Он ставил в тридцати шагах бутылку и всякий раз накидывал петлю на горлышко. Я стал упражняться в этом, а как я от природы довольно ловок, то и я теперь бросаю лассо не хуже других. У нашего хозяина отличный погреб, но ключ всегда у него; только в этом погребе есть отдушина. В эту отдушину я и бросаю лассо; узнавши, где у него стоят лучшие вина, я туда и закидываю петлю. Итак, вы видите, какое имеет отношение к этим порожним бутылкам, разбросанным по конторке и комоду, Новый Свет.

Теперь не угодно ли будет вам попробовать нашего вина и без предубеждения сказать свое мнение.

– Спасибо, дружище, спасибо; к несчастью, я уже позавтракал.

– Ну, так накрой стол, Мускетон, сказал Портос; – а пока мы будем завтракать, д'Артаньян расскажет нам свои похождения в продолжение десятидневной нашей разлуки.

– Охотно, сказал д'Артаньян.

Пока Портос и Мускетон завтракали с аппетитом выздоравливающих и с братским дружелюбием, сближающим людей в несчастьи, д'Артаньян рассказал, как раненый Арамис должен был остановиться в Кревкёре, как Атос остался в Амиене, где на него напали четыре человека, принявшие его за делателя фальшивой монеты, и как он, д'Артаньян, должен был сразиться с графом де-Вардом, чтобы пробраться в Англию. На этом окончился рассказ д'Артаньяна; он сказал только, что по возвращении из Англии он привел четырех превосходных лошадей, одну для себя, а прочих для друзей своих, и объявил Портосу, что назначенная для него лошадь стоит в конюшне.

В это время вошел Планше и сказал своему барину, что лошади уже довольно отдохнули и что до вечера можно будет добраться в Клермон.

Несколько успокоенный относительно Портоса и горя нетерпением узнать о судьбе прочих друзей своих, д'Артаньян протянул руку больному и сказал, что поедет продолжать свои поиски. Впрочем, намереваясь возвратиться по той же дороге через семь или восемь дней, он хотел заехать за Портосом, если найдет его еще в гостинице Великого Сен-Мартена.

Портос отвечал, что, по всей вероятности болезнь не позволит ему выехать раньше этого срока. Притом же он должен остаться в Шантильи еще для того, чтобы дожидаться ответа от своей герцогини.

Д'Артаньян пожелал ему скорого и приятного ответа, и поручив Мускетону иметь надлежащий присмотр за больным, расплатился с хозяином и отправился в путь с Планше, который оставил там одну из своих лошадей.

Х. Диссертация Арамиса

Д'Артаньян, при всей своей молодости, был очень осторожен; он ни слова не сказал Портосу ни об его ране, ни об отношениях его к прокурорше. Убежденный в том, что никакая дружба не устояла бы против открытой тайны, особенно если притом задето самолюбие, он притворился, что вполне верил всему, что говорил хвастливый мушкетер. Притом знание подобных тайн дает какое-то нравственное превосходство над тем, до кого они касаются, а как д'Артаньян в дальнейших планах своих имел намерение употребить этих трех друзей орудиями для достижения своих целей, то ему было приятно, что он мог заранее иметь в руках своих таинственные нити, посредством которых надеялся действовать на них по своему усмотрению.

Не смотря на то, в продолжение всего пути, он был очень печален: он думал о хорошенькой Бонасиё, от которой надеялся получить вознаграждение за свою преданность. К чести нашего героя надобно сказать, что его огорчало не столько сожаление о потерянном счастье, сколько беспокойство о судьбе бедной женщины, которая, быть может, находилась теперь в бедственном положении. Он был уверен, что она имела несчастье подпасть гневу кардинала, а мщение его, как всем известно, было ужасно. Вместе с тем ему казалось удивительным, чем мог он сам понравиться кардиналу? Без сомнения, он узнал бы об этом, если бы Кавоа застал его дома.

Ничто столько не сокращает пути как мысль, поглощающая собою все внимание человека. Тогда наружное существование кажется каким-то сном, в котором все направлено к одной только этой мысли, под влиянием ее не замечаешь ни времени, ни места, – все сливается в какой-то туман, в котором смутно мелькают неясные образы деревьев, гор и долин. В таком настроении духа д'Артаньян, предоставив лошади идти по ее произволу, проехал шесть или восемь миль, отделяющих Шантильи от Кревкёра; дорога не оставила в нем никакого воспоминания.

При въезде в селение, он как бы пришел в себя, тряхнул головой, и при виде трактира, где он оставил Арамиса, пришпорил лошадь.

В этот раз, при входе, встретил его не хозяин, а хозяйка; окинув взором физиономию этой толстой, веселой женщины, он сразу понял, что бояться ее нечего, и обратился к ней прямо с вопросом:

– Не можете ли вы мне сказать, моя милая, что случилось с одним из

друзей моих, которого мы оставили здесь дней 12 тому назад?

– Красивый молодой человек, лет 23 или 24, кроткий, любезный?

– Да, и кроме того раненый в плечо.

– Он еще здесь.

– Ах, любезная хозяйка, сказал д'Артаньян, соскочив с лошади и бросив поводья в руки Планше: – вы возвращаете мне жизнь, так мой друг жив? где же он, я хочу видеть и обнять его.

– Извините, сударь, кажется, что теперь он не может вас принять.

– Отчего это? разве у него какая-нибудь женщина?

– О, что вы это говорите! Нет, у него не женщина.

– А кто же?

– Священник из Мондидье и настоятель амиенских иезуитов.

– Разве ему сделалось хуже? спросил с беспокойством д'Артаньян.

– Напротив того; но в следствие полученной им раны, он обратился к благочестивой жизни и решился постричься в монахи.

– Ах да! сказал д'Артаньян, я и забыл, что он был мушкетером на время.

– Вы все-таки хотите его видеть?

– Непременно.

– Так взойдите по этой лестнице во второй этаж, направо, № 5.

Д'Артаньян пошел по указанному направлению и поднялся по лестнице, пристроенной снаружи дома, что еще нередко можно встретить и теперь в сельских трактирах старинной постройки. Но попасть к будущему аббату было не так легко: вход к Арамису охранялся не хуже Армидиных садов; Базен стоял в коридоре и заслонял дорогу, тем с большею решимостью, что после стольких лет испытания, он был так близок к достижению цели, к которой давно стремился.

В самом деле бедный Базен сильно желал получить место при какой-нибудь духовной особе и он ожидал с нетерпением той минуты, когда Арамис, согласно обещанию своему, сбросит военный мундир и наденет рясу. Это обещание, повторяемое часто его господином, удерживало его на службе мушкетеру, хотя служба эта, по мнению его, была не совместна с спасением души.

Теперь Базен был в восторге, потому что казалось вероятным, что на этот раз его господин сдержит свое обещание. Действительно, Арамис, страдавший наружно и внутренне от раны в плечо и от известия о неожиданной потере своей любовницы, видел в этих постигших его несчастиях как бы указание самого неба и решился, наконец, исполнить свое обещание вступить в духовное звание.

Понятно, как неприятно было Базену неожиданное появление д'Артаньяна, который снова мог увлечь его господина в вихрь светской жизни, так долго его увлекавшей. Он решился твердо защищать дверь; не имея возможности сказать, что Арамиса нет дома, потому что д'Артаньяну это было хорошо известно, он старался убедить его, что было бы очень не прилично помешать благочестивой беседе его господина с почтенными духовными особами, которая, по мнению Базена, не могла кончиться раньше вечера.

Д'Артаньян, не обращая внимания на красноречивые убеждения Базена, оттолкнул его и вошел в комнату Арамиса.

За длинным столом, заваленным бумагами и огромными фолиантами, сидел Арамис в черном сюртуке, с круглую плоскою шапочкой на голове; с правой стороны от него настоятель иезуитов, с левой священник из Мондидье. Занавески были опущены, что придавало комнате какую-то торжественность, располагавшую к благочестивым размышлениям. Все светские предметы, на которых обыкновенно останавливается взор при входе в комнату молодого человека, в особенности же если он еще военный, исчезли как по мановению волшебного жезла; Базен, опасаясь, чтобы вид их не изменил намерения его господина, постарался тщательно припрятать шпагу, пистолеты, шляпу с плюмажем, шитье и кружева всякого рода.

Вместо их д'Артаньян заметил в темном углу комнаты что-то вроде плетки, повешенной на гвозде.

При входе д'Артаньяна, Арамис поднял голову и узнал своего друга. Но к величайшему изумлению молодого человека появление его, казалось, не произвело никакого впечатления на мушкетера; до такой степени дух его был отрешен от всего земного.

– Здравствуйте, любезный д'Артаньян, сказал Арамис, – очень рад вас видеть.

– И я также, сказал д'Артаньян, – хоть я и не вполне уверен, точно ли это я говорю с Арамисом.

– С ним самим, мой друг, с ним самим; что могло заставить вас усомниться?

– Я испугался, не ошибся ли я в номере комнаты и не вошел ли я в комнату, занимаемую кем-нибудь из духовных; потом, увидя вас в обществе этих господ, мне пришла мысль, не сделалось ли вам хуже?

Монахи, поняв намерение д'Артаньяна, бросили на него угрожающий взгляд; но, несколько не обескураженный тем, д'Артаньян, продолжал:

– Не помешал ли я вам, любезный Арамис? кажется, я застал вас за

исповедью.

Арамис слегка покраснел.

– Вы помешали? о, напротив, любезный друг, я очень рад вас видеть и мне очень приятно, что вы здоровы и невредимы.

– А, кажется, он опомнился, подумал д'Артаньян, это добрый знак.

– Да; приятель мой избежал недавно большой опасности, продолжал Арамис с благоговейным чувством, указывая духовным на д'Артаньяна.

– Благодарите Бога, отвечали оба духовные, кланяясь.

– Я это и сделал, преподобные отцы, отвечал молодой человек, отдав им поклон.

– Вы пришли очень кстати, любезный д'Артаньян, сказал Арамис; – приняв участие в вашем рассуждении, вы прольете на него новый свет. Господин настоятель, священник и я рассуждаем о некоторых богословских вопросах, давно уже нас занимающих, и мне интересно было бы узнать ваше мнение об них.

– Мнение военного человека ничего не значит в этом случае, отвечал д'Артаньян, испугавшись оборота, какой принимал разговор, – вы можете совершенно положиться на звание этих двух господ.

Монахи поклонились.

– Напротив, возразил Арамис, – мнение ваше для нас будет драгоценно. Вот в чем дело: господин настоятель полагает, что моя диссертация должна быть преимущественно догматическая и поучительная.

– Ваша диссертация? вы пишете диссертацию?

– Без сомнения, отвечал настоятель, – диссертация необходима для экзамена перед пострижением.

– Пострижение! вскричал д'Артаньян, все еще не веривший тому, что ему говорила хозяйка и Базен, – пострижение! повторил он, обводя изумленными взором сидевших перед ним трех особ.

Затем между Арамисом и иезуитом начался продолжительный спор о выборе темы для диссертации. Д'Артаньян, мало понимавший из их разговора, от нетерпения грыз ногти.

Наконец оба монаха встали и, поклонившись Арамису и д'Артаньяну, ушли; Базен, слушавший весь разговор их с благочестивым вниманием, почтительно пошел проводить их до дверей.

Арамис проводил их с лестницы и тотчас воротился к д'Артаньяну. Оставшись одни, два друга сначала затруднялись, как начать разговор; но как наконец надо было прервать молчание и как д'Артаньян, казалось, решился предоставить эту честь своему другу, то Арамис сказал:

– Видите, я возвращаюсь к прежнему намерению.

– Да; красноречие этих господ убедило вас.

– О, я давно предположил удалиться от света и уже говорил вам об этом прежде, – не правда ли?

– Да, но, признаюсь, я думал, что вы шутите.

– Разве этим можно шутить? О, д’Артаньян!

– Шутят, даже говоря о смерти.

– И худо делают, д’Артаньян, потому что смерть – это дверь, ведущая к гибели или к спасению.

– Согласен, но, пожалуйста, не будем говорить о богословии, Арамис, вы уже довольно наговорились на сегодняшний день, а я почти совсем забыл латынь, которой никогда не знал притом, признаюсь, я с 10 часов утра ничего не ел и чертовски голоден.

– Мы сейчас будем обедать, мой друг, только не забудьте, что сегодня пятница, а я в этот день не могу ни видеть, ни есть мяса Обед мой состоит из вареных эстрагонов и плодов, – будете ли вы довольны этим?

– Что это за эстрагоны? спросил с беспокойством д’Артаньян.

– Это шпинат, отвечал Арамис; – но для вас я прибавлю к нему яиц, и это будет важное нарушение правил: яйца – это мясо, потому что из них выходит цыпленок.

– Это обед не очень питательный; но ничего, я буду есть, чтобы побеседовать с вами.

– Благодарю за жертву, сказал Арамис; – но если эта пища не принесет пользы вашему телу, то будьте уверены, что она принесет пользу душе.

– Так вы, Арамис, решительно поступаете в духовное звание? Что скажут наши друзья, что скажет де-Тревиль? Предупреждаю вас, что они сочтут вас дезертиром.

– Я не поступаю, а возвращаюсь в духовное звание. Я оставлял его для света, потому что вам известно, как не охотно я надел мундир мушкетера.

– Я об этом ничего не знаю.

– Разве вы не знаете, как я вышел из семинарии?

– Нет.

– Вот моя история: я был в семинарии с девятилетнего возраста; когда мне минуло 20 лет, меня хотели сделать епископом, и через три дня все должно было решиться. Однажды вечером я, по обыкновению, отправился в один дом, где я часто бывал и приятно проводил время, молодость слаба; один офицер, очень ревниво смотревший всегда, как я читал хозяйке дома жития святых, вдруг вошел, без доклада. В этот вечер я перевел в стихах одно место из истории Юдифи и отдал свои стихи хозяйке, которая очень

хвалила их и, опершись на мое плечо, перечитывала их вместе со мной. Такое, признаюсь, довольно свободное положение дамы не понравилось офицеру; он ничего не сказал, но когда я ушел, он вышел за мной и, догнав меня, сказал:

– Г. аббат, вы любите палочные удары?

– Не могу вам сказать, милостивый государь, отвечал я, – потому что никто никогда не осмеливался нанести мне их.

– Ну, так послушайте, г. аббат, я осмелюсь на это, если вы еще раз придете в этот дом, где я вас встретил сегодня вечером.

Кажется, я испугался, потому что я побледнел и чувствовал, что у меня ноги дрожат; я хотел отвечать, но не мог ничего сказать и промолчал.

Офицер ожидал ответа, но как я ничего не сказал, то он засмеялся, обернулся ко мне спиной и ушел опять в тот же дом. Я возвратился в семинарию.

Я дворянин и притом вспыльчив, как вы могли заметить, любезный д'Артаньян; оскорбление было сильное и хотя никто не знал о нем, но я чувствовал, что оно волновало меня до глубины сердца. Я объявил настоятелям, что чувствую себя недостаточно подготовленным к посвящению, и, по моей просьбе, церемония отложена была на год.

Я отыскал самого лучшего учителя фехтования в Париже, условился с ним брать уроки и учился у него каждый день в продолжении года. Потом, ровно через год от того дня, когда мне было нанесено оскорбление, я повесил рясу на гвоздь, надел полный костюм рыцаря и отправился на бал к одной из знакомых дам; я знал, что там будет и мой офицер. Это было в улице Франк-Буржуа.

Действительно, офицер был там; я подошел к нему в то время, как он напевал любовную песню, нежно смотря на одну женщину, и прервал его на втором куплете.

– Милостивый государь, сказал я ему, – будет ли вам и теперь также неприятно, если я приду в известный вам дом в улице Пейен и ударите ли вы меня палкой, если мне придет фантазия послушаться вас?

Офицер посмотрел на меня с удивлением, потом сказал:

– Что вам угодно от меня, я вас не знаю.

– Я аббат, отвечал я, – который читал жития святых и переводил стихами Юдифь.

– А, вспомнил, сказал насмешливо офицер, – что же вам угодно?

– Я желал бы, что вы пошли со мной прогуляться.

– Завтра утром, если вам угодно, с большим удовольствием.

– Нет, не завтра, а не угодно ли вам сейчас же?

– Если вы этого непременно требуете.

– Да, я этого требую.

– В таком случае, пойдем. Не беспокойтесь, сказал он, обращаясь к дамам, – я только убью этого господина, тотчас возвращусь и dokonчу вам последний куплет.

Мы вышли.

Я повел его в улицу Пейен, на то самое место, где год тому назад, в этот самый час, он сказал мне комплимент, о котором я тебе говорил. Луна светила великолепно. Мы обнажили шпаги, и я тотчас положил его на месте.

– Черт возьми! сказал д'Артаньян.

– Но, продолжал Арамис, – так как дамы видели, что певец их не возвращался, и как его нашли в улице Пейен проткнутым шпагой насквозь, то полагали, наверное, что эта неприятность ему сделана была мной, и это наделало шуму. Итак, на время я должен был оставить рясу. Атос, с которым я тогда познакомился, и Портос, научивший меня некоторым смелым ударам фехтовального искусства, уговорили меня проситься в мушкетеры.

Король очень любил отца моего, убитого при осаде Арраса, и мне дали мушкетерский мундир. Теперь вы понимаете, что для меня пришло время возвратиться в лоно церкви.

– Отчего же именно теперь, а не прежде и не после? Что с вами сегодня случилось? что заставляет вас на это решиться?

– Эта рана, любезный д'Артаньян, – это напоминание, посланное небом.

– Эта рана? да она почти зажила, и я уверен, что теперь не эта рана беспокоит вас.

– Какая же? спросил Арамис, краснея.

– У вас есть рана в сердце, Арамис, гораздо глубже и чувствительнее; рана нанесенная женщиной.

Глаза Арамиса заблестали невольно.

– О! отвечал он, скрывая свое волнение; – не говорите об этих вещах: мне ли об этом думать и иметь любовные огорчения! *Vanitas vanitatum*. Неужели вы думаете, что я сойду с ума и из-за кого? из-за какой-нибудь гризетки, или горничной, которой я строил куры, – фи!

– Извините, любезный Арамис, я думал, что вы метите гораздо выше.

– Выше? кто же я такой, чтоб иметь столько самолюбия? бедный мушкетер, ненавидящий рабство и совсем не рожденный для светской жизни.

– Арамис! Арамис! сказал д'Артаньян, сомнительно смотря на своего друга.

– Я пыль и возвращаюсь в пыль. Жизнь полна унижений и печалей, продолжал он с мрачным видом: – нити, пронизывающие ее, к счастью, рвутся одна за другой в руке человека, особенно золотые нити. О, любезный д'Артаньян, поверьте мне, лучше скрывать раны, если их имеешь. Молчание последнее утешение несчастного; не доверяйте никому своих горестей; любопытные также жадны до наших слез, как мухи до крови раненой лани.

– Увы, любезный Арамис, сказал д'Артаньян, с глубоким вздохом, – вы рассказываете мне мою собственную историю.

– Как так?

– Да, женщину, которую я любил, обожал, у меня отняли силой. Я не знаю, где она, куда ее увели; может быть, она в тюрьме, может быть, она умерла.

– Но вы по крайней мере имеете то утешение, что она не покинула вас добровольно; что если вы не знаете, что с ней случилось, то это потому, что не имеет возможности иметь сношения с ней, между тем как...

– Ничего, прервал Арамис, ничего.

– Итак, вы навсегда отказываетесь от света, это уже решено?

– Навсегда. Сегодня вы мой друг, завтра вы будете для меня только тень, или, лучше сказать, не будете существовать для меня. Что касается до света, то он ничто иное как могила.

– Черт возьми! это очень печально.

– Что делать, призвание мое увлекает меня.

Д'Артаньян улыбнулся и не отвечал. Арамис продолжал:

– Между тем, пока я принадлежу еще свету я хотел бы поговорить о вас и о наших друзьях.

– А я, сказал д'Артаньян, – я желал бы говорить о вас самих, но вы так удалились от всего: о любви вы говорите с пренебрежением; друзья по-вашему – тени, свет – могила.

– К несчастью, вы сами это знаете, сказал Арамис со вздохом.

– Не будем же говорить об этом, отвечал д'Артаньян; – и сожгите вот это письмо, которое, вероятно, открыло бы вам какую-нибудь новую неверность вашей гризетки или горничной.

– Какое письмо? спросил быстро Арамис.

– Письмо, которое принесли без вас и отдали мне для передачи.

– От кого оно?

– Верно от какой-нибудь несчастной горничной, или от какой-нибудь

гризетки, которая в отчаянии; может быть от горничной г-жи де-Шеврёз, которая должна была возвратиться с своей госпожой в Тур и для важности взяла раздушенной бумаги и запечатала письмо печатью с герцогской короной.

– Что вы говорите?

– Кажется, я потерял его, сказал молодой человек, притворяясь как будто ищет. – Хорошо, что свет – могила, что люди, а следовательно и женщины, тени, и что любовь такое чувство, о котором не стоит говорить иначе как с пренебрежением.

– Ах, д'Артаньян, д'Артаньян! сказал Арамис, – вы убиваете меня.

– А, вот оно! сказал д'Артаньян и вынул письмо из кармана.

Арамис вскочил, взял письмо и прочел его с жадностью; лицо его сияло радостью.

– Кажется, горничная хорошо пишет, сказал беспечно молодой человек.

– Благодарю, д'Артаньян! вскричал Арамис, почти в бреду. – Она должна возвратиться в Тур; она не изменила мне; она меня любит по-прежнему. Дай мне обнять тебя, друг мой, я задыхаюсь от счастья!

И два друга пустились плясать по паркету, топча ногами рассыпавшиеся листы диссертации.

В это время вошел Базен со шпинатом и яичницей.

– Поди прочь, несчастный! вскричал Арамис, – унеси назад эти проклятые овощи и эту противную яичницу! спроси шпигованного зайца, жареного каплуна, баранины с чесноком и четыре бутылки старого бургонского.

Базен смотрел на своего господина и не понимал, отчего с ним произошла такая перемена; он бессознательно наклонил блюдо с яичницей, так что она стекла в шпинат. и все вылил на пол.

– Вот лучшая минута посвятить себя церкви, сказал д'Артаньян.

– Убирайтесь с своей латынью! Будем пить, любезный д'Артаньян, будем пить и расскажите мне, что делается в свете.

XI. Жена Атоса

Превосходный обед, подкрепивший силы д'Артаньяна и заставивший Арамиса позабыть о своей диссертации, прошел весело среди рассказов д'Артаньяна о происшествиях в столице со времени их выезда из нее.

– Теперь остается только узнать об Атосе, сказал д'Артаньян.

– Разве вы думаете, что с ним случилось какое-нибудь несчастье? спросил Арамис. – Атос хладнокровен, храбр и превосходно владеет шпагой.

– Это правда, я вполне сознаю храбрость и ловкость Атоса, но я всегда предпочел бы иметь дело с людьми, вооруженными благородным оружием, нежели с холопами, осыпаящими тебя палочными ударами и не знающими ни пощады, ни такту; я боюсь, что Атос совершенно изуродован этими мерзавцами, и вот почему мне хотелось бы как можно скорее провести его.

– Я попытаюсь вам сопутствовать, сказал Арамис, – если я буду в состоянии держаться на лошади. Вчера я подвергал себя бичеванию плеткой, которую вы видите на гвозде; но сильная боль принудила меня оставить это благочестивое упражнение.

– Это очень оригинально, мой друг, лечиться от раны, полученной от огнестрельного оружия, ударами плети; но вы были больны, умственные способности во время болезни иногда повреждаются, а потому я и не удивляюсь вашей выдумке.

– Когда вы думаете ехать?

– Завтра на рассвете; подкрепитесь теперь сном, а завтра, если будете в состоянии, поедem вместе.

– Итак, до завтра, сказал Арамис, – я думаю, что и вашей железной натуре отдых будет не бесполезен.

На другой день, когда д'Артаньян вошел в комнату Арамиса, он застал его у окна.

– Что вы там рассматриваете? спросил д'Артаньян.

– Я люблюсь этими тремя прекрасными лошадьми, которых конюхи держат за уздцы это наслаждение прокатиться на такой лошади.

– Вы будете иметь это наслаждение, любезный Арамис, потому что одна из них ваша.

– Возможно ли? которая же?

– Та, которая вам больше нравится, для меня все равно.

– А богатая попона, которая на ней, также моя?

– Разумеется.

– Вы смеетесь надо мной, д’Артаньян?

– Я перестал смеяться с тех пор, как вы оставили свою латынь.

– Так эти золотые чушки, бархатный чепрак, седло, блестящее серебром, все это мое?

– Все ваше, точно так же, как другая лошадь моя, а третья Атоса.

– Ба, да это превосходный подарок.

– Очень рад, что он вам нравится.

– Без сомнения вы получили его от короля?

– Уж разумеется не от кардинала; но не беспокойтесь об этом, а знайте только, что одна из них ваша.

– Так я возьму ту, которую держит под уздцы рыжий конюх.

– И прекрасно.

– Это заставляет меня совершенно забыть о своей болезни, весело сказал Арамис; я поеду теперь, хоть бы у меня было тридцать пуль в теле. Да, клянусь вам, чудные лошади, Эй, Базен, иди сюда проворнее!

Опечаленный Базен молча вошел в комнату и остановился у порога.

– Наточи мою шпагу, поправь шляпу, вычисти плащ и заряди мне пистолеты! сказал Арамис.

– Последнее не нужно, прервал д’Артаньян, – вы найдете в седле заряженные пистолеты.

Базен тяжело вздохнул.

– Успокойтесь, господин Базен, сказал д’Артаньян, – спасти душу можно во всяком состоянии.

– Господин мой был уже таким прекрасным богословом, сказал Базен чуть не со слезами, – он сделался бы со временем епископом, а может быть, и кардиналом.

– Но подумай сам, к чему служит в наше время духовное звание? этим не избежишь войны. Разве ты не видишь, что сам кардинал выступил в поход с шлемом на голове и мечем в руке; а Ногаре де-ла-Валетт? Он тоже кардинал, а спроси-ка у его слуги сколько раз он щипал для него корпию?

– К несчастью, это правда, сказал со вздохом Базен; – все на свете перевернулось вверх ногами.

Между тем молодые люди спустились по лестнице; бедный слуга шел за ними.

– Подержи стремя, Базен, сказал Арамис и с обычной ловкостью и грацией проворно вскочил в седло; но после нескольких скачков благородного животного почувствовал такую невыносимую боль, что побледнел и зашатался. Д’Артаньян, предвидевший этот случай, не терял

его из виду, и как только заметил перемену на лице Арамиса, подбежал к нему, снял его с лошади и отвел в комнату.

– Любезный Арамис, сказал он, позаботьтесь о своем лечении, я поеду один проводить Атоса.

– У вас железная натура, д'Артаньян!

– Нет, только счастливая; но что вы будете делать в ожидании меня? перебирать четки, а?

Арамис улыбнулся.

– Я буду сочинять стихи, сказал он.

– Да, стихи, раздушенные, вроде записочки горничной госпожи де-Шеврёз. Поучите Базена просодии; это его несколько утешит. А между тем не оставляйте верховой езды, чтобы мало-помалу приучиться к ней, и выздоравливайте.

– Об этом не беспокойтесь, сказал Арамис, – к вашему возвращению я буду здоров.

Они простились и минут через десять д'Артаньян, поручив друга своего попечениям Базена и хозяйки, выехал по дороге в Амиен.

В каком положении он найдет Атоса и даже найдет ли уже его?

Он оставил его в критическом положении; очень могло быть, что его и убили. При этой мысли лоб д'Артаньяна нахмурился, он вздохнул несколько раз и дал себе клятву отомстить. Атос был самый старший из друзей его, и по-видимому, вкусы и чувства их были очень не сходны.

Несмотря на то, он оказывал особенное предпочтение этому дворянину. Благородный и важный вид Атоса, умеренное превосходство его, выказывавшееся по временам, несмотря на то, что он постоянно старался держать себя в тени, невозмутимая ровность расположения духа, делавшая его самым приятным товарищем, непринужденная и колкая веселость, храбрость, которую можно было бы назвать слепой, если б она не была следствием редкого хладнокровия, – все эти прекрасные качества не только доставили ему уважение и дружбу д'Артаньяна, но и возбуждали в нем удивление.

Действительно, изящный и благородный Атос в те дни, когда бывал в хорошем расположении духа, мог успешно выдержать сравнение даже с де-Тревилем: он был среднего роста, но так хорошо сложен и так ловок, что не раз в борьбе с Портосом он брал верх над этим гигантом, физическая сила которого вошла в поговорку между мушкетерами; в лице его, с пронизательными глазами, прямым носом и подбородком, обрисованным, как у Брута, выражалось какое-то величие и приятность; руки его, о которых он нисколько не заботился, приводили в отчаяние Арамиса,

употреблявшего миндальное тесто и душистое масло для того, чтобы придать рукам своим нежность; голос его был громок и звучен, и притом Атос, всегда желавший быть незамеченным, в такой степени обладал знанием света и обычаев самого блестящего общества, что привычка к хорошему тону проглядывала бессознательно во всех его поступках.

Когда случалось устроить обед, Атос распоряжался лучше всякого самого светского человека, помещая каждого гостя на то место, которое принадлежало ему по праву, наследованному от предков, или приобретенному им самим. Если речь касалась до геральдики, Атосу были известны все дворянские фамилии королевства, их родословная, их связи, гербы и происхождение гербов их. Ему были известны все малейшие подробности этикета, он знал все права помещиков, изучил основательно звериную и соколиную охоту и однажды, разговаривая об этом искусстве, он удивил короля Людовика XIII, который, как известно, был знаток этого дела.

Он ездил верхом и бился на рапирах в совершенстве, как все вельможи того времени.

Кроме того, в воспитании его ничего не было упущено из виду, даже в отношении схоластических наук, которыми тогда так мало занимались дворяне; он улыбался на латинские изречения Арамиса, непонятные Портосу, хотя он и делал вид, что понимает их; к немалому удивлению друзей его, ему случалось два или три раза поправить время глагола или падеж имени, когда Арамис ошибался против правил языка; честность его была непоколебима, хотя вообще в то время военные также мало подчинялись требованиям совести, как любовники строгой деликатности нашего времени и бедные седьмой заповеди. Следовательно, Атос был человек необыкновенный.

И между тем недостатки материальной жизни также сильно действовали на эту необыкновенную натуру, как старость на физические и моральные способности человека. Атос в минуты лишений, а эти минуты были не редки, терял всякую энергию и блестящие качества его исчезали как в темную ночь.

В подобные минуты Атос до того падал духом, что из полубога обращался в самого обыкновенного человека. Опустя голову, с тусклым взглядом, он с трудом произносил изредка несколько слов и по целым часам смотрел то на бутылку, то на стакан, то на Гримо, который, привыкший повиноваться каждому знаку его, угадывал в бессмысленном взгляде своего господина малейшие желания его и тотчас удовлетворял их. Если в подобную минуту случалось быть всем четверым друзьям вместе, то

Атос едва участвовал в разговорах с большим усилием и то разве несколькими словами. За то Атос пил за четверых и тогда брови его хмурились больше обыкновенного, тоска его усиливалась.

Д'Артаньян при всем своем наблюдательном и проницательном уме и несмотря на сильное желание удовлетворить своему любопытству, не мог ни открыть причины такого состояния духа Атоса, ни подметить признаков, по которым мог бы предсказать время наступления такого мрачного расположения духа. Атос никогда не получал писем, никогда не делал шага без ведома друзей своих.

Нельзя было сказать, чтобы вино было причиной его скуки, напротив, он пил только для того, чтобы прогнать её, и это лекарство делало его еще мрачнее.

Нельзя было также приписать ее игре, потому что, в противоположность Портосу, который сопровождал песнями и ругательствами все перемены счастья, Атос при выигрыше оставался таким же бесстрастным, как и при проигрыше.

Случалось, что в обществе мушкетеров он в один вечер выигрывал по тысяче пистолей, потом проигрывал все до праздничного пояса своего, шитого золотом, опять все возвращал, с прибавкою еще ста луидоров, и между тем прекрасные черные брови его во все это время не шевельнулись, цвет лица не изменился и разговор его во весь вечер постоянно был спокоен и приятен.

Эта тоска, омрачавшая лицо его, происходила не от влияния климата, как у соседей наших – Англичан, потому что она становилась сильнее в лучшее время года; июнь и июль были самые ужасные месяцы для Атоса.

В настоящем он не имел никакого огорчения и пожимал плечами, когда ему говорили о будущем; следовательно тайна его была в прошедшем, как и говорили д'Артаньяну, хотя неопределенно.

Эта таинственность делала еще занимательнее человека, который во время самого сильного опьянения никогда не высказал ничего ни взглядом, ни словом, как бы искусно ни были направлены вопросы.

– Итак, думал д'Артаньян, – бедный Атос, может быть, умер уже и умер из-за меня, потому что я вовлек его в это дело, начало которого ему было так же не известно, как останутся неизвестны и последствия, из которого он не мог бы извлечь никакой пользы.

– Кроме того, сказал Планше, – мы ему обязаны жизнью. Помните ли вы как он кричал: спасайся, д'Артаньян, меня схватили. И разрядив оба свои пистолета, как он страшно гремел шпагой! как будто двадцать человек, или лучше сказать двадцать взбешенных чертей!

Эти слова удвоили горячность д'Артаньяна, который понукал свою лошадь и без того скакавшую галопом.

Около одиннадцати часов они увидели Амиен, а в половине двенадцатого были у ворот проклятой гостиницы.

Д'Артаньян часто помышлял о мщении против вероломного хозяина, — мщении, которое утешительно, хотя бы оно было одною мечтой. Он вошел в гостиницу, надвинув шляпу на глаза, положив левую руку на эфес шпаги и хлопая хлыстом.

— Узнаешь ли ты меня? спросил он хозяина, подходившего к нему с поклоном.

— Не имею чести, ваше сиятельство, отвечал хозяин, ослепленный блестящей наружностью д'Артаньяна.

— А, так ты не узнаешь меня?

— Никак нет, ваше сиятельство.

— В двух словах я напому тебе о себе. Где дворянин, которого недели две назад ты осмелился обвинить в делании фальшивой монеты?

Хозяин побледнел, потому что д'Артаньян принял на себя самый грозный вид и Планше подражал своему господину.

— Ах, ваше сиятельство, не говорите об этом! сказал хозяин плаксивым голосом. — Боже мой, как дорого поплатился я за эту ошибку! о, я несчастный!

— Я спрашиваю тебя, где этот дворянин?

— Будьте милостивы, благоволите присесть и выслушайте меня.

Д'Артаньян, онемев от гнева и беспокойства, сел как грозный судья. Планше гордо оперся на его кресло.

— Вот как было дело, ваше сиятельство, начал хозяин, дрожа всем телом: — теперь я узнаю вас; вы изволили уехать, когда началось несчастное дело с этим дворянином.

— Да, это ты видишь, что не можешь ждать помилования, если не скажешь правды.

— Выслушайте меня и вы узнаете всю правду. Начальство уведомило меня, что в моей гостинице остановится известный фальшивомонетчик, с несколькими товарищами, переодетые мушкетерами. Мне описали вашу наружность, ваших лошадей и людей.

— Дальше, дальше! сказал д'Артаньян, догадываясь тотчас, кто сообщил это описание.

— Вследствие этого, по приказанию начальства, приславшего мне шесть человек солдат, принял меры, какие почел нужными, чтобы схватить этих делателей фальшивой монеты.

– Опять! сказал д'Артаньян, которого бесило слово «фальшивый монетчик».

– Простите меня, ваше сиятельство, что я так подробно рассказываю вам; в этих словах мое оправдание. Начальство напугало меня, а вы знаете, что трактирщик должен ему угодать.

– Но еще раз спрашиваю тебя, где этот дворянин? что с ним случилось? жив ли он или мертв?

– Потерпите немного, ваше сиятельство, мы сейчас дойдем до этого. Вам известно, что случилось, а ваш поспешный отъезд, прибавил хозяин, казалось подтверждал наши предположения. Друг ваш защищался отчаянно. Слуга его, затеявший, к несчастью, ссору с присланными ко мне начальством людьми, переодетыми конюхами...

– Ах, негодяи! вскричал д'Артаньян. – вы все были в заговоре; за это следовало бы уничтожить вас всех!

– О, нет, мы не все были в заговоре, вы сейчас увидите. Друг ваш (извините, что не называю его по имени, потому что не знаю его), убив двоих выстрелами из своих пистолетов, начал отступать, защищаясь шпагой, ранил одного из моих людей и оглушил меня, ударив плашмя.

– Но кончишь же ты, палач? сказал д'Артаньян, – что же сделалось с Атосом?

– Отступая, он дошел до двери погреба, и как она не была заперта, то он вошел туда и укрепился там. Так как мы были уверены, что он не уйдет оттуда, то и оставили его там.

– Да, сказал д'Артаньян, – его не хотели убить, а только запереть.

– Боже мой! запереть! клянусь вам, что он сам заперся. Притом он ловко разделался с ними: одного убил и двоих тяжело ранил. Убитый и раненые унесены были их товарищами, и больше ничего не слышали ни о тех, ни о других. Пришедши в себя, я отправился к губернатору, рассказал ему о всеми, что случилось, и спросил, что мне делать с пленным.

Но губернатор выслушал меня с большим удивлением; сказал мне, что он ничего не знает об этом, что приказания получены были мною совсем не от него, и что если я осмелюсь говорить кому-нибудь, что он участвовал хоть сколько-нибудь в этом деле, то он велит меня повесить. Кажется, я ошибся; арестовал не того, кого следовало, а тот, кого нужно было, спасся.

– Но Атос? вскричал д'Артаньян, нетерпение которого увеличилось при мысли о небрежности начальства в этом деле; – что же сделалось с Атосом?

– Так как я спешил поправить свою ошибку в отношении к пленнику, продолжал хозяин гостиницы, – то я поспел к погребу, чтобы выпустить его

на свободу. Но это был уже не человек, а сам черт. Когда я предложил ему выйти из погреба, он отвечал, это засада и что прежде чем выйдет оттуда, он предложит некоторые условия. Я понимал неприятное положение, в которое поставил себя, подняв руку на мушкетера его величества, а потому почтительно отвечал ему, что я готов подчиниться его условиям.

– Во-первых, сказал он, – я хочу, чтобы мне возвратили моего слугу в полном вооружении.

Его приказание тотчас было исполнено, потому что мы готовы были сделать все, чего бы ни захотел ваш друг. Гримо (он сказал свое имя, хотя он вообще немного говорит) сошел в погреб, раненый; тогда господин его снова заложил у дверь и приказал нам оставаться в лавке.

– Но наконец, вскричал д'Артаньян, – где же он? где Атос?

– В погребе.

– Как, вы держите его в погребе до сих пор, негодяи?

– О, нет, вы не знаете, что он делает там на погребе. О, если бы вы его вывели оттуда, я во всю жизнь был бы вам за то благодарен; я обожал бы вас как моего покровителя.

– Так он там? я найду его там?

– Без сомнения; он захотел непременно там остаться. Каждый день ему подают туда через отдушину на вилке хлеба и мяса, когда он потребует; но увы! не хлеб и не мясо употребляет он всего больше. Однажды я попробовал войти к нему с двумя из моих людей, но он пришел в страшный гнев. Я услышал, что он заряжает свои пистолеты, а слуга его ружье. Мы спросили их, что они хотят делать; господин отвечал нам, что у них сорок зарядов, и что они будут стрелять до последнего, но не позволят никому из нас войти в погреб. Тогда я жаловался губернатору, который отвечал мне, что я это заслужил, и что это будет мне наукой, как оскорблять честных господ, останавливающихся в моей гостинице.

– Так что с тех пор?... спросил д'Артаньян, не могший удержаться от смеха при виде жалкой фигуры хозяина.

– Так что с тех пор мы ведем самую печальную жизнь, какую можно себе представить: потому что, надо вам сказать, что вся провизия наша в погребе: там вино в бутылках, вино в бочках, пиво, масло, коренья, сало и сосиски; а так как нам запрещено туда ходить, то мы должны отказывать своим гостям в пище и вине, и наша гостиница падает со дня на день. Если ваш друг еще неделю останется в погребе, то мы разоримся.

– Это будет справедливо, каналья. Скажи, пожалуйста, разве не видно было по наружности нашей, что мы порядочные люди, а не мошенники.

– Да, да, вы правы, отвечал хозяин. – Но слушайте, слушайте, вот, он

опять рассердился.

– Вероятно, его беспокоили, сказал д'Артаньян.

– Нельзя же не беспокоить его, сказал хозяин; – к нам приехали два английские дворянина.

– Ну?

– А вам известно, что англичане любят хорошее вино, они спрашивают самого лучшего.

Жена моя просила у г. Атоса позволения войти в погреб, чтоб удовлетворить требование этих господ, и он отказал, как обыкновенно. О, Боже мой! шум усиливается.

В самом деле, д'Артаньян услышал странный шум в стороне погреба; он встал и в сопровождении Планше, с заряженным ружьем, пошел на место сражения за хозяином, ломавшим руки с отчаяния.

Оба дворянина были крайне раздражены; они сделали большой переезд и умирали от голода и жажды.

– Но это варварство, кричали они на чистом французском языке, хотя с иностранным выговором, – что этот сумасшедший господин не позволяет пользоваться собственным вином. Мы выбьем дверь, и если он очень бешен, убьем его.

– Подождите, господа! сказал д'Артаньян, вынимая пистолеты из-за пояса; вы никого не убьете.

– Ничего, ничего, спокойно говорил за дверью Атос, – пустите их, этих головорезов, мы увидим.

Оба англичанина, хотя, казалось, и были храбры, но нерешительно взглянули друг на друга, как будто бы в погребе был один из тех голодных людоедов, гигантских героев народных легенд, в пещеры которых никто не входит безнаказанно.

Наступила минута молчания; но англичанам стыдно было отступить, и один из них, посмелее, спустился с лестницы в 5 или 6 ступеней и ударил ногой в дверь так, что затряслись стены.

– Планше, сказал д'Артаньян, заряжая свои пистолеты, – я беру на себя того, который вверху, а ты справляйся с другим. А, господа, вы хотите драться! хорошо, извольте!

– Боже мой! вскричал Атос, – кажется, я слышу голос д'Артаньяна!

– Действительно, мой друг, это я! закричал д'Артаньян.

– Это хорошо, сказал Атос, в таком случае мы обработаем этих господ, которые ломают двери.

Дворяне обнажили шпаги, но они были между двух огней и не решались действовать; однако гордость взяла верх и от второго удара ноги

дверь затрещала во всю длину.

– Посторонись, д'Артаньян, кричал Атос, – посторонись, я выстрелю.

– Господа, сказал д'Артаньян, ничего не делавший без рассуждения, – господа, подумайте! Атос, подожди! сражение будет для вас невыгодно, мы вас прострелим как решето. Мы с лакеем сделаем три выстрела, столько же вы получите из погреба, потом мы будем действовать шпагами, и предупреждаю вас, что я и друг мой владеем ими недурно. Позвольте я обделаю и ваше дело, и свое. Даю вам слово, что вы сейчас получите вина.

– Если осталось еще, сказал насмешливо Атос.

У хозяина гостиницы пробежал мороз по всему телу.

– Как, если осталось! бормотал он.

– Черт возьми! как не остаться, прервал д'Артаньян; – будьте спокойны, неужели они вдвоем выпили весь погреб. Господа, вложите шпаги в ножны.

– Хорошо, а вы положите пистолеты за пояс.

– Охотно.

И д'Артаньян подал пример. Потом, обращаясь к Планше, он велел ему разрядить ружье.

Англичане, успокоившись, вложили шпаги в ножны. Им рассказали историю заключения в погреб Атоса, и так как они были хорошие люди, то они обвинили во всем хозяина гостиницы.

– Ну теперь, господа, сказал д'Артаньян, – ступайте в свою комнату, и я вам ручаюсь, что через десять минут вам принесут все что вам угодно.

Англичане поклонились и ушли.

– Теперь я один, любезный Атос, сказал д'Артаньян, – отворите же, пожалуйста.

– Сейчас, отвечал Атос.

Послышался стук отодвигаемых фашин и бревен; Атос сам уничтожал свои бастионы и конхрескарпы.

Дверь отворилась. и показалось бледное лицо Атоса, осматривавшего быстрым взглядом окрестность.

Д'Артаньян бросился ему на шею и нежно поцеловал его; потом он хотел вывести его из этого сырого жилища, и тут только заметил, что Атос нетвердо стоял на ногах.

– Вы ранены? спросил он его.

– Я? несколько! я просто мертвецки пьян и больше ничего. Радуйся, хозяин, я на свою долю выпил по крайней мере полтора ста бутылок.

– Помилосердуйте, сказал хозяин, – если ваш слуга выпил хоть половину этого, то я разорен.

– Гримо слуга из хорошего дома, он не позволит себе делать то же самое что я; он пил из бочки; кажется, он забыл заткнуть бочку; слышите! течет!

Д'Артаньян захохотал; хозяина бросило из холода в жар.

В это время вышел Гримо, с ружьем на плече; голова у него тряслась как у пьяных сатиров картин Рубенса. Он был весь испачкан в каком-то масле; хозяин тотчас заметил, что это было его лучшее оливковое масло.

Они все отправились через главную залу в лучшую комнату гостиницы, которую д'Артаньян занял силой.

Между тем хозяин и жена его со свечами бросились в погреб, куда вход был им так долго запрещен и где ожидало их ужасное зрелище.

За устроенными Атосом укреплениями, состоявшими из досок и пустых бочек, наваленных по всем правилам стратегического искусства, видны были в разных местах плавающие в лужах из масла и вина кости съеденных окороков; весь левый угол погреба покрыт был разбитыми бутылками; из одной бочки, с открытым краном, вытекали последние капли вина. Поле сражения представляло вид опустошения и смерти, как сказал один древний поэт.

Из пятидесяти висевших на балках сосисок едва оставался десяток.

Тогда плач и рыдание хозяина и хозяйки слышны были из-под сводов погреба; д'Артаньян был тронут; Атос не обратил ни малейшего внимания.

После минуты огорчения хозяин пришел в бешенство, вооружился вертелом и в отчаянии вбежал в комнату, где сидели два друга.

– Вина! сказал Атос, увидев хозяина.

– Вина! вскричал удивленный хозяин, – вина! но вы выпили у меня его больше чем на сто пистолей; я разорен; я пропал; я нищий.

– Что вы говорите, сказал Атос, – мы постоянно мучились жаждой.

– Если бы по крайней мере вы только пили, а то еще перебили все бутылки.

– Вы толкнули меня в кучу, которая развалилась. Сами виноваты.

– Все мое масло погибло!

– Масло прекрасный бальзам для ран, а бедный Гримо должен же был лечить раны, которые вы ему нанесли.

– Все мои сосиски съедены!

– В этом погребе пропасть крыс.

– Вы мне заплатите за все это, кричал хозяин в отчаянии.

– Забавно, сказал Атос, поднимаясь с места, но тотчас опять опустился, не могши встать. Д'Артаньян явился к нему на помощь с поднятым хлыстом.

Хозяин отступил и залился слезами.

– Это научит вас, сказал д'Артаньян, – полюбезнее обходиться с гостями, которых Бог посылает вам.

– Бог! скажите лучше черт!

– Любезный друг, сказал д'Артаньян, – если вы будете еще терзать наши уши, мы запремся все четверо в вашем погребе и увидим, действительно ли опустошение там так велико, как вы рассказываете.

– Да, господа, сказал хозяин, признаюсь, я виноват, но на всякий грех есть милость; вы вельможи, а я бедный содержатель гостиницы, вы жальтесь надо мной.

– А вот если ты так будешь говорить, сказал Атос, – так ты растрогаешь мое сердце и слезы потекут у меня из глаз, как вино текло из твоих бочек. Я не так зол, как кажусь. Подойди сюда, поговорим.

Хозяин подошел со страхом.

– Подойди, говорю я тебе, не бойся, продолжал Атос. – Когда я хотел с тобою расплатиться, я положил на столе свой кошелек.

– Точно так.

– В этом кошельке было 60 пистолей, где он?

– В суде: мне сказали, что в нем фальшивая монета.

– Ну так потребуй назад мой кошелек и возьми себе 60 пистолей.

– Но вашей милости известно, что суд не отдает назад то, что в него попало. Еще можно было бы надеяться, если бы это действительно была фальшивая монета, но к несчастью это были настоящие деньги.

– Это до меня не касается, справляйся с судом как знаешь, молодец, тем больше, что у меня нет ни одного ливра.

– Вот что, сказал д'Артаньян; где лошадь Атоса?

– В конюшне.

– Сколько она стоит?

– Не больше 50 пистолей.

– Она стоит 80, возьми себе и не говори ничего.

– Как, ты продаешь мою лошадь? сказал Атос; – ты продаешь моего Банзета? а на чем же я поеду, на Гримо?

– Я привел тебе другую, сказал д'Артаньян.

– Другую?

– И отличную, вскричал хозяин.

– А, если есть другая лучше и моложе, то возьми старую и давай вина.

– Какого? спросил развеселившийся хозяин.

– Того, которое в глубине погреба у решетки там осталось его 25 бутылок, остальные разбились, когда я упал. Дайте 6 бутылок.

– Да этот человек чистый клад, подумал хозяин; если он останется еще недели на две и будет платить за то, что выпьет, то мои дела поправятся.

– Да, не забудь, сказал д'Артаньян, – подать четыре бутылки Англичанам.

– А между тем, сказал Атос, – пока принесут вина, расскажите мне, д'Артаньян, что сделалось с прочими друзьями нашими.

Д'Артаньян рассказал ему, как он нашел Портоса в постели, с ушибом, а Арамиса за столом между двумя богословами. Когда он оканчивал рассказ, вошел хозяин с бутылками и окороком, который, к счастью его, был спрятан не в погребе.

– Это хорошо, сказал Атос, наливая вина в стаканы себе и д'Артаньяну, – вы рассказали о Портосе и Арамисе, но что случилось с вами самими? вы что-то не в духе.

– Это потому, сказал д'Артаньян, – что я самый несчастный из всех нас.

– Ты несчастлив, д'Артаньян! сказал Атос. Отчего же несчастлив? Расскажи мне.

– После.

– После? отчего же после? ты думаешь, что я пьян? заметь однажды навсегда, что я всего лучше понимаю вещи именно тогда, когда пьян. Говори же.

Д'Артаньян рассказал свои похождения с госпожою Бонасиё.

Атос слушал его внимательно, потом когда он кончил, Атос сказал:

– Все это пустяки!

Это было любимое выражение Атоса.

– Вы всегда говорите, что это пустяки, любезный Атос, сказал д'Артаньян, – это к вам совсем нейдет, потому что вы никогда не любили.

Глаза Атоса внезапно оживились огнем, но только на одно мгновение, потом они стали опять тусклы и безжизненны как прежде.

– Это правда, сказал он спокойно, – я никогда не любил.

– Поэтому вы, имея каменное сердце, напрасно так жестоки к тем, у кого сердце нежно.

– Нежные сердца это несчастные, – сказал Атос.

– Отчего?

– Любовь есть лотерея, в которой выигрыш есть смерть. Поверьте мне, любезный д'Артаньян, вы счастливы, что всегда проигрывали, и я советовал бы вам никогда не выигрывать.

– Она, кажется, так любила меня!

– Это так кажется.

- О, она верно любила меня!
- Дитя! всякий думает, так как вы, что его любовница любит его, и нет никого на свете, кто не обманывался бы в этом.
- Кроме вас, Атос, потому что у вас никогда не было любовницы.
- Это правда, сказал Атос после минутного молчания, – у меня никогда ее не было. Выпьем.
- В таком случае, сказал д'Артаньян, – вы как философ, научите меня, что мне делать, помогите мне, я нуждаюсь в ваших советах и утешениях.
- В чем же вас утешать?
- В моем несчастье.
- Ваше несчастье смешит меня, сказал Атос, пожимая плечами: – мне хотелось бы знать, что вы скажете, когда я расскажу вам одну любовную историю.
- Свою?
- Все равно, мою или кого-нибудь из моих друзей.
- Расскажите, Атос, расскажите.
- Выпьем, это будет лучше.
- Пейте и рассказывайте.
- Это можно, сказал Атос опоражнивая и опять наливая свой стакан, эти две вещи удивительно как сходятся.
- Я слушаю, сказал д'Артаньян.

Атос собирался с мыслями и д'Артаньян заметил, что он бледнеет; он дошел в это время до той степени опьянения, при которой обыкновенно пьяницы падают и засыпают. А он бредил наяву. В этом сомнамбулизме пьянства было что-то ужасное.

- Вы непременно хотите этого? спросил он.
- Я прошу об этом, сказал д'Артаньян.
- Я исполню ваше желание. Один из моих друзей, помните же, один из друзей моих, а не я, сказал Атос с мрачною улыбкой; – один из графов моей провинции, т. е. Беррийской, знатный, как Дапдоло или Монморанси, 25-ти лет от роду влюбился в 16-ти летнюю девушку, прекрасную как амур. При наивности возраста, она отличалась пылким умом, не женским, а умом поэта; она не только нравилась, но очаровывала; она жила в маленьком городке у брата своего – священника. Оба были приезжие, но откуда они приехали, никто не знал; она была так прекрасна, а брат ее так благочестив, что никто и не думал спрашивать их, откуда они. Впрочем, говорили, что они хорошего происхождения. Друг мой, бывши начальником области, мог бы соблазнить ее и взять силой, если б ему вздумалось; он был там полновластен и никто не решился бы явиться на помощь неизвестным

пришельцам. К несчастью, он был честный человек, и женился на ней. Безумец!

– От чего же? ведь он любил ее? спросил д'Артаньян.

– Подождите, сказал Атос, – Он взял ее в свой замок, и она сделалась самою важною дамой провинции, и надо отдать ей справедливость, она превосходно держала себя в этом положении. Однажды будучи с своим мужем на охоте, продолжал Атос тихо и скороговоркой, – она упала с лошади и лишилась чувств; граф поспешил к ней на помощь, и так как платье душило ее, то он разрезал его кинжалом и открыл плечо ее. Угадайте, д'Артаньян, что было на этом плече? сказал Атос хохоча.

– Откуда же мне это знать? сказал д'Артаньян.

– Цветок лилии, сказал Атос; – она была заклеямена.

И Атос разом опорожнил свой стакан.

– Это ужасно! вскричал д'Артаньян, – что вы говорите?

– Истину, мой друг. Ангел этот был демон. Бедная девушка была воровка.

– Что же сделал граф?

– Граф был вельможа, он имел полное право суда в своих поместьях; он разорвал совсем платье графини, связал ей руки назад и повесил на дереве.

– О, небо! Атос! убийца! вскричал д'Артаньян.

– Да, ни больше, ни меньше как убийца, сказал Атос, бледный как смерть. – Но у меня, кажется, нет больше вина.

И Атос взял последнюю оставшуюся бутылку, поднес горлышком ко рту и разом опорожнил ее.

Потом он сел, опустив голову на руки; д'Артаньян стоял перед ним в ужасе.

– Это вылечило меня от страсти к хорошеньким женщинам, поэтическим, и влюбленным, сказал Атос, вставая и не говоря уже о графе. – Да пошлет Бог того же и вам. Выпьем.

– Так она умерла? спросил д'Артаньян.

– Черт возьми! сказал Атос. – Давайте свой стакан. Эй, подай окорок, кричал он, мы не в состоянии больше пить.

– А брат ее? спросил робко д'Артаньян.

– Брат ее? повторил Атос.

– Да, священник?

– Я справлялся о нем, чтоб и его повесили, но он предупредил меня; он оставил свой приход еще накануне.

– Узнали ли, по крайней мере, кто была эта каналья?

– Вероятно, это был первый любовник и сообщник красавицы, который играл роль священника, может быть, для того, чтобы выдать ее замуж и обеспечить судьбу ее. Я уверен, что его где-нибудь колесуют.

– О, Боже мой! сказал д'Артаньян, не могши придти в себя от удивления.

– Кушайте окорок, д'Артаньян; он очень хорош, сказал Атос, отрезывая кусок и кладя его на тарелку. – Как жаль, что не было хотя четырех таких окороков в погребе! я выпил бы 50 бутылками больше.

Д'Артаньян не мог продолжать разговора; он положил голову на руку и притворился спящим.

– Молодые люди не умеют нынче пить, сказал Атос, смотря на него с сожалением. а между тем этот еще из лучших!..

XII. Возвращение

Д'Артаньян был поражен страшною тайной, доверенной ему Атосом; впрочем много в этом рассказе еще осталось для него непонятным; во-первых это рассказывал человек совершенно пьяный другому полупьяному и, не смотря на то, что голова д'Артаньяна была отуманена двумя или тремя бутылками бургонского, проснувшись на другой день он так живо помнил каждое слово Атоса, как будто сейчас слышал. Эта неуверенность возбудила в нем сильнейшее желание разузнать истину, и он пошел к своему другу с твердым намерением возобновить вчерашний разговор. Но он нашел Атоса совсем другим человеком: осторожным и скрытным.

Впрочем мушкетер, пожав ему руку, предупредил его желание и сказал:

– Вчера я был очень пьян, любезный д'Артаньян, я чувствую это теперь, потому что язык не хорош и пульс не ровен; бьюсь об заклад, что я наговорил кучу нелепостей.

Говоря это, он так пристально смотрел на своего друга, что тот растерялся.

– Нет, отвечал д'Артаньян, – сколько я помню, вы говорили о вещах самых обыкновенных.

– Удивительно! А мне кажется, что я рассказывал вам одну очень плачевную историю.

Он смотрел на своего друга, стараясь проникнуть самые сокровенные его мысли.

– Право, нет! сказал д'Артаньян; – верно я был пьянее вас, потому что ничего не помню.

Атос не удовольствовался этим и продолжал:

– Вы вероятно замечали, мой друг, что опьянение бывает у людей различно: у иных веселое, у других печальное; я бываю в пьяном виде печален и когда очень напьюсь, то ужасно люблю рассказывать самые мрачные истории, какие только слыхал от своей глупой няньки. Это мой недостаток, важный недостаток, надо сознаться, но если не считать его, то я хороший товарищ в попойках.

Атос говорил это таким спокойным тоном, что д'Артаньян начинал сомневаться в справедливости его вчерашнего рассказа и надеясь добиться истины, сказал:

– Да, точно, теперь я помню, как во сне, что мы говорили о

повешенных.

– Вот видите ли, сказал Атос, побледнев, но стараясь смеяться; – я был в этом уверен: повешенные, это мой конек.

– Да, да, вот теперь я вспомнил; да, речь шла... постойте... речь шла о женщине.

– Видите ли, сказал Атос, побледнев еще больше, – это история одной белокурой женщины и когда я рассказываю ее, значит я страшно пьян.

– Да, так, вы рассказывали историю белокурой женщины, высокой, красивой, с голубыми глазами.

– И повешенной.

– Своим мужем, господином, которого вы знаете, продолжал д'Артаньян, смотря пристально на Атоса.

– Видите ли, как легко компрометировать человека, когда сам не понимаешь, что говоришь, сказал Атос, пожимая плечами, как будто жалея о самом себе. – Я решительно не буду напиваться, д'Артаньян; это скверная привычка.

Д'Артаньян молчал. Атос, переменив вдруг разговор, сказал:

– Кстати, благодарю за лошадь, которую вы мне доставили.

– А нравится она вам?

– Да, но она не годилась бы для похода.

– Вы ошибаетесь; я проехал на ней не меньше десяти миль в полтора часа, и она нисколько не устала.

– В таком случае вы заставляете меня сожалеть о ней.

– Сожалеть?

– Да, потому что у меня уже нет ее.

– Отчего?

– Вот как было дело: сегодня я проснулся в шесть часов, вы спали как убитый, и я не знал что делать; я был не в духе после вчерашней попойки, сошел в залу и увидел одного англичанина, торговавшего лошадь у барышника, потому что его лошадь пала вчера от удара. Я подошел к нему и, видя, что он предлагает сто пистолей за гнедую лошадь, сказал ему: у меня тоже есть продажная лошадь, не хотите ли посмотреть.

– Отличная лошадь, отвечал он, – я видел ее вчера, когда слуга вашего друга держал ее за повод.

– Стоит ли она, по вашему мнению, ста пистолей?

– Да, а вы отдадите мне ее за эту цену?

– Нет, но я проиграю ее вам.

– Проиграете?

– Да.

– Во что?

– В кости.

– Как сказано, так и сделано; я проиграл ему лошадь; но отыграл чепрак.

– Д’Артаньян сделал кислую гримасу.

– Вам это неприятно? спросил Атос.

– И очень неприятно, – по этой лошади нас должны были узнать во время сражения; это был залог, воспоминания; вы худо сделали, Атос.

– Ах, мой друг, поставьте себя на мое место; я смертельно скучал, да признаться, я и не люблю английских лошадей. А если нужно, чтобы нас кто-нибудь узнал, то для этого достаточно и седла, – оно довольно замечательно. Что же касается до лошади, мы найдем предлог извиниться, почему ее нет. Черт возьми, ведь лошадь могла и умереть от сапа, например, или другой болезни.

Д’Артаньян не был доволен этим утешением.

– Мне приятно, продолжал Атос, – что вы принимаете такое сильное участие в этих лошадях, потому что я еще не все рассказал.

– Что же вы еще сделали?

– Когда я проиграл свою лошадь, у меня явилось желание проиграть и вашу.

– Но вы не исполнили его, надеюсь?

– Как же, я сейчас исполнил его.

– Скажите пожалуйста! с беспокойством вскрикнул д’Артаньян.

– Я стал играть на нее и проиграл.

– Мою лошадь?

– Да.

– Атос, право, вы не в своем уме.

– Любезный! вы могли сказать это вчера, когда я рассказывал свои глупые истории, а не теперь. Я проиграл ее с седлом и со всем прибором.

– Это ужасно!

– Постойте, это еще не все; я был бы отличный игрок, если бы не увлекался; но я увлекаюсь в игре, так же как и в вине; поэтому я увлекся...

– Но на что же вам было играть? У вас ничего не оставалось?

– Так, мой друг, но у нас оставался еще бриллиант, который у вас на руке, я только вчера заметил его.

– Этот бриллиант, закричал д’Артаньян, схватившись быстро рукой за перстень.

– А как я в них знаток, потому что имел их когда-то, то я оценил его в тысячу пистолей.

– Надеюсь, сказал д'Артаньян, полумертвый от страха, – что вы не говорили ни слова о моем бриллианте?

– Напротив, любезный друг, вы понимаете, что этот бриллиант составлял последнюю нашу надежду; с ним я мог отыграть седла и лошадей и выиграть денег на дорогу.

– Атос, вы приводите меня в ужас.

– Так я сказал своему партнёру о вашем бриллианте, который он тоже заметил. Зачем же, любезный друг, вы носите на руке вещь, блестящую как звезда, и хотите, чтобы на нее не обращали внимания? Это невозможно.

– Оканчивайте, оканчивайте, вы убьете меня своим холонокровием.

– Мы разделили бриллиант на десять частей, в сто пистолей каждая.

– Вы смеетесь надо мной и испытывайте меня, сказал д'Артаньян, начав сердиться.

– Нет, я вовсе не шучу; посмотрел бы я, что бы вы сделали на моем месте: две недели я не видал человеческого лица и беседовал с одними бутылками.

– Это не причина, чтобы проиграть мой бриллиант, сказал д'Артаньян, судорожно сжимая руку.

– Выслушайте до конца; десять кушей по сто пистолей были назначены на десять раз; в тринадцать игор я проиграл все тринадцать ударов, – это число всегда было роковым для меня – тринадцатого июля...

– Черт возьми, сказал д'Артаньян, вставая из-за стола; слушая эту историю, он совсем забыл о вчерашней.

– Имейте терпение, сказал Атос, – у меня был план. Англичанин был оригинал: я видел, что утром он разговаривал с Гримо, и Гримо сообщил мне, что он предлагал ему поступить к нему в услужение. Мы стали играть на бедного Гримо, разделив его на десять кушей.

– Вот так игра! сказал д'Артаньян, невольно захохотав.

– Игра на Гримо, слышите ли? и на десять частей Гримо, который весь не стоит червонца, и отыграл бриллиант. Пусть говорят после этого, что настойчивость не добродетель.

– Право, это смешно, сказал утешенный д'Артаньян, помирая со смеху.

– Разумеется, как я увидел, что мне везет, то принялся опять играть на бриллиант.

– Ах, черт возьми, сказал д'Артаньян, нахмурившись.

– Я отыграл ваше седло, вашу лошадь, потом мое седло, мою лошадь, потом опять все проиграл. Потом я опять отыграл ваше седло и мое и остановился. Вот в каком положении наши дела.

Д'Артаньян вздохнул свободно, как будто у него свалилась с плеч.

– Наконец бриллиант мой цел? спросил робко д'Артаньян.
– И неприкосновенен, мой друг, да еще уцелели седла вашей лошади и моей.

– Что же мы будем делать с седлами без лошадей?
– А вот что я придумал.
– Атос, я боюсь ваших затей.
– Послушайте, д'Артаньян, вы давно не играли?
– Да, и не намерен.
– Не зарекайтесь. Я говорю, что если вы давно не играли, то вам повезет.

– Ну, так, что же?
– А вот что! Англичанин и его товарищ еще здесь. Я заметил, что ему очень жаль было отдать седла, а вам хочется иметь свою лошадь. Я на вашем месте поставил бы седло против лошади.

– Да он не станет играть на одно седло против лошади.
– Так поставьте два; я не такой эгоист как вы.
– Вы бы сделали это на моем месте? сказал д'Артаньян в нерешимости. Доверие Атоса невольно располагало его к игре.

– Честное слово, сделал бы.
– Дело в том, что мне очень хотелось бы сохранить по крайней мере седла, когда лошади проиграны.

– Так играйте на свой бриллиант.
– Нет, ни за что в свете.
– Я предложил бы вам сыграть на Планше, но как мы на него уж играли, то англичанин пожалуй не захочет больше.

– А я решительно желал бы, любезный Атос, лучше ничем не рисковать.

– Жаль, сказал хладнокровно Атос; у англичанина пропасть денег. Да поиграйте, бросьте кости хоть один раз, ведь это не долго.

– А если я проиграю?
– Выиграете.
– А если проиграю?
– Так что же? отдадите седла.
– Согласен, на один раз.

Атос пошел искать англичанина и нашел его в конюшне. Он рассматривал седла завистливыми глазами. Случай был удобный; Атос предложил ему условия игры: два седла против одной лошади, или ста пистолей. Англичанин тотчас рассчитал, что два седла стоили трех сот пистолей и принял предложение.

Д'Артаньян дрожащею рукой бросил кости: вышло три очка.

Атос испугался его бледности и сказал англичанину:

– Какое ему несчастье, товарищ! ваши лошади будут с седлами.

Торжествующий англичанин не покатиł даже кости, а просто бросил их на стол, не смотря на них; так он был уверен в выигрыше. Д'Артаньян отвернулся, чтобы скрыть свою печаль.

– Смотрите, смотрите, сказал Атос спокойным голосом; – вот редкий случай игры в кости! я видел его только четыре раза в жизни: два очка!

Англичанин взглянул и удивился, д'Артаньян взглянул и обрадовался.

– Да, продолжал Атос, – только четыре раза: раз у Креки, другой у меня в деревне, в моем замке... (когда у меня был замок), третий раз у де-Тревиля. Наконец, четвертый в трактире, где он выпал на мою долю и через него я проиграл сто луидоров и ужин.

– Хорошо, вы возьмете свою лошадь? спросил англичанин.

– Без сомнения, отвечал д'Артаньян.

– И не дадите мне отыграться?

– Вспомните, что у нас не было условия отыгрываться.

– Правда, лошадь будет передана вашему слуге.

– Позвольте, сказал Атос англичанину; – позвольте мне сказать по секрету два слова моему другу.

– Извольте.

Атос отвел в сторону д'Артаньяна.

– Ну, что тебе нужно, искуситель? сказал ему д'Артаньян; – ты верно хочешь, чтобы я играл еще?

– Нет, я хочу, что вы подумали.

– О чем?

– Вы возьмете свою лошадь?

– Да.

– Напрасно, я бы лучше взял сто пистолей; ведь вы ставили два седла против лошади или ста пистолей, по выбору.

– Да.

– Я взял бы сто пистолей.

– А я беру лошадь.

– Повторяю, что вы делаете дурно; что мы будем делать двое с одною лошадью? я не могу сесть за вами, как это сделали сыновья Аймона, потерявшие брата; а вы не захотите унижить меня, поехавши шагом рядом со мной на таком великолепном скакуне. Что касается до меня, я бы взял деньги не задумавшись ни на минуту: они нам нужны для возвращения в Париж.

– А мне все-таки хочется взять лошадь, Атос.

– Напрасно, мой друг; лошадь может споткнуться и испортить себе ногу, может есть из яслей, из которых ела большая лошадь, и заразиться и тогда лошадь или сто пистолей погибли; да кроме того, хозяин должен кормить свою лошадь тогда как сто пистолей кормят своего хозяина.

– А как же мы возвратимся?

– На лошадях наших лакеев; по наружности нашей всякий узнает, что мы порядочные люди.

– Хороши мы будем на этих клячах, тогда как Портос и Арамис будут рисоваться на своих конях!

– Арамис! Портос! сказал Атос и засмеялся.

Д'Артаньян не понимал причины этого смеха и потому спросил:

– Что такое?

– Ничего, ничего, продолжайте, сказал Атос.

– Так по вашему мнению...

– Нужно взять сто пистолей, д'Артаньян, с ними мы отлично проживем до конца месяца; мы перенесли много трудов и потому не худо было бы немножко отдохнуть.

– Отдохнуть, мне? нет, Атос, я сейчас же отправляюсь в Париж отыскивать мою несчастную женщину.

– Хорошо, так неужели вы думаете, что лошадь будет вам при этом полезнее луидоров? возьмите сто пистолей, мой друг, возьмите.

Д'Артаньяну нужно было только представить убедительную причину, чтобы он согласился. А эта причина показалась ему вполне убедительною. Впрочем не соглашаясь так долго с Атосом, он уже боялся показаться ему эгоистом и потому уступил и взял сто пистолей, которые англичанин тотчас же отсчитал ему.

После этого они думали только об отъезде. Они взяли лошадей Планше и Гримо, а слуги их пошли пешком, неся седла на головах.

Как ни плохи были лошади наших друзей, но все-таки скоро опередили пеших слуг и прибыли в Кревкёр. Издали они заметили Арамиса, меланхолически облокотившегося на окно и смотревшего в даль.

– Эй, Арамис, что вы там делаете? закричали друзья.

– А, это вы! отвечал он; – размышлял о том, с какою быстротой исчезают блага этого мира, а моя английская лошадь, удалявшаяся постепенно и исчезнувшая в облаке пыли, служила живым изображением непрочности всего земного. Вся наша жизнь заключается в трех словах: было, есть, будет.

– Что же значат собственно эти слова? спросил д'Артаньян, опасаясь,

что тот сказал правду.

– Это значит, что меня обманули. Мне дали шестьдесят луидоров за лошадь, которая, судя по ее бегу, может делать по пяти миль в час рысью.

Д'Артаньян и Атос захохотали.

– Любезный д'Артаньян, сказал Арамис, – не сердитесь на меня, пожалуйста; нужда не знает законов, впрочем, я довольно наказан, потому что этот проклятый барышник надул меня, по крайней мере на пятьдесят луидоров. А вы очень бережливы, вы едете на лошадях своих лакеев, а ваших дорогих лошадей ведут за поводка шагом и с отдыхами.

В эту минуту фургон, ехавший по Амиенской дороге, остановился и из него вышли Планше и Гримо, с седлами на головах. Пустой фургон возвращался в Париж, и они уговорились с кучером, вместо платы за провоз, поить его всю дорогу.

– Это что значит, сказал Арамис, – одни только седла?

– Теперь понимаете? сказал Атос.

– Друзья мои, и со мной случилось то же самое; по инстинкту, я сохранил седло. Эй Базен, принеси мое седло и положи его вместе с седлами этих господ.

– А куда девались ваши богословы? спросил д'Артаньян.

– Я пригласил их на другой день обедать; мимоходом, сказать, здесь отличное вино; я напоил их как нельзя лучше; тогда священник запретил мне оставлять военную службу, а иезуит сам просился в мушкетеры. С тех пор я живу весело. Я начал поэму в одностопных стихах; это довольно трудно, но заслуга всегда состоит в преодолении трудностей. Предмет поэмы «прелестны»; я прочитаю вам первую песнь: четыреста стихов можно прочитать в минуту.

Д'Артаньян, не любивший стихов, почти так же как и латынь, сказал: любезный Арамис, прошу вас, прибавьте к достоинству трудности и краткость, тогда ваша поэма будет иметь два достоинства.

– Притом чувства в моей поэме самые невинные, вы увидите, сказал Арамис. – Так мы возвращаемся в Париж? Браво, я готов; мы увидимся опять с добрым нашим Портосом. Вы не поверите, как я без него соскучился. Он уже верно не продаст своей лошади, даже за целое королевство. Я воображаю, что он сидит на своей дорогой лошади с седлом как великий могол.

Они пробыли тут около часа, чтобы дать отдохнуть лошадям. Арамис рассчитался с хозяином, велел Базену сесть в фургон с его товарищами и друзья отправились в путь отыскивать Портоса.

Они застали его почти здоровым и не так бледным, каким видел его

д'Артаньян в первый раз. Он сидел за столом, на котором был приготовлен обед для четверых, хотя он был один дома. Обед состоял из вкусно приготовленных кушаньев, отборных вин и превосходных плодов.

– А, вы приехали очень кстати, господа, сказал он вставая, – я только что сел за стол и вы отобедаете со мной.

– Ого, сказал д'Артаньян, – где это Мускетон отыскал такие бутылки, телятину и филей?

– Я подкрепляю свои силы, сказал Портос; ничего так не расслабляет как эти ушибы; вы имели их, Атос?

– Никогда; помню только, что во время схватки в улице Феру я получил удар шпагой, который через две или две с половиной недели произвел во мне чувство подобное ушибу.

– Этот обед приготовлен ведь не для одних вас, Портос, сказал Арамис.

– Нет; я ожидал некоторых соседних дворян; но они прислали сказать, что не будут. Я ничего не потеряю, если вы замените их. Эй, Мускетон, поставь стулья и дай еще столько же вина.

Через десять минут Атос спросил, знают ли, какое ото кушанье?

– Еще бы! отвечал д'Артаньян, – это шпикованная говядина с зеленью и мозгами.

– А мне кажется, это бараний филей, сказал Портос.

– А мне кажется, фрикассе из цыплят, сказал Арамис.

– Вы все ошибаетесь, сказал с важностью Атос, – вы едите конину.

– Полно, пустяки! сказал д'Артаньян.

– Конину? спросил Арамис, с чувством отвращения.

Портос не отвечал.

– Да, конину, не правда ли, Портос, что мы едим конину? Да, может быть, и с чепраком?

– Нет, господа, седло у меня уцелело, отвечал Портос.

– Право, мы стоим друг друга, сказал Арамис, – как будто мы все сговорились.

– Что же делать, сказал Портос, – эта лошадь была так хороша, что все посетители мои стыдились за своих, видя ее, а я не хотел обижать их.

А ваша герцогиня все еще на водах, не правда ли? спросил д'Артаньян.

– Да, отвечал Портос. – Моя лошадь так понравилась одному из гостей, которых я ожидал сегодня, губернатору этой провинции, что я отдал ее ему.

– Подарил? спросил д'Артаньян.

– Да, именно, можно сказать подарил, отвечал Портос, – потому что она верно стоит ста пятидесяти луидоров, а этот скряга не хотел дать больше восьмидесяти.

– Без седла? спросил Арамис.

– Да, без седла.

– Заметьте, господа, сказал Атос, – что Портос сбыл свою лошадь выгоднее всех нас.

При этих словах раздался радостный хохот, поразивший бедного Портоса; но ему объяснили причину этой радости и он принял в ней участие, по обыкновению, громким смехом.

– Так мы все с деньгами, сказал д'Артаньян.

– Кроме меня, сказал Атос; – испанское вино Арамиса так понравилось мне, что я приказал положить шестьдесят бутылок его в фургон наших слуг и оттого очень обезденежел.

– А я, сказал Арамис, – вообразите, я отдал все до последнего су в церковь Мондитис и Амиенским иезуитам; кроме того я должен был заплатить долги за заказанные обедни за мое и ваше спасение, господа, которые принесут нам большую пользу.

– А вы думаете, сказал Портос, – что ушиб мой ничего мне не стоил? не считая раны Мускетона, для лечения которой я должен был приглашать хирурга по два раза в день и он брал с меня за визиты вдвое, под тем предлогом, что этому негодному Мускетону пуля попала в такое место, которое обыкновенно показывается только врагам; поэтому я советовал ему не давать вперед ранить себя в это место.

Атос, обменявшись улыбкой с д'Артаньяном и Арамисом, сказал: я вижу, что вы вели себя в отношении этого бедного малого так великодушно как добрый барин.

– Словом, сказал Портос, – с уплатой издержек у меня останется не больше тридцати экю.

– А у меня десять пистолей, сказал Арамис.

– Слышите, д'Артаньян, мы с вами, кажется, Крезы в этом обществе. Сколько у вас осталось из ваших ста пистолей?

– Из моих ста пистолей? Да ведь я отдал половину вам.

– Вы думаете?

– Наверно.

– Да, точно, теперь я вспомнил.

– Шесть пистолей я заплатил хозяину.

– Какая скотина этот хозяин, за что вы дали ему шесть пистолей?

– Вы мне велели.

- Правда, я очень добр. Так сколько же осталось?
- Двадцать пять.
- А у меня, сказал Атос, вынимая из кармана несколько мелких монет...
- У вас ничего.
- Ничего, или так мало, что не стоит прибавлять к общей сумме.
- Теперь сосчитаем, сколько у нас всего.
- У Портоса?
- Тридцать экю.
- У Арамиса?
- Десять пистолей.
- У вас, Д'Артаньян?
- Двадцать пять пистолей.
- Все это составляет? спросил Атос.
- 475 ливров! сказал д'Артаньян, умевший считать как Архимед.
- По приезде в Париж, у нас останется еще около четырех сот, сказал Портос, – и сверх того седла.
- А эскадронные лошади! сказал Арамис.
- Вот что: четырех лошадей наших слуг мы обратим в двух лошадей для себя и разыграем их в лотереи; четырехсот ливров достанет на пол-лошади; потом мы отдадим свои карманные деньги д'Артаньяну, у которого счастливая рука, и он пойдет с ними в первый попавшийся игорный дом; вот мой проект.
- Будемте же обедать, а то простынет, сказал Портос.
- Друзья, успокоившись на счет своей будущности, пообедали и передали остатки своим слугам. Приехав в Париж, д'Артаньян нашел у себя письмо от де-Тревиля, который уведомлял его, что, по его просьбе, король изъявил милостивое согласие свое на поступление д'Артаньяна в роту мушкетеров.
- Так как это было единственным предметом всех мечтаний д'Артаньяна, кроме желания найти госпожу Бонасиё, то он с радостью побежал к своим товарищам, с которыми расстался только за полчаса, и нашел их печальными и озабоченными. Они собрали совет у Атоса: это значило, что обстоятельства были очень важные.
- Де-Тревиль уведомил их, что его величество твердо решился начать войну 1 мая и чтоб они приготавливались к походу.
- Члены совета находились в затруднительном положении; де-Тревиль не шутил, когда дело шло о дисциплине.
- А во сколько вы цените свою экипировку? спросил д'Артаньян.

– Ах, но говори, по самому строгому расчету, каждому нужно по 1500 ливров.

– Четырежды полторы составляет шесть тысяч, сказал Атос.

– Мне кажется, сказал д'Артаньян, – что по тысячи ливров на каждого будет довольно, впрочем.

– Постойте, мне пришла счастливая мысль, сказал Портос.

– Это хорошо; а я не могу ничего придумать, сказал хладнокровно Атос; – но что касается до д'Артаньяна, то он потерял рассудок от радости, что имел счастье поступить в нашу роту; тысячу ливров! да я вам объявляю, что мне одному нужно две тысячи.

– Четырежды две восемь, сказал Арамис; – и так нам нужно восемь тысяч ливров на экипировку, из которой теперь у нас нет ничего кроме седел.

Атос, выждавши, пока д'Артаньян ушел благодарить де-Тревилья, сказал:

– Да, прекрасный бриллиант на руке нашего друга. Д'Артаньян так добр, что не решится оставить своих братьев в затруднении, имея на пальце такую драгоценность.

XIII. Охота за экипировкой

Самый озабоченный из четырех друзей был д'Артаньян, хотя ему как гвардейцу, легче было экипироваться чем знатным мушкетерам. Но наш гасконский кадет был предусмотрителен, очень расчетлив и притом (какой контраст!) тщеславием почти превосходил Портоса. К заботе об удовлетворении чувства тщеславия присоединилась другая, не столько эгоистическая, забота. Из сведений, собранных им о госпоже Бонасиё, он не узнал ничего. Де-Тревиль говорил о ней королеве; но королева не знала, где эта женщина и обещала велеть отыскать ее. Но обещание это было не надежно и не успокоило д'Артаньяна.

Атос не выходил из комнаты; он решил не заботиться нисколько об экипировке, говоря своим друзьям:

– Нам остается две недели. Если в течение этого времени я ничего не найду, или лучше сказать, если деньги не придут ко мне, то я, как христианин, не решусь всадить себе пулю в лоб, но пойду искать ссоры с четырьмя гвардейцами кардинала, или с восьмью англичанами и буду драться с ними до тех пор, пока меня убьют, а при неровном бое это наверно случится. Тогда скажут, что я умер за короля, так что я исполню долг службы, не имея надобности в экипировке.

Портос ходил по комнате, заложив назад руки, и говорил покачивая головою:

– Я приведу в исполнение свою мысль.

Озабоченный и растрепанный Арамис молчал.

Из этого печального описания видно, что отчаяние овладело товарищами.

Верные слуги сочувствовали заботам своих господ.

Мускетон запасался хлебными сухарями; Базен, всегда расположенный к набожности, не выходил из церкви; Планше наблюдал за полетом мух; а Гримо, не смотря на общее отчаяние, не решался нарушить молчания, наложенного на него его господином, и вздыхал так тяжело, что мог раздражить камень.

Трое друзей, кроме Атоса, давшего слово не заботиться об экипировке, выходили из дому рано утром и возвращались поздно вечером. Они блуждали по улицам и смотрели беспрестанно, не потерял ли кто-нибудь кошелек. Они с таким вниманием смотрели на землю, как будто отыскивали чей-нибудь след. Встречаясь, они смотрели друг на друга,

будто спрашивая: нашел ли ты чего-нибудь?

Но как Портосу первому пришла мысль, которую он настойчиво преследовал, то он первый начал действовать; он был человек весьма практический. Д'Артаньян заметил однажды, что он шел в церковь Сен-Лё и машинально пошел за ним. Портос вошел в церковь, покрутил усы и поправил эспаньолку, а это у него значило всегда, что он имел какое-нибудь смелое намерение.

Портос думал, что за ним никто не наблюдает. Но д'Артаньян вошел в церковь вслед за ним. Портос прислонился к колонне, д'Артаньян тоже, но с другой стороны.

В это время говорили проповедь и народу было очень много. Портос, пользуясь этим, стал рассматривать женщин. Наружный вид его не соответствовал печальному расположению его духа. Правда, шляпа его была потерта, перо полиняло, шитье повитерлось и кружева были поношены, но в полусвете все эти недостатки оставались незамеченными и Портос был все-таки красавец.

Д'Артаньян заметил на скамейке, ближайшей к той колонне, у которой они стояли, женщину в черном чепце, зрелых лет, желтую, худощавую, но бодрую и гордую. Взоры Портоса по временам робко на ней останавливались, а потом опять блуждали по церкви.

Дама с своей стороны краснела по временам и бросала быстрые взгляды на ветреного Портоса и тогда глаза его тотчас отворачивались от нее. Ясно было, что даме в черном чепце казались оскорбительными его взгляды, потому что она кусала себе губы и беспокойно сидела на своем месте.

Заметив это, Портос покрутил снова усы и поправил бородку и начал делать знаки одной прекрасной даме, сидевшей близь клироса; это была не только прекрасная, но, вероятно, и знатная дама, потому что за ней стоял маленький негр, принесший подушку, на которой она стояла на коленях, и служанка, державшая мешок, украшенный гербом, для молитвенника.

Дама в черном чепце следила за каждым взглядом Портоса и заметила, что он посматривал на даму с бархатной подушкой, негром и служанкой.

Портос продолжал свои нападения; он подмигивал, клал палец на губы и делал убийственные улыбки оскорбляемой им красавице.

Она ударила себя в грудь, как во время молитвы, и вздохнула так громко, что все, даже и дама с подушкой, оглянулись в ее сторону. Портос хорошо понял значение этого вздоха, но показал вид, будто не слышал его.

Дама с подушкой, очень красивая, сделала сильное впечатление на даму в черном чепце, видевшую в ней опасную соперницу; она сделала

большое впечатление и на Портоса, которой понял, что она гораздо красивее дамы в черном чепце, и на д'Артаньяна, узнавшего в ней даму, которую он видел в Мёнге, Кале и Лувре, и которую преследователь его, с рубцом на виске, называл миледи.

Д'Артаньян, не теряя из виду дамы с подушкой, следил за действиями Портоса, которые очень занимали его, он догадался, что дама в черном чепце была жена прокурора из Медвежьей улицы, тем более, что эта церковь была не очень далеко от той улицы.

Он догадался также, что Портос хотел отомстить ей за свое поражение в Шантильской улице, когда прокурорша так упорно отказала ему в деньгах, Проповедь кончилась; прокурорша подошла к сосуду с святою водой; Портос обогнал ее и, вместо пальца, опустил в сосуд всю руку.

Прокурорша улыбнулась, думая, что он хочет услужить ей; но она жестоко ошиблась, потому что когда она была от него только в трех шагах, он отвернулся и устремил пристальный взор на даму с подушкой, которая подходила в это время с негром и служанкой к сосуду.

Когда она подошла близко к Портосу, он вынул из сосуда мокрую руку; прекрасная молевица прикоснулась своею нежною ручкой к грубой руке Портоса, перекрестилась и улыбаясь вышла из церкви.

Прокурорша не могла перенести этого: она не сомневалась больше, что между этою дамой и Портосом была интрига. Если бы она была знатная дама, с ней бы сделался обморок, но как она была не больше как жена прокурора, то сказала только мушкетеру с гневом:

— А, господин Портос, вы не хотели дать мне святой воды?

Портос растерялся при этих словах, как человек, пробудившийся после долгого сна.

— Это вы, госпожа Кокнар! сказал он. Как поживает любезный муж ваш? Так ли он скуп как был прежде? Как это я не заметил вас во время двухчасовой проповеди?

— Я была в двух шагах от вас, но вы не заметили меня потому, что ни на кого не смотрели, кроме хорошенькой дамы, которой вы подали святой воды.

Портос притворился сконфуженным и сказал:

— Ах, вы заметили...

— Только слепой мог не заметить этого.

— Да, отвечал он небрежно, это герцогиня, моя приятельница, с которой мне очень трудно видаться по причине ревности ее мужа; она предупредила меня, что будет сегодня здесь только для того, чтобы меня видеть.

– Господин Портос, сказала прокурорша, будьте добры, дайте мне вашу руку; я желала бы поговорить с вами несколько минут.

– С удовольствием, сказал Портос, улыбаясь самодовольно как игрок, который смеется над побежденным противником.

В это время мимо его прошел д'Артаньян, преследовавший миледи, и видел его торжествующий взгляд.

– Эге, подумал он, увлекаясь безнравственностью того времени, этот верно будет экипирован к назначенному сроку.

Портос, увлекаемый рукою прокурорши, как судно рулем, дошел до монастыря св. Маглуара, места пустого, где днем бывали только нищие и дети; первые ели, последние играли.

Когда прокурорша убедилась, что кругом не было никого постороннего, кроме обыкновенных посетителей этого места, то сказала:

– А, господин Портос! вас, кажется, можно поздравить с хорошою победой!

– Меня? сказал Портос, охорашиваясь; отчего так?

– А ваши перемигивания, а святая вода! Эта дама с негренок и горничной должна быть по крайней мере княгиня.

– Вы ошибаетесь, сказал Портос, она не больше как герцогиня.

– С скороходом у дверей и кучером в блестящей ливрее?

Портос не заметил ни скорохода, ни кареты, но ревнивый глаз госпожи Кокнар все видел.

Портос жалел, что не назвал с первого разу княгиней даму с подушкой.

– Ах вы, баловень хорошеньких женщин, сказала вздыхая прокурорша.

– Природа одарила меня такою наружностью, отвечал Портос, что я, право, не могу жаловаться на холодность хорошеньких женщин.

– Боже мой! как скоро мужчины все забывают, сказала прокурорша, поднимая глаза к небу.

– Кажется, не так скоро, как женщины, отвечал Портос; потому что могу сказать, что я был вашею жертвой, когда раненый, умирающий, оставался без медицинской помощи; происходя из знатной фамилии и доверившись вашей дружбе, я едва не умер сперва от ран, потом с голоду, в дрянной Шантильской гостинице, а вы ни разу не удостоили меня ответа на страстные письма, которые я вам писал.

Прокурорша чувствовала, что, судя по поведению знатных дам того времени, она сделала дурно.

– Я пожертвовал для вас баронессой...

– Очень знаю.

– Графиней...

– Пожалейте меня, господин Портос.
– Герцогиней.
– Будьте великодушны!
– Извольте, я не буду продолжать.
– Но муж мой не хочет и слышать о том, чтобы давать кому-нибудь взаймы денег.

– Госпожа Кокнар, вспомните первое письмо, которое вы мне писали: я помню его от слова до слова.

– Это потому, что вы просили очень значительную сумму.

– Госпожа Кокнар, я предпочел вас, тогда как мне стоило только написать герцогине... я не назову ее имени, потому что не в моих правилах оскорблять честь женщины; но я знаю, что мне стоило только написать и она прислала бы мне полторы тысячи.

Слезы показались на глазах прокурорши и она сказала:

– Вы меня жестоко наказали, господин Портос, я клянусь вам, что если вы будете когда-нибудь в таких же обстоятельствах, то не получите от меня отказа.

– Полноте говорить о деньгах, отвечал Портос, притворяясь обиженным; это унижительно.

– Как, вы уже не любите меня! сказала прокурорша протяжно и печально.

Портос красноречиво молчал.

– Как-то вы мне отвечаете? А, понимаю!

– Подумайте об оскорблении, которое вы мне нанесли, сударыня; оно осталось здесь, сказал Портос, прижимая крепко руку к сердцу.

– Любезный Портос, позвольте мне поправить это дело.

– Впрочем, чего же я от вас требовал? сказал Портос, с видом добродушия; ничего кроме денег. Но ведь я не дурак. Я знаю, что вы небогаты, что ваш муж должен прижимать бедных просителей, чтобы выжать из них несколько экю; вот если бы вы были графиня, маркиза, или герцогиня, другое дело, тогда я не простил бы вам этого отказа.

Эти слова задела прокуроршу за живое.

– Заметьте, господин Портос, сказала она, – что хотя я и прокурорша, но мой сундук набит, может быть, потуже чем у всех ваших падших красавиц.

– Тем чувствительнее обида, которую вы нанесли мне, сказал Портос, освобождая свою руку от руки прокурорши, потому что если вы богаты, то отказ ваш неизвинителен.

Прокурорша видела, что она зашла слишком далеко, и потому сказала:

– Если я называю себя богатой, то не нужно понимать этого буквально; я не могу назвать себя вполне богатой, но имею средства.

– Не будемте, пожалуйста, говорить об этом; сказал Портос. Вы меня не поняли, – между нами нет никакого сочувствия.

– Неблагодарный!

– Советую вам жаловаться, сказал Портос.

– Ступайте же к своей прекрасной герцогине, – а вас не удерживаю.

– А, вы, кажется, не будете в отчаянии от этого.

– Скажите в последний раз, господин Портос, любите ли вы меня?

– Увы! сказал Портос таким грустным голосом, каким только умел, но скоро будет война, на которой я буду убит, как говорит мне предчувствие...

– Ах, не говорите этого! сказала прокурорша, рыдая.

– Что-то мне говорит, что будет так, сказал Портос, притворяясь еще более грустным.

– Скажите лучше, что у вас есть новый предмет любви.

– Откровенно скажу, что нет. Никакой новый предмет меня не занимает, и я даже чувствую, что в глубине сердца что-то говорит в вашу пользу.

Но знаете ли вы, что через две недели начнется война и я ужасно озабочен своею экипировкой. Поэтому я еду к родным в средину Бретани, чтобы достать сумму, необходимую для приготовления к войне.

Портос заметил, что она колебалась между скупостью и любовью.

– А так как имение герцогини, которую вы видели в церкви, продолжал Портос, смежно с моим, то мы поедем вместе. Вы знаете, что дорога кажется гораздо короче, когда едешь вдвоем.

– Разве у вас нет друзей в Париже, господин Портос? спросила прокурорша.

– Я думал, что есть, отвечал Портос задумчиво, но вижу, что я ошибался.

– У вас есть друзья, господин Портос, есть, сказала прокурорша с каким-то восторгом, которому сама удивлялась; приходите завтра к нам. Вы сын моей тетки и потому мой двоюродный брат; вы приехали из Нойона в Пикардии, у вас много процессов в Париже, но нет стряпчего. Запомните ли вы это?

– Непременно.

– Приходите к обеду.

– Очень хорошо.

– И не уступайте ни в чем моему мужу, потому что он еще молодец, несмотря на то, что ему 76 лет.

– 76 лет! чудесный возраст!

– То есть преклонные лета, вы хотите сказать, господин Портос, так что бедный старикашка каждую минуту может оставить меня вдовой, продолжала прокурорша, бросив значительный взгляд на Портоса. К счастью, по нашему свадебному контракту все имущество укреплено за тем, кто останется в живых.

– Все? спросил Портос.

– Все.

– Вы, я вижу, осторожная женщина, любезная госпожа Кокнар, сказал Портос нежно пожимая ей руку.

– Ну, вот мы и помирились, любезный господин Портос, сказала она с жеманством.

– И навсегда, отвечал Портос таким же тоном.

– Так до свидания, мой изменник.

– До свидания, моя ветреница.

– До завтра; мой ангел!

– До завтра, жизнь моя.

XIV. Миледи

Д'Артаньян следил за миледи так, что она его не заметила; он видел, как она села в карету и слышал, как она приказала кучеру ехать в Сен-Жермен.

Карета, запряженная двумя сильными лошадьми, быстро промчалась. Д'Артаньян видел, что невозможно следовать за ней пешком и поэтому возвратился в Ферускую улицу.

В Сенской улице он встретил Планше, остановившегося перед лавкой пирожника и рассматривавшего с восторгом пирожки самой соблазнительной наружности.

Он приказал ему оседлать двух лошадей из конюшен де-Тревилья и привести их к Атосу.

Де-Тревиль позволил д'Артаньяну однажды навсегда брать лошадей со своей конюшни.

Планше пошел в улицу Голубятни, а д'Артаньян в Ферускую. Атос был дома и печально допивал бутылку того знаменитого испанского вина, которое он привез из поездки своей в Пикардию. Он сделал Гримо знак, чтобы подал стакан для д'Артаньяна, что тот исполнил с свойственным ему послушанием.

Тогда д'Артаньян рассказал Атосу все, что случилось в церкви между Портосом и прокуроршею и каким образом их товарищ в эту минуту, вероятно, уже имел все нужное для экипировки.

– Что касается до меня, отвечал Атос на этот рассказ, я совершенно уверен, что не женщины примут на себя мои расходы по вооружению.

– А между тем ни княгини, ни королевы не устояли бы, любезный Атос, против вашей красоты, ловкости и знатности.

– Как молод этот д'Артаньян! сказал Атос, пожимая плечами, и велел Гримо принести другую бутылку.

В это время Планше скромно просунул голову в полуотворенную дверь и доложил своему господину, что лошади готовы.

– Какие лошади? спросил Атос.

– Две лошади, которые одолжил мне де-Тревиль для прогулки; я поеду на них кататься в Сен-Жермен.

– А что вы будете делать в Сен-Жермене? спросил Атос.

Тогда д'Артаньян рассказал ему, как он встретил в церкви и узнал ту женщину, которая вместе с господином в черном плаще и с рубцом на

виске, составляла для него мучительную загадку.

– То есть вы влюбились в нее так же, как прежде в госпожу Бонасиё, сказал Атос, пожимая презрительно плечами, как будто сожалея о слабости человеческой.

– Вовсе нет! Мне любопытно только разгадать таинственность, с которою она всегда является мне. Не знаю, почему мне кажется, что эта женщина имеет влияние на мою судьбу, не смотря на то, что я ее не знаю и она меня тоже.

– Признаюсь вам откровенно, сказал Атос, – что я не знаю женщины, которую стоило бы отыскивать, если она пропала. Госпожа Бонасиё пропала, тем хуже для нее; пусть кто хочет, отыскивает ее.

– Нет, Атос, вы ошибаетесь; я люблю несчастную мою Констанцию больше чем прежде, и если бы я знал, где она, я поехал бы на край света, чтоб исторгнуть ее из рук ее врагов; но что же делать, когда все поиски мои были напрасны и я не знаю, где она; поневоле нужно развлекаться.

– Так займитесь этой миледи, мой любезный д'Артаньян; желаю вам от всей души развлечься ей, если это может доставить вам удовольствие.

– Послушайте, Атос, чем сидеть взаперти, точно под арестом, садитесь-ка лучше на лошадь и поедem со мною кататься в Сен-Жермен.

– Любезный, отвечал Атос, я езжу верхом когда у меня есть свои лошади, а когда нет их, хожу пешком.

– А я не так горд как вы; я езжу на чем попало, отвечал д'Артаньян, который обиделся бы словами Атоса, если б они были сказаны кем-нибудь другим.

– Так до свидания, любезный Атос!

– До свиданья, сказал мушкетер, – делая Гримо знак, чтоб он откупорил вновь принесенную бутылку.

Д'Артаньян и Планше сели на лошадей и поехали в Сен-Жермен.

Во все время, пока они ехали, у д'Артаньяна не выходили из головы слова, сказанные Атосом о госпоже Бонасиё. Хотя он был не очень чувствителен, но хорошенькая лавочница сделала сильное влияние на его сердце; он правду говорил, что готов был идти на край света искать ее. Но как у света много краев, потому что он круглый, то он не знал куда идти.

Между тем ему хотелось узнать, что такое миледи. Она говорила с человеком в черном плаще; стало быть, она знала его. А, по мнению д'Артаньяна, он же похитил госпожу Бонасиё во второй раз, как и в первый. Поэтому д'Артаньян не много ошибался, говоря, что отыскивать миледи значило отыскивать в тоже время и Констанцию.

Рассуждая таким образом и погоняя по временам свою лошадь,

д'Артаньян приехал в Сен-Жермен. Он проехал мимо павильона, в котором десять лет спустя родился Людовик XIV, он ехал по одной совершенно глухой улице и оглядывался на обе стороны, надеясь открыть какой-нибудь след прекрасной англичанки и вдруг заметил знакомое лицо в нижнем этаже одного хорошенького домика, не имевшем ни одного окна на улицу, по тогдашнему обыкновению. Эта особа прогуливалась на небольшой террасе, уставленной цветами. Планше сразу узнал ее и сказал:

– Не знакомо ли вам, барин, лицо этого человека, зевающего по сторонам?

– Нет, сказал д'Артаньян, – но я вижу его, кажется, не в первый раз.

– Конечно, не в первый; это несчастный Любен, слуга графа Варда, которого вы так хорошо отделали месяц назад в Кале, на дороге к даче губернатора.

– Да, теперь я его узнаю, сказал д'Артаньян. – А как ты думаешь, узнал ли он тебя?

– Он был тогда так расстроен, что едва ли мог сохранить обо мне ясное воспоминание.

– Так поди, поговори с ним, сказал д'Артаньян, – и постарайся узнать из разговора, жив ли его барин.

Планше сошел с лошади и подошел к Любену, который действительно не узнал его. Они начали разговаривать самым дружеским тоном, между тем как д'Артаньян, отведя лошадей в переулочек, объехал кругом дома и стал прислушиваться к их разговору, скрывшись за плетнем из орешника.

Спустя минуту он услышал шум экипажа и перед ним остановилась карета миледи. Он видел ясно, что она сама была в карете. Он прилег на шею лошади, чтобы видеть все и не быть замеченным.

Миледи высунула из дверцы свою очаровательную белокурую головку и отдала приказание своей горничной.

Эта горничная, хорошенькая девушка, двадцати или двадцати двух лет, живая и веселенькая, настоящая субретка знатной дамы, быстро соскочила с подножки, на которой она сидела, по обычаю того времени, и пошла к террасе, на которой д'Артаньян видел Любена.

Д'Артаньян следил за ней глазами и видел, что она пошла к террасе. Но, случайным образом, в эту минуту кто-то из дома позвал Любена и Планше остался один, посматривая во все стороны, нет ли где д'Артаньяна.

Горничная подошла к Планше, приняв его за Любена, и, отдавая ему записочку, сказала:

– Вашему барину.

– Моему барину? спросил удивленный Планше.

– Да, и очень нужное; берите скорее.

С этими словами она побежала к карете, которую между тем поворотили в ту сторону, откуда приехали; она вскочила на подножку и карета покатила.

Планше повертел записку в руках, но приученный к слепому повиновению, соскочил с террасы, пошел в переулочек и в двадцати шагах встретил д'Артаньяна, ехавшего ему навстречу.

– К вам, барин, сказал Планше, подавая ему записку.

– Ко мне? уверен ли ты в этом?

– Еще бы! субретка сказала: «вашему барину», а у меня нет барина кроме вас, стало быть – а не правда ли, славная девушка эта субретка?

Д'Артаньян вскрыл записку и прочел:

– Особа, интересующаяся вами, как нельзя больше желает знать, когда вы можете приехать кататься в лесу. Завтра в гостинице Шамдю-драдор лакей в ливрее красного цвета с черным будет ждать вашего ответа.»

– Ого! подумал д'Артаньян, – как это скоро! Кажется, мы с миледи заботимся о здоровье одной и той же особы. Ну что, Планше, как поживает добрейший господин де-Вард? жив ли он?

– Жив, барин, и здоров на столько, на сколько это возможно после четырех ран; потому что, не в обиду вам будет сказано, вы нанесли ему четыре раны; он еще очень слаб от потери крови. Любен точно не узнал меня и рассказал мне всю нашу историю с начала до конца.

– Славно, Планше, ты лучший из лакеев, теперь садись на лошадь и поедом догонять карету.

Через пять минут они увидели карету, остановившуюся на дороге и подле кареты щегольски одетого мужчину верхом.

Разговор между ним и миледи был так оживлен, что никто, кроме субретки, не заметил как д'Артаньян остановился по другую сторону кареты.

Разговор шел на английском языке, которого д'Артаньян не понимал; но он догадывался, что прёкрасная англичанка гневается; он вполне убедился в справедливости своей догадки, когда при конце разговора она ударила своего собеседника веером, который разлетелся вдребезги.

Мужчина при этом захохотал, отчего миледи, казалось, пришла в отчаяние.

Д'Артаньяну казалась эта минута удобною начать разговор; он приблизился к дверцам кареты и сказал, почтительно снимая шляпу.

– Сударыня! позвольте мне предложить вам мои услуги! этот господин, кажется, рассердил вас. Скажите слово и я приму на себя

обязанность наказать его за невежливость.

При первых словах миледи обернулась к молодому человеку и смотрела на него с удивлением, а когда он кончил, сказала ему чистым французским языком.

– Я с большим удовольствием отдалась бы под ваше покровительство, если бы тот, с кем я ссорилась, не был брат мой.

– В таком случае извините меня, я этого не знал.

– Зачем эта ворона мешается не в свое дело и почему не едет своею дорогой? сказал, наклонясь к дверцам, мужчина, которого миледи назвала своим родственником.

– Вы сами ворона, сказал д'Артаньян, тоже наклонясь и отвечая ему через дверцу; – я не еду своею дорогой, потому что хочу оставаться здесь.

Мужчина сказал своей сестре несколько слов по-английски.

– Я говорю с вами по-французски, сказал д'Артаньян, – и потому не угодно ли вам отвечать мне тоже по-французски. Положим, что вы брат этой дамы, но, к счастью, мне вы не брат.

Можно было ожидать, что миледи, робкая, как большая часть женщин, вмешается в это начало вызова на дуэль и не позволит ссоре продолжаться, но, напротив, она откинулась в глубину кареты и спокойно закричала кучеру:

– Пошел домой!

Хорошенькая субретка бросила беспокойный взгляд на д'Артаньяна, красота которого сделала, казалось, на нее впечатление.

Карета поехала и между ссорившимися не осталось никакого физического препятствия.

Кавалер хотел ехать за каретой, но д'Артаньян остановил его, схватив лошадь за узду.

Д'Артаньян еще больше рассердился, когда узнал в своем противнике англичанина, который выиграл у Атоса его лошадь и мог выиграть его перстень.

– Милостивый государь, сказал он, – вы больше похожи на ворону чем я, потому что притворяетесь, будто забыли о том, что мы поссорились.

– А, это вы, почтенный! сказал англичанин: – видно, с вами непременно нужно играть в не ту игру, так в другую.

– Да, я помню, что мне нужно еще от вас отыграться. Посмотрим, так ли вы владеете шпагой как костями.

– Вы видите, что при мне нет шпаги, сказал англичанин; – что же вы храбритесь пред безоружным?

– Надеюсь, что у вас дома есть шпага. Во всяком случае, у меня их две

и, если хотите, сыграемте на одну из них.

– Не нужно, сказал англичанин, – у меня порядочный запас этого оружия.

– В таком случае выберите из них самую длинную и покажите мне ее сегодня вечером.

– Где вам угодно?

– За Люксембургом; это место самое приятное для прогулок в таком роде.

– Хорошо, я буду.

– В каком часу?

– В шесть.

– Кстати, у вас есть один или два друга?

– Есть три таких, которые за честь почтут играть в ту же игру.

– Три? чудесно; как мы сходимся в этом, сказал д'Артаньян – у меня тоже три.

– Теперь скажите, кто вы? спросил англичанин.

– Я д'Артаньян, гасконский дворянин, служащий в гвардии, в роте Дезессара. А вы?

– Я лорд Винтер, барон Шеффилдский.

– Так я ваш покорнейший слуга, господин барон, хотя мне трудно выговорить ваше имя.

После этого д'Артаньян поскакал галопом в Париж.

Он зашел к Атосу, как обыкновенно делал в подобных случаях.

Он нашел Атоса лежащим на большом диване и ожидавшим, что кто-нибудь принесет ему денег для обмундировки.

Он рассказал Атосу обо всем, что с ним случилось кроме письма.

Атос был в восторге, когда узнал, что будет драться с англичанином; мы уже сказали, что он только об этом и мечтал.

Они послали тотчас же своих слуг за Портосом и Арамисом и рассказали им о случившемся.

Портос обнажил шпагу и начал фехтовать против стены, иногда отступая и делая движения по всем правилам искусства.

Арамис, занятый своею поэмой, заперся в кабинете Атоса и не велел тревожить себя до начала дуэли.

Атос знаком потребовал у Гримо еще бутылку вина.

Д'Артаньян составил себе между тем план, исполнение которого мы увидим впоследствии. План этот обещал ему какое-нибудь приятное приключение, судя по улыбке, которая появлялась по временам на задумчивом лице его.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ